

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3 (6), 2013

Филология. История. Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров*, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

- Д. И. Польшинский*, д-р ист. наук,
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Кромер Э. В. Структура разговорных номинаций как проявление основных тенденций разговорной речи 5

Павловская О. А. Некрасовские реминисценции в поэтическом мире А. Н. Апухтина 12

Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Об одной разновидности авторского словаря (На основе проекта фразеологического словаря рядового носителя языка) 18

Николаева П. В. О «вспомогательных средствах красноречия» в произведениях Л. Стерна и Н. В. Гоголя 35

Шилова Е. А. Англоязычные словари туризма для разных групп пользователей 41

Григорян А. А. О влиянии контекста на функционирование непрямых дополнений 45

Маякина М. А. Взаимодействие вербального и невербального кодов: сходства и различия (Коммуникативный аспект) 48

Полякова Е. А. Мифопоэтическая модель мира в древнеанглийской поэме «Видение Креста» 52

История

Корников А. А. Год истории на историческом факультете ИвГУ 54

Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Новые находки антропоморфных изображений из старых коллекций археологического музея ИвГУ 62

Тюленев В. М. Эннодий и Померий: к истории одного письма 69

Степанов М. Ю. Термины «Русь» и «Украина» в православной общественной мысли Речи Посполитой конца XVI — начала XVII в. 76

Усманов С. М. «Русская цивилизация» и наследие Константина Леонтьева 82

Философия

Булычёв И. И. П. Д. Успенский как представитель эзотерического философского конструктивизма **90**

Куликов Д. В. Освоение феномена обыденного сознания в античной философии **95**

Толстомятов А. А. Что такое кателогия **101**

Рецензии

Григорян А. А. Рец. на кн.: *Прошин А. В.* Словарь функциональных синонимов английского языка. Челябинск, 2011 **109**

Дмитревская И. В. Отзыв на: *Смирнов Д. Г.* Онтолого-гносеологические основания ноосферной истории: универсумно-семиологический и системно-синергетический подходы: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2012 **111**

Рыкова А. С. Рец. на кн.: Америка: литературные и культурные отображения:

коллектив. моногр. / под ред. О. Ю. Анцыферовой. Иваново, 2012 **114**

Хроника

Туризм и гостеприимство без границ! (*С. А. Маник*) **118**

Кафедра английской филологии на международном симпозиуме в Риге (*С. А. Маник*) **120**

Отчет о проведении научного семинара «Актуальные вопросы современной германистики» (*Е. А. Вансяцкая*) **121**

Юбилей

Философ путешествий (*К 50-летию профессора кафедры философии ИвГУ М. Ю. Тимофеева*) **123**

Сведения об авторах **125**

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» **127**

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *О. В. Батова, О. В. Боронина,*
О. А. Кручинина
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Г. Б. Клецкиной*

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 3 (6), 2013

Philology. History. Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)
K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

- D. I. Polyvyanny*, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)
O. M. Karpova, Doctor of Philology
A. N. Taganov, Doctor of Philology
E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology
A. A. Kornikov, Doctor of History
K. E. Baldin, Doctor of History
V. M. Tyulenev, Doctor of History
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy
T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy
D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

CONTENTS

Philology

- Kromer E. V.** Structure of colloquial nominations as manifestation of main tendencies of colloquial speech 5
Pavlovskaya O. A. Nekrasov's reminiscence in poetic world of A. N. Apuhtin 12
Husnutdinov A. A., Husnutdinova A. A. On one variety of author's dictionary (Based on the project of ordinary native speaker's phrase-book) 18
Nikolaeva P. V. About «the subsidiary means of eloquence» in the works of L. Sterne and N. V. Gogol 35
Shilova E. A. LSP dictionaries of tourism for various groups of users 41
Grigoryan A. A. Indirect objects functioning: context impact 45
Mayakina M. A. Interrelation of verbal and nonverbal codes: similarities and differences (Communicative aspect) 48
Polyakova E. A. Mythopoetic model of the world in the old english poem *The Dream of the Rood* 52

History

- Kornikov A. A.** The year of history at the History Department of the IvSU 54
Kostyleva E. L., Utkin A. V. New findings of anthropomorphic images from old collections of archaeological museum of Ivanovo State University 62
Tyulenev V. M. Ennodius and Pomerius: history of one letter 69
Stepanov M. Yu. Terms «Russia» and «Ukraine» in the orthodox thought of Rzeczpospolita at the end of the XVI — beginning of the XVII c. 76
Usmanov S. M. «Russian civilization» and the heritage of Konstantin Leontyev 82

Philosophy

Bulychev I. I. P. D. Ouspensky as representative of esoteric philosophical constructivism **90**

Kulikov D. V. The consideration of everyday conscience phenomenon in the ancient philosophy **95**

Tolstopyatov A. A. What category is **101**

Reviews

Grigoryan A. A. Review to: Proshin A. V. A dictionary of functional synonyms in English. Chelyabinsk, 2011 **109**

Dmitrevskaya I. V. Review to: Smirnov D. G. Ontological and gnoseological foundations of Noospheric History: universal-semiotic and system-synergic approaches: doctoral thesis. Ivanovo, 2012 **111**

Rykova A. S. Review to: America: literary and cultural reflections / ed. by O. Antsyferova. Ivanovo, 2012 **114**

Chronicle

Tourism and hospitality beyond borders (S. A. Manik) **118**

English Philology Department at International Symposium in Riga (S. A. Manik) **120**

Seminar on actual problems of contemporary Germanic studies (E. A. Vansyatskaya) **121**

Anniversaries

The philosopher of journeys (In honour of the 50th anniversary of M. Yu. Timofeev, the professor of the Philosophy Department of IvSU) **123**

Information about the authors **125**

Information for the authors
of «Ivanovo State University Bulletin» **127**

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362
tel./fax (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Editorial staff:

Publishing house director *L. V. Mikheeva*
Editors: *O. V. Batova, O. V. Boronina,*
O. A. Kruchinina
Technical editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *G. B. Klyotskina*

ББК 81.411.2-55

Э. В. Кромер

СТРУКТУРА РАЗГОВОРНЫХ НОМИНАЦИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Анализируется действие основных тенденций русской разговорной речи (синкретизм и расчлененность) в сфере номинативных единиц, рассматриваются специфические для разговорной речи средства и способы создания номинаций.

Ключевые слова: русская разговорная речь, номинация, косвенная номинация, расчлененность, синкретизм.

This article analyzes the effect of the major trends in Russian colloquial speech (syncretism and dismemberment) nominative units sphere regarding ways and means of creating nominations in colloquial speech.

Key words: Russian colloquial speech, nomination, indirect nomination, syncretism, dismemberment.

Русская разговорная речь (РР) является неcodифицированной разновидностью литературного языка [1, 2, 3].

РР используется при следующих условиях общения: неподготовленности, непринужденности, непосредственном участии говорящих в акте коммуникации. Важную роль в коммуникации играют также ситуация, невербальные средства общения, устная форма реализации [2]. Экстралингвистические признаки обуславливают собственно лингвистические особенности разговорной речи, проявляющиеся на всех языковых уровнях.

Анализ РР позволил обнаружить действие противоположных тенденций, характеризующих строение системы РР: тенденции к синкретизму и расчлененности. Нас интересует проявление этих тенденций в сфере номинативных единиц РР.

Наука, изучающая принципы и закономерности обозначения предметов и выражения понятий средствами языка, называется ономастологией или теорией номинаций (в отличие от науки о значении, семасиологии) [2, с. 403].

Основной единицей номинации является слово. Лингвистическая традиция выделяет четыре основные части речи, обладающие номинативными свойствами: существительное, прилагательное, глагол, наречие. Они обладают наибольшим словообразовательным потенциалом. Среди названных частей речи «самой номинативной» оказывается имя существительное, которое дает языку наибольшие возможности для создания нового обозначения (предметы, действия, состояния, признаки, свойства). Абсолютную номинативную значимость имеет именительный падеж существительного, не обремененный дополнительной синтаксической нагрузкой.

© Кромер Э. В., 2013

Свойства других номинативных частей речи ограничены. У глагола на первом плане предикативная функция, даже инфинитив в силу синтаксической обусловленности не является «чисто» номинативной формой. Номинативная значимость прилагательных и наречий ослаблена их зависимой синтаксической позицией в предложении, словосочетании. В качестве номинативной единицы могут выступать и словосочетания, прежде всего атрибутивные, способные включаться в предложение как готовое целое, то есть выступать в синтаксически независимой позиции: *железная дорога, аттестат зрелости, ученый совет, детский сад, продленная группа, первая скрипка* и др.

Кодифицированный литературный язык (КЛЯ) и РР отличаются составом номинативных средств. В КЛЯ основными номинативными единицами оказываются существительное и атрибутивная конструкция. В РР средств создания номинаций гораздо больше: это и слова разных частей речи, и сочетания слов.

Цель данной статьи — рассмотреть специфические для РР средства и способы создания номинаций.

«Включенность» разговорных высказываний в ситуацию создает условия для появления специфических для РР номинаций. Говорящие часто именуют окружающие предметы, лица, исходя из потребностей данного конкретного общения, данной ситуации, поэтому многим номинациям свойственна ситуативность.

Можно выделить специфические признаки разговорных номинаций.

✓ Ситуативность обозначения. Многие номинации РР получают свою определенность только в условиях определенной ситуации:

— *Дай мне скрепялку // (= степлер, скрепка, папка с фиксатором, зажим для волос и т. п.);*

— *Мне в клеточку // (тетради, белье, носки, рубашку, блузку, керамическую плитку; посадить птичку, кролика и т. п.).*

Вне контекста, ситуации можно понять лишь общий признак, свойство данного предмета, но не определить предмет как таковой.

✓ Семантическая экономия как следствие ситуативной обусловленности, спонтанности речи. Невыраженными могут оказаться семантические отношения между словесно выраженными членами номинации. Вне контекста, ситуации смысл номинации может быть различным:

— *Идешь домой?*

— *Посижу еще // У меня олимпиадные дела // (= подготовка к олимпиаде; отчет по...; оформление материалов к...; разработка заданий к... и т. п.);*

— *Деньги пришли олимпиадные // (для проведения...; для покупки призов...; для оплаты работы... и т. п.);*

— *У нас газовая эпопея // (все, что может быть связано с газом: проведение, установка счетчика, ожидание мастера, подготовка документов и т. п.).*

Невыраженными могут оказаться отношения между номинацией и предметом, который она именует:

<Преподаватель работает на филфаке с русскими и иностранными студентами>

— *У меня две группы / англичане и немцы //*

— *А наши есть?*

— Они все наши, только иностранный язык изучают разный / вот их и разделили / чтоб не путать //

— А-а! / А у меня немцы настоящие // включенники //

В условиях РР в случае непонимания всегда есть возможность переспроса, что в целом обеспечивает однозначность восприятия.

✓ Синкретизм формы выражения, в результате чего появляется большое количество универбатов, отглагольных существительных, соотносимых в КЛЯ со словосочетаниями, предикативными конструкциями:

— А где у нас прочисталка? Раковина засорилась // (= предмет для прочистки раковины);

— Много у вас включенников? (= студентов на включенном обучении).

В процессе непринужденного общения говорящий часто не воспроизводит существующие в языке слова, а производит их. При этом в номинации актуализируется значение, подсказанное ситуацией.

✓ Косвенные номинации, часто возникающие при различных видах экономии (семантической, формальной). Указание на выделяемый признак дается путем сравнения, сопоставления с другим предметом, имеющим такой признак. Выделяемый в номинации признак ситуативно прикреплен. Наличием большого числа косвенных номинаций РР резко отличается от КЛЯ:

— Из второго подъезда / с усиками такой / машину угнали // (= У мужчины из второго подъезда, у которого пышные усы, угнали машину);

— В среду сдавала / не сдала // (= студентка, которая сдавала...);

— На гитаре играл / мне очень нравится // (= парень, который...).

Подобные номинации соотносимы с целыми высказываниями.

✓ Ослабление контраста между явлениями номинации и предикации, установленное в связи с анализом косвенных номинаций. Многим номинациям РР в КЛЯ соответствуют целые предикативно-объектные конструкции:

— Положи в Чехова // (= положить в книгу, автор которой А. П. Чехов);

— Какой у нас отпуск / бабушка // (= невозможно куда-то уехать в отпуск, так как болеет бабушка);

— Из-за бабушки ничего не успеваем // (= так как болеет бабушка).

✓ Существенное различие номинативного потенциала слов разных частей речи в КЛЯ и РР. Самой номинативной частью речи в КЛЯ является существительное, в РР этими свойствами обладают и другие части речи. В качестве номинативных средств используются и синтаксические единицы (предикативные структуры, предложно-падежные конструкции):

— Пойдешь в театр?

— Нос мешает // (= насморк мешает пойти в театр);

— В очках приходила / кто?

— Молоко продает / соседка моя //

— Маленькая такая / где стоит //

✓ Отражение действия общих тенденций РР: синкретизма и расчлененности в структуре разговорных номинаций.

Синкретизм в плане содержания проявляется в смысловой многозначности наименований, в плане выражения — в существовании универбатов и других видов однословных производных номинаций.

Расчлененность в плане содержания проявляется в мотивированном обозначении предметов и явлений, в их производном характере; в плане выражения — в наличии неоднословных номинаций.

Синкретизм и расчлененность в плане содержания и в плане выражения могут соотноситься, а могут и не совпадать. Например, номинация *чем чистить* является синкретичной в плане содержания, но расчлененной в плане выражения, *положить в Чехова, я не приду из-за батареи* — синкретичны как в плане содержания, так и в плане выражения.

Рассмотрим наиболее типичные для РР виды номинаций. Интерес представляют косвенные номинации — однословные (производные) и неоднословные.

Связь с ситуацией приводит к возможности экономить средства выражения, неоднословные номинации заменяются однословными. Это проявление синкретизма как в плане выражения, так и в плане содержания. ОДНОСЛОВНЫЕ НОМИНАЦИИ создаются аффиксальными и неаффиксальными способами.

В неаффиксальных номинациях происходит сокращение одного из компонентов исходной неоднословной номинации. Можно выделить такие модели номинаций:

✓ сокращение определяемого в атрибутивном словосочетании; производные субстантиваты имеют разные значения:

а) лица по какому-либо признаку: *факультетские, ивановские, в зимнем*;

б) наименования видов кушаний: *мясное, вкусненькое, сладкое*;

в) наименования видов одежды: *летнее, зимнее, короткое, шерстяное*;

г) названия магазинов, отделов, учреждений, кафедр, предметов и т. п.: *овощной, обувной, мясной, молочный, медицинский*.

— Ты где специализируешься?

— Я на русской (= на кафедре *русской литературы*).

— А ты?

— На современном (= на кафедре *современного русского языка*).

— Что сдаем?

— Зарубежную! (= *зарубежную литературу*);

✓ сокращение определяющего в атрибутивных сочетаниях: *у меня температура* (= высокая), *давление* (= высокое, низкое); *пошла на совет* (= ученый совет), *отвели ребенка в сад* (= детский сад);

✓ семантические стяжения способом устранения определяемого: *диплом* (= дипломная работа), *мотор* (= моторная лодка), *декрет* (= декретный отпуск), *вирус* (= вирусная инфекция);

✓ глагольные сочетания-конденсаты (стяжения): *окончить* (= учебное заведение), *сдать* (= экзамены), *поступить* (= в учебное заведение), *отметить* (= праздник), *снять* (= с занимаемой должности).

Более типичными являются однословные номинации, образованные различными деривационными средствами. Аффиксальные номинации относятся к области неузвального словообразования, что также специфично для РР.

Можно выделить следующие виды таких номинаций:

✓ конденсаты, стяжения способом аффиксальной деривации. От основы мотивирующего прилагательного (атрибута словосочетания) + суффиксы *-к-*, реже *-лк-*, *-ик-* образуются существительные со значением лица или предмета. В исходном словосочетании устраняется родовое слово, а спецификатор

(видовое качество) сохраняется: *полива|льн(ая) машина* → *поливалка*, *маршрутное такси* → *маршрутка*, *электронная почта* → *электронка*, *методичка*, *сменка*, *микроволновка*, *мобильник*, *обменник*; *заочник*, *сердечник*, *гипертоник*, *сезонник*, *надомник*, *транзитник*, *включенник*, *силови́к*. Экспрессивные образования: *информационные технологии* → *информашка*, *губная помада* → *губнушка*, *спе́курс* → *спе́уха*, *курсовая работа* → *курсач*, *курсив*.

Ситуативность РР не мешает существованию омонимичных образований: *академичка* = *библиотека*, *больница*; *вязанка* = *кофта*, *шапка*, *перчатки*; *спе́уха* = *одежда*, *курс*; *курсив* = *шрифт*, *курсовая работа*.

Рассмотренные производные слова семантически соотносимы с соответствующими словосочетаниями, они втягивают, конденсируют и семантику, и форму этих словосочетаний. Это явление называют разными терминами: включение, семантическая конденсация, универбация, в зависимости от того, на что обращается внимание: на форму или содержание;

✓ синтаксические дериваты (отглагольные и отаде́ктивные существительные), способствующие упрощению синтаксической структуры высказывания. Подобные существительные достаточно активны в РР, поэтому представление о том, что для РР типично преобладание производных с конкретной семантикой, не совсем верно [3, с. 115]. Наиболее продуктивны отглагольные существительные с суффиксом *-ни́-* и отаде́ктивные с суффиксом *-ость-*:

- *Твое нуканье (от нукать) мне надоело;*
- *Все бренчишь // Как надоело твое бренчание //*
- *Надоел своим эсэмэсканьем / позвонил бы лучше //*

Довольно часто появлению подобных слов способствует включение соответствующего глагола в предыдущее высказывание или реплику. При отглагольных существительных часто используется местоимение, которое ослабляет абстрактность подобных образований, усиливает связь с конкретной ситуацией личного общения:

- *У меня свербит в горле //*
- *Нужно лекарство от этого свербения //*
- *Она все занятие вертится // Меня ее вертистость беспокоит //*
- *Замучили своей компьютерностью // (= необходимостью овладеть компьютерной грамотностью).*

Подобные существительные могут обозначать не только отвлеченный признак, но и конкретный предмет, носитель этого признака:

- *Где ты эту сухофруктость нашла?*
- *Угощали нас всякими разностями / вкусностями //*
- *Нет ли у тебя какой-нибудь молочности / желудок тянет?*

✓ аффиксальные новообразования по актуальному для данной ситуации признаку. В условиях спонтанного неподготовленного общения говорящему легче придумать новое слово, чем вспомнить старое. Новизна этих ситуативных обозначений часто не замечается, так как они создаются по продуктивным моделям, тесно спаяны с ситуацией. Наименование предмета или лица происходит по какому-либо признаку, важному для данной ситуации. Это не всегда самый существенный признак лица или предмета, но актуальный для данного общения.

- *Не нож / а крошило какое-то // (= крошит вместо того, чтобы резать);*

- Сколько выступальщиц по программе?
- Все ли ваши аэробницы пришли?
- Андрюша с Машей конфетники / хлебом не корми / дай конфет //
- Приходила эта спрашивальщица / надоела //
- Какой салат будешь?
- Самый салатистый (= вкусный)
- Я тоже только салат // Мы с тобой прямо салатницы //

Ухо наше менее требовательно, чем глаз, поэтому мы легко миримся с утратой управляемого или управляющего слова, с разрушением словосочетания, с семантической конденсацией. Таким образом, всякое стяжение, сокращение в РР естественно. Опора на ситуацию, общую апперцепционную базу говорящих (предситуацию) дает возможность максимально сократить текст сообщения.

НЕОДНОСЛОВНЫЕ НОМИНАЦИИ специфичны для РР. Наиболее активны следующие разновидности:

✓ предложно-падежные конструкции, называющие лицо или предмет по характерному для данной ситуации признаку:

- С длинной косой такая / из нашей группы //
- <В ситуации покупки>
- Мне от горла / насморка / давления // для глаз / ресниц / волос и т. п.;
- с колбасой / сыром / рыбой / сметаной / запасным блоком и т. п.;

✓ глагольные номинации. Они всегда ситуативно обусловлены: объект или субъект действия непосредственно задан ситуацией, а вот его специфические свойства включаются в номинацию. Так появляются обобщенные недифференцированные номинации типа лекции читает / заболела (= преподаватель), на плите стоит / выключи (= чайник, кастрюля).

Подобные номинации дают характеристику лица или предмета по действию:

- В среду сдавала / не сдала //
- В соседнем корпусе продается / видела //

Следующая за номинацией часть может содержать местоименный коррелят; как правило, номинация интонационно отделяется от остальной части высказывания:

- На пересдачу просился / ему не разрешили //
- На конференции выступала / ей грамоту дали //

Номинации со спрягаемой формой глагола нередко выступают в конструкциях с именным сказуемым, выполняя функцию подлежащего / дополнения при нем:

- На столе лежит / это твоя работа?
- На доске висит / это ты писала?
- В брюках пришла / твоя подружка?

Такие номинации по функции близки синтаксическим конструкциям с именительным темой. Ср.: *Масленица... Это слово я и теперь чувствую, как в детстве* (И. Шмелев);

✓ глагольные номинации с относительным местоимением — местоимение + инфинитив: *чем писать* (= ручка, карандаш), *чем стирать* (= мыло, порошок, паста), *во что завернуть*, *с чем попить*. Подобные конструкции похожи на придаточные части СПП, но присоединяются они к высказыванию без соотносительного местоимения (*то, чем...*), относительное местоимение безударно. Ср.: *Я не знаю, чем мне писать*. — *Дай чем писать*.

Относительное местоимение может сочетаться не с инфинитивом (как в предыдущем случае), а со спрягаемой формой глагола. Такие номинации отличаются большей конкретностью: дай / чем мама стирает // (ср.: дай чем стирать //); принеси во что продавец заворачивала // (ср.: принеси во что завернуть); чем полоскала / помогло? что надевала / убрала? кто пробирает / куда ушла? придут / кто со мной учится // печатаем / кто в школе работает //

✓ номинации с относительным местоимением (безглагольные), выступающие номинацией предмета в репликах-реакциях:

- Где расписание?
- Где деканат //
- Где будем заниматься?
- Где кабинет //
- Где мое полотенце?
- Где белье //

✓ безглагольные номинации с местоимением *который*, называющие лицо или предмет по актуальному для данной ситуации признаку:

- Это какая Даша?
- Которая ОЗО //
- Какую писать транскрипцию? Которая Аванесов?
- Ты про какого Мишу?
- Который «Маскарад» //

Такие номинации также привязаны к ситуации и могут быть ответными репликами диалога.

✓ целые предикативно-объектные конструкции, соответствующие многим номинациям РР в КЛЯ: *положить в Чехова* = положить в книгу, автор которой А. П. Чехов; *красная Цветаева* = книга стихов М. Цветаевой красного цвета, *тонкая Ахматова* = небольшой, тоненький томик стихов А. Ахматовой; *сложить Блока пополам* = сложить бумагу, на которой напечатаны стихи А. Блока, пополам.

Имя лица может быть универсальным заместителем целой ситуации: *когда тебя напечатают* = *когда напечатают твою статью*; *давайте Лену кончим* = *давайте закончим обсуждать диссертацию Лены*; *сказали, что нас будут сносить* = *будут сносить дом, в котором живут люди*; *какой у нас отпуск / бабушка* = *невозможно куда-то уехать в отпуск, так как болеет бабушка*; *из-за бабушки она мало успевает* = *так как болеет бабушка, она не все успевает сделать*.

Представленные конструкции РР обеспечивают полноценное общение, не нарушают его; к тому же это не единичные случаи, регулярность их появления, типичность их структурных и содержательных характеристик подтверждается данными разговорных текстов.

Таким образом, система номинативных средств РР определяется основными условиями ее функционирования. В строении разговорных номинаций отражаются те две противоборствующие тенденции, которые характеризуют всю систему разговорной речи: тенденция к синкретизму (отсюда невыраженность формальная или смысловая тех или иных элементов обозначаемого, использование одного и того же имени для называния многих предметов, как крайний случай — широкое функционирование местоимений и словозаместителей) и тенденция к расчлененности (отсюда частое использование в качестве номинаций словосочетаний разного строения и производных слов,

внутренняя форма которых отчетливо показывает характер мотивации наименования, применяемого по отношению ко многим объектам).

Библиографический список

1. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь : общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 276 с.
2. Русская разговорная речь. М. : Наука, 1973. 486 с.
3. Русская разговорная речь : фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М. : Наука, 1983. 238 с.

ББК 83.3(2=411.2)5-8

О. А. Павловская

НЕКРАСОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ А. Н. АПУХТИНА

Рассматриваются опыты творческой рефлексии поэта-«восьмидесятника» А. Н. Апухтина по отношению к вершинным явлениям русской поэзии золотого века, в частности Н. А. Некрасову, который в эпоху безвременья оказывался творческой опорой, задавал поэтические ориентиры.

Ключевые слова: реминисценция, литературная традиция, драматизм, поэтический образ.

The article examines the experience of creative reflection of poet A. N. Apuh-tin (1880-ies) to the apical phenomena of the Russian poetry Golden age, in particular to Nekrasov, who during the hard times gave him creative support and set poetic landmarks.

Key words: reminiscence, literary tradition, dramatic character, oratory, poetic image.

Реминисцентность как одна из особенностей литературного творчества А. Н. Апухтина проявляется уже в его ранней, юношеской, поэзии. Начиная автор — 14-летний студент училища правоведения — демонстрирует великолепную эрудицию и весомый багаж литературных знаний. Творческое сознание молодого поэта достаточно избирательно, и в широком круге имен предшественников и современников оно настроено на вершинную волну Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Некрасова...

Поэтические реминисценции признанных мастеров, очевидно, восполняли ту органику художественного произведения, к которой стремился юный Апухтин. Реминисценция могла послужить творческим импульсом для поэтической вариации; реминисцентный образ, освященный традицией, усиливал поэтическое звучание юношеских произведений. Реминисценции в ранней лирике Апухтина создавали тот эстетический колорит, задавали ту поэтическую волну, которые были необходимы для художественных произведений.

Из раннего творчества Апухтина обращает на себя внимание стихотворение 1854 года «Два поэта». Р. В. Иезуитова наметила целый ряд пушкинских текстов — источников этого произведения («Блажен в златом кругу вельмож...» (1827), «Поэт» (1827), «Поэт и толпа» (1828)) [2]. Однако рассмотрение произведения с точки зрения реминисцентности требует уточнения литературного контекста. Так, первая строка апухтинского текста «Блажен, блажен поэт...» является напоминанием пушкинского «Блажен в златом кругу вельмож...», а в ближнем контексте — некрасовского «Блажен незлобивый поэт...» (1852). Основу стихотворения Апухтина образует сложная контаминация текстов Пушкина, Лермонтова, Некрасова, тех авторов, кто определял традиции русской поэзии.

Литературная традиция в интерпретации темы поэта и поэзии под пером А. Н. Апухтина получает двуплановое воплощение. В ироническом образе поэта — служителя толпы угадывается и пушкинский «пиит, внимаемый царями» («Блажен в златом кругу вельмож...»), и некрасовский герой «с своей миролюбивой лирой» («Блажен незлобивый поэт...»). Снижению образа способствует мотив золота — ответный знак благодарной толпы:

И золото бежит к избраннику фортуны
За гимн невежеству, порокам и страстям,
[1, с. 43]

а также оценочно-сниженная интерпретация фамилии (духовно знаковой детали образа стихотворца в «Поэте» (1838) М. Ю. Лермонтова):

Но холодно звучат тогда поэта струны,
Над жертвою его нечистый фамиам...
[там же]

Второй план изображения воплощает романтическую доминанту избранничества, пророческого предназначения и трагической судьбоносности:

И дивной силою святого вдохновенья
Порок смеющийся стихом начнет карать...
[1, с. 44]

Нетрудно заметить, что творческая линия Апухтина в двуплановой обрисовке образа во многом ориентирована на некрасовское стихотворение. Типологическая завершенность образа формируется за счет представлений о жизни, судьбе и посмертном уделе поэта. Отметим также, что для Апухтина, как и для Некрасова, драматический источник образа скрыт не только в конфликтных отношениях с миром, но и в самом характере поэта.

Реминисцентная насыщенность раннего стихотворения, в котором звучит ключевая для творческого самоопределения молодого автора тема поэта и поэзии, свидетельствует о его включенности в литературную традицию. Однако, создавая текст на достаточно плотной реминисцентной основе, Апухтин вносит свой игровой элемент. Так, в финале стихотворения он нарушает некрасовскую линию трактовки образа: мотив общественного служения переключен в частный план и признание потомков получает оценочно-сниженную трактовку, напоминающую стихотворение М. Ю. Лермонтова «Дума» (1838):

Но только внук, греха не видя за собой,
 Смеясь над предками, с улыбкою презренья,
 Почтит могучий стих холодной похвалой...
 [там же]

В финальной части стихотворения Апухтина тема поэта и поэзии, ранее сопровождающаяся творческой подсветкой Пушкина, Лермонтова и Некрасова, получает новый поворот: возникает мотив преемственности литературной традиции и выражается отношение к ней молодого поколения. Интерпретация начинающего автора, усиленная юношеским максимализмом и лермонтовскими формулами, представляет собой отторжение от литературной традиции. Аллюзивная основа произведения оказывается той художественной преднамеренностью, которая должна подчеркнуть неизбежный процесс смены литературных поколений.

Авторитет Некрасова остается значимым для творческого самоопределения Апухтина и в зрелые годы. Неугасающую силу их творческого сближения можно объяснить особенностями поэтического мироощущения и параллелями поэтического развития. Нам представляется, что Некрасов по-своему притягивал Апухтина и в биографическом плане. Неслучайно любовно-драматическая история взаимоотношений Апухтина с певицей Александрой Валерьяновной Панаевой получает воплощение с использованием некрасовских реминисценций.

Так, при создании любовной поэзии Апухтин обращается к традиционному для русской поэзии мотиву письма. Среди литературных источников апухтинского «К пропавшим письмам» (1858) приоритетным оказывается стихотворение А. С. Пушкина «Сожженное письмо» (1825):

Найду ли я тебя? Как знать! Пройдут года,
 Тебя вернет мне добрый гений...

<...>

А может быть, опять, страдая и любя,
 Я оболью тебя слезами!..

[1, с. 93]

Очевидно и другое. Диалектика переживаний лирического героя, перерастающая в драматичность, достигается благодаря некрасовской реминисценции. Диалогическая поэтика стихотворения Некрасова «Горящие письма» (1877) основана на конфликтности любовных взаимоотношений. Острота переживаний обусловлена драматическим разрывом, столкновением чувств: еще живых — для героя и уже утраченных — для героини. Диалогичность некрасовского произведения преломляется в антиномичности переживаний героя Апухтина. Таким образом, сохраняя монологичность пушкинской формы, Апухтин усиливает антиномичность и драматизм переживаний лирического героя за счет диалогической стилистики некрасовского текста. Наиболее примечателен в этом отношении устойчивый для стихотворений всех трех авторов метонимический образ руки:

Пушкин: Прощай, письмо любви! Прощай: она велела.
 Как долго медлил я! Как долго не хотела
 Рука предать огню все радости мои!..

[4, с. 219]

Некрасов: Но та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!
[3, т. 3, с. 200]

Апухтин: Быть может, как рука, писавшая тебя,
Ты станешь чуждо мне с годами...
[1, с. 93]

Апухтин сохраняет пушкинско-некрасовскую семантику образа: рука — знак любовного чувства. При этом если герой Пушкина пытается сопротивляться уничтожению любви, то в характере некрасовской героини созидательное и разрушительное — две грани. Апухтин по-пушкински гармонизирует женский образ, отдает его в пространство любовных (по-некрасовски разноплановых) переживаний:

Но та рука еще живет, — на ней,
Когда-то теплой и любимой,
Все страсти, всей тоски, всей муки прежних дней
Хранится след неизгладимый.
[там же]

Причину жизненной драмы поэт открывает в самом герое.

Стихотворный цикл А. Н. Апухтина «К поэзии» (1881) с посвящением А. В. Панаевой стал не только откликом на общественно-историческую ситуацию (убийство Александра II), но и реакцией на литературную эпоху:

...В ужасе немом
Застыла ты, умолк твой голос милый,
И день за днем уныло мы живем.
[1, с. 219]

Образ эпохи безвременья, утверждающийся в поэзии Апухтина 80-х годов, на волне романтического мироощущения автора вызывает в противовес образ романтического искусства. В творческой концепции Апухтина вдохновляющая и возвышающая сила искусства равно значима в любых проявлениях — будь то сила поэтического слова или музыкального исполнения. Именно это позволяет нам понять соотнесенность названия цикла — «К поэзии» и авторское посвящение — певице А. В. Панаевой. При этом творческой опорой для Апухтина, своего рода образцом художественного воздействия оказывается поэзия Некрасова. Переключки с поэмой «Рыцарь на час» (1862) особенно ощутимы во второй части цикла. Апухтин выдерживает риторический антураж некрасовских стихов (ритмико-интонационные особенности, синтаксическое построение и даже отдельные словесные образы) как способ динамического словесного воздействия:

Некрасов: От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
[3, т. 2, с. 138]

Апухтин: От насилий, измен и коварства,
От кровавых раздоров людских

Уноси в свое светлое царство
Ты глашатаев верных своих!
[1, с. 219]

Вызов некрасовского героя обществу заложен в риторически-обличительных характеристиках («ликующие», «праздно болтающие»), тогда как в стихотворении Апухтина риторика сменяется словом констатирующим, словом-приговором. Гражданская наполненность некрасовского призыва снимается романтическими установками автора в определении поэзии как сферы высокого:

Как напевы чарующей сказки,
Будет песня легка и жива;
Мы услышим в ней матери ласки
И молитвы забытой слова...
[1, с. 220]

Вполне очевидно, что поздняя лирика Некрасова стала для Апухтина опорой и в разработке исповедальных мотивов. Так, поэтическая исповедь героя из поэмы «Год в монастыре» (1883) приобретает насыщенную лиричность и драматизм благодаря образу матери, реминисцентно восходящему к стихотворению Некрасова «Баюшки-баю» (1877). Апухтин вслед за Некрасовым интенсифицирует страдания лирического героя: его душевные терзания перерастают в физические мучения, обостряют болезненные приступы, которые, в свою очередь, вызывают в сознании героя видение особого рода, гармонизирующее его душевное состояние, по-человечески согревающее и духовно направляющее, — это возникающий из глубин памяти образ матери. Апухтин остается верен и заданной Некрасовым песенной форме раскрытия образа:

Вдруг образ матери передо мной предстал,
Давно забытый образ. В колыбели
Меня, казалось, чьи-то руки грели,
И чей-то голос тихо напевал...
[1, с. 326]

Нетрудно заметить, что Апухтин достаточно избирательно обращается с реминисцентным источником, извлекает из некрасовского материала лишь те ноты, которые соответствуют его мироощущению. Доминантой апухтинского образа матери оказывается терпение как итог пережитых любовно-романтических коллизий и противостояния светскому обществу. Утешительно-примиряющее слово матери в творческой интерпретации Некрасова звучит на пороге Инобытия, оно наполнено не только бытийным смыслом, но, обращенное к умирающему поэту, откликается на его гражданскую позицию:

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
[3, т. 3, с. 204]

Христианская основа некрасовского образа матери позволяет объединить в примиряющем слове под знаками любви, терпения и прощения разные сферы

жизни и творчества. Слово матери Софийно. Оно уже является ступенью на пороге Инобытия.

Лирический образ матери в поэме Апухтина ограничен болезненным воображением героя. Слово матери не исцеляет героя, лирическая интонация сталкивается с апатией и прозой жизни:

И я терплю и вяну. Дни, недели
Гурьбою скучной пролетели.
[1, с. 327]

В 1883 году Апухтин создает стихотворение «Музе», напоминающее целый ряд некрасовских текстов, отмеченных настроением прощания с миром: «Умолкни, Муза мести и печали...» (1855), «Вступление к песням 1876—77 годов» (1876), «Скоро стану добычею тленья...» (1876), «Друзьям» (1876) и др. Начало произведения, по своей поэтике ориентированное на итоговый сборник Некрасова «Последние песни», мысленно возвращает к его стихотворению «Умолкни, Муза мести и печали...». Лирический герой в предсмертной ситуации полон решимости порвать с прошлым, с творчеством, с врагами и друзьями. Как и у Некрасова, в стихотворении Апухтина преобладают глаголы-императивы с отрицательной коннотацией. По эмоциональной сосредоточенности герой Апухтина запечатлен скорее ситуативно: у него нет прошлого и нет переживаний, вызванных расставанием с прошлым. Некрасовская ситуация прощания героя с миром, являющаяся сюжетной основой последней книги поэта, трансформируется Апухтиным в кульминацию внутренней сосредоточенности.

Можно предположить, что Апухтин со свойственной ему театральной манерой «вживался» в мир художественного слова Некрасова и через поэтическое творчество проживал его жизнь. С этой точки зрения ориентация поэтической рефлексии Апухтина на жизненную и творческую линию Некрасова вполне объяснима.

Имя Некрасова, наряду с Пушкиным, Лермонтовым, долгие годы оставалось центром творческого притяжения для Апухтина. Некрасовские реминисценции в разные годы определяли глубину и высоту его творческих устремлений, служили скрепами его поэтической системы. При этом активное использование реминисценций, аллюзий может выступать и как знак переходности поэтической эпохи 80-х годов XIX века. С. В. Сапожков убедительно продемонстрировал явление полицитатности на примере поэзии младшего современника А. Н. Апухтина — К. М. Фофанова и объяснил этот литературный феномен социокультурными факторами, «прежде всего, ощущением *классичности* поэзии уходящего XIX столетия, как во многих отношениях образцовой для поэтов-“восемидесятников”, не подражать которой невозможно» [5, с. 36]. Активное функционирование некрасовских реминисценций в творчестве одного из крупнейших представителей эпохи безвременья свидетельствует о творческой притягательности поэтической системы Некрасова и о его воздействии на современников и последователей.

Библиографический список

1. Апухтин А. Н. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1991. 448 с.
2. Иезуитова Р. В. А. Н. Апухтин и Пушкин // Пушкин : исследования и материалы / РАН, Ин-т рус. лит. СПб. : Наука, 2003. Т. 16/17. С. 323—342.

3. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. Л. — СПб. : Наука, 1981—2001.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л. : Наука, 1977—1979. Т. 2.
5. Сапожков С. В. Творческий путь Константина Фофанова: между классикой и модернизмом // Фофанов К. Стихотворения и поэмы. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 5—64.

ББК 81.411.2-4

А. А. Хуснутдинов, А. А. Хуснутдинова

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ (На основе проекта фразеологического словаря рядового носителя языка)

Определяются принципы лексикографического описания состава и употребления идиоматических выражений, зафиксированных в речи коренного сельского жителя Ивановской области Российской Федерации. Предложенный набор параметров лексикографического описания идиом дает возможность показать своеобразие фразеологического лексикона человека в соотношении с фразеологией языка в целом, а также очертить типологические характеристики фразеологического словаря рядового носителя языка как особой разновидности авторских словарей.

Ключевые слова: фразеология, фразеография, диалектология, языковая личность, авторский словарь, речевое общение.

The paper defines some principles of lexicographic description of structure and idiomatic phrases usage which are fixed in the language of native speaker from rural area of the Ivanovo region, Russian Federation. The offered set of lexicographic parameters to describe idioms gives an opportunity to show originality of personal idiomatic vocabulary against the background of the whole language phraseology. It outlines some typological characteristics of an ordinary native speaker's phrasebook as a special kind of author's dictionary variety, too.

Key words: phraseology, phraseographics, dialectology, language personality, author's dictionary, verbal communication.

О возросшем в науке интересе к языковой личности свидетельствует обширная и разнообразная в жанровом отношении литература (статьи, монографии, диссертации, словари, учебные пособия), опубликованная в последние десятилетия. В лексикографии эта тема разрабатывается давно и настолько интенсивно и плодотворно, что работа над теоретическими и практическими проблемами, связанными с лексикографическим описанием лексикона (идиолекта и идиостиля) языковой личности (обычно писателя), составляет особое направление, которое определяется как «писательская» или «авторская» лексикография. Это направление быстро развивается. Даже перечень таких лексикографических трудов, если включить в него и имеющиеся в распоряжении пользователя издания, и предложенные (реализующиеся и нереа-

лизованные) проекты словарей, вряд ли будет исчерпывающим. Следует отметить не только значительность числа, но и тематическое разнообразие собственно исследовательских работ по проблемам лексикографии и лексикографической критики (см. материалы специальных научных конференций и сборников по проблемам лексикографии, из работ последних лет см., напр.: [7, 26, 27, 28]).

Отечественная лексикография предлагает пользователю разные по форме, содержанию и назначению авторские словари. Среди них назовем словари отдельных произведений, в которых описывается лексика и фразеология избранного текста («Словарь автобиографической трилогии М. Горького» [12]), словари ряда текстов, объединенных каким-либо признаком («Словарь к пьесам А. Н. Островского» [2], лингвокультурологический словарь к произведениям С. Т. Аксакова [8]), словари языка писателя (А. С. Пушкина [15], А. С. Грибоедова [14], А. Н. Островского [13]), словари, в которых описывается какая-либо часть лексикона языковой личности («Фразеологический словарь языка В. И. Ленина» [3]), и, наконец, различные энциклопедии, которые представляют собой комплексы разнообразных, но связанных между собой и дополняющих друг друга словарных материалов и иных информационных блоков (энциклопедия А. Н. Островского [1], энциклопедические комплексы М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, М. В. Ломоносова и др.). К такого рода словарям примыкают лексикографические издания, ориентированные на описание функционирования языковых единиц в речи, которые создаются на основе текстов ряда авторов (напр., словари языка поэзии, словари афоризмов, крылатых слов [4, 10, 17 и др.], а также словари типа «Фразеологизмы в русской речи» А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [9], «Жизнь русской фразеологии в художественной речи» [6] и др.). Отличительной особенностью этих словарей является то, что в их основе лежат тексты, принадлежащие известным мастерам и художникам слова, выдающимся деятелям и др. Описанию особенностей речи «рядовых» носителей языка и в лингвистике в целом, и в лексикографии уделяется значительно меньше внимания, хотя в последние годы к языку такой личности проявляется все больший интерес [11, 16, 22, 25 и др.].

Фразеологический словарь рядового носителя языка относится к числу авторских словарей. Это лингвистический (филологический) словарь, в нем описывается та часть лексикона языковой личности, которая представлена идиоматическими выражениями (фразеологическими сращениями и фразеологическими единствами, по терминологии В. В. Виноградова, и метафорическими сочетаниями и идиомами, по терминологии Б. А. Ларина)¹. Специфика словаря в том, что в нем описывается фразеологический лексикон рядового носителя языка (сведения об информанте и особенностях состава и употребления фразеологизмов в его речи см. в наших работах [19, 20, 21, 23, 24]).

Фразеологический словарь рядового носителя языка — словарь тезаурусного типа, то есть в него включаются все зафиксированные в речи информанта идиоматические выражения во всех случаях употребления, независимо

¹ Термины «идиоматическое выражение», «идиома», «фразеологическая единица», «фразеологизм» используются в статье как абсолютные синонимы. Под этими терминами понимается особая единица языка, которая большинством исследователей определяется как «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [5, с. 89].

от того, является такое употребление нормативным или нет. Источники словаря: 1) тексты заметок, статей, очерков и т. п., опубликованных в районной газете «Родниковский рабочий»; 2) тексты служебных писем, официальных обращений в органы местной власти и организации, поздравительных адресов и открыток, личных писем и записок; 3) высказывания, в которых употреблены фразеологические единицы, зафиксированные составителями словаря в «живой» устной речи информанта в различных ситуациях общения — в быту, на сельских сходах, собраниях и митингах, консультациях ветврача, беседах с разными людьми и т. д.).

В словаре представлен весь спектр фразеологического лексикона информанта — фразеология литературного языка (литературно-книжная и литературно-разговорная), фразеология просторечная и грубо-просторечная, областная и жаргонная. Составители не делают исключения для обценной фразеологии: в речи информанта зафиксировано несколько обценных выражений, которые описываются наряду с другими единицами. В реестр (словник) словаря включены и получают полноценную лексикографическую разработку фразеологические единицы, которые использованы информантом при передаче чужой речи или со ссылкой на другое лицо, например: «*Бабы-то в войну говорили: “Нам и мужика каждой не надо. Пусть хоть посидит, голос услышать — и то на девятом небе будем”*»; «*И разговаривать не стал, говорит, у меня своих дел выше крыши*»; «*А ватрушки у тебя сегодня удачные! Вон и ребята говорят: “Язык проглотишь”*»; «*Бредов тогда сказал: “Я всё <об ответственности> приму на себя, только вы делайте”*»; «*Бывало, дедушка говорил про таких: променял кукушку на ястреба*». Одним из оснований для включения в словарь таких единиц служит то, что большая часть их встречается и в собственной речи информанта, ср. с приведенными выше примерами: «*Лесной капитан <о дереве> первым принял на себя кинжальный удар весеннего вихря*», «*Арсений, принимай командование на себя. Помидоры и перцы по твоей части*», «*А дел у нас всегда было выше крыши*», «*У бабушки нашей ши — язык проглотишь...*» и т. п.²

В словаре описываются все зафиксированные формы употребления каждой единицы, все значения и оттенки значений. Формы и значения, имеющие свои специфические особенности, снабжаются необходимым комментарием (см. об этом ниже).

Получают разработку и случаи трансформированного использования фразеологических единиц (замена компонентов, буквализация значения, двойная актуализация, контаминирование фразеологизмов и др.), а также явления, связанные с процессами фразеологизации (образование идиом на основе слов и сочетаний слов), дефразеологизации («разрушение» фразеологизма) и отфразеологической деривации (образование новых слов или новых значений слов путем того или иного трансформирования идиомы)³. Получают особый комментарий и случаи авторского (индивидуально-авторского) использования фразеологии.

Составители словаря ставят перед собой задачу описать фразеологический лексикон личности (информанта) по всем основным признакам, по которым характеризуется фразеологическая единица как особая единица языка

² О способах подачи иллюстративного материала см. ниже.

³ Описание случаев трансформированного употребления фразеологических единиц в речи информанта см.: [23, 24 и др.].

и описывается идиоматика языка в целом (с учетом специфики языкового материала). Это предполагает характеристику фразеологии рядового носителя языка по ряду признаков, а именно: форма фразеологической единицы (ее компонентный состав, структурная организация, возможности варьирования и т. д.), значение фразеологизма (толкование значения, соотношение единиц по семантическим признакам), лексико-грамматические свойства (отнесенность единицы к определенному лексико-грамматическому разряду, реализация парадигматических форм), лексическая и грамматическая сочетаемость (свободная, ограниченная, синтаксические связи фразеологизма со словами в строе предложения), сфера употребления (литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты), стилистическая отнесенность, эмоционально-экспрессивная окраска (шутливо, иронично, неодобрительно, пренебрежительно и т. д.), историко-временная характеристика, а также парадигматические связи фразеологических единиц в лексиконе носителя языка и соотношение их с узуальной фразеологией.

При лексикографической разработке фразеологического лексикона информанта каждая сторона (свойство, признак) фразеологической единицы (независимо от того, относится ли это к форме фразеологизма, его значению или употреблению) рассматривается как отдельный параметр, характеризующий тот или иной признак идиомы и представляющий его с помощью особых лексикографических средств, способов и приемов. При этом детально разрабатываются те стороны единицы, которые характеризуют ее своеобразие как особой единицы языка и отражают особенности ее реализации в конкретной речевой ситуации; показываются также соотношения (и взаимоотношения) фразеологизмов с другими единицами в лексиконе информанта и в словарном составе русского языка в целом⁴. В соответствии с этим устанавливается перечень лексикографических параметров, по которым описывается каждая включенная в словарь фразеологическая единица. Приемы и способы представления разных сторон фразеологических единиц определяются, с одной стороны, ориентацией на лексикографическую традицию и опыт описания фразеологии в отечественной фразеологии, с другой — своеобразием представленного в словаре языкового материала.

Своеобразие лексикографической разработки фразеологической единицы как единицы словаря обусловлено стремлением представить в максимально компактном виде по возможности полную информацию о форме и содержании фразеологической единицы и особенностях ее употребления в речи информанта. С этим связана структура словарной статьи и известная полифункциональность ее элементов: в словарной статье один элемент может использоваться для представления одновременно нескольких параметров и, наоборот, сведения о какой-либо одной стороне фразеологизма могут содержаться в разных зонах и элементах словарной статьи. В словарной статье выделяются: 1) зона заголовка, в которую включаются описание начальной формы фразеологизма, сведения об обязательных связях (сочетаемости) фразеологической единицы со словами, лексико-грамматическая характеристика единицы, сфера ее употребления в языке, стилистическая и эмоционально-

⁴ Соотношение фразеологии информанта с фразеологией русского языка в целом устанавливается на основе данных словарей русского языка, в отдельных случаях привлекаются другие источники, в основном тексты художественной, мемуарной, публицистической литературы.

экспрессивная окраска; 2) зона толкования, включающая описание значения (значений) фразеологической единицы, ситуации употребления, особенностей лексической сочетаемости; 3) зона иллюстраций, представляющая фразеологию носителя языка в реальном речевом употреблении, в реальных контекстах; 4) зона дополнительной характеристики, в которой помещаются сведения о свойствах и употреблении описываемой фразеологической единицы в русском языке.

Описание формы каждой включенной в словарь единицы осуществляется с учетом компонентного строения фразеологической единицы, ее лексико-грамматических свойств (отнесенность к определенному лексико-грамматическому разряду — разряду именных, глагольных, адвербиальных и других единиц), наличия у нее форм употребления, обусловленных вариантностью и факультативностью компонентов. В соответствии с компонентным строением фразеологической единицы при описании ее формы в словаре принимаются во внимание также состав компонентов единицы, структурная модель, по которой она образована, написание, ударение.

Компонентный состав фразеологической единицы ограничивается количеством (два и более) компонентов, генетически восходящих к знаменательным или служебным словам (в том числе и ограниченным в употреблении), организованных по определенным структурным моделям сочетаний слов. Фразеологизм в словаре фиксируется в соответствии с общепринятыми правилами написания и с учетом особенностей произношения отдельных слов (**ПЕРЕСЕ'МКИ БЕРУТ кого, ДО БЕСПА'НДУРОВ**). При постановке ударения принимается во внимание количество ударных компонентов всего выражения в целом. В соответствии с этим ударение имеют разные компоненты, независимо от того, восходят они к знаменательным или служебным словам, являются они односложными или неодносложными. Разная сила (степень) ударности компонентов фразеологизма не отражается.

Если фразеологическая единица зафиксирована в речи информанта в нескольких формах употребления, наличие которых вызвано возможностью варьирования ее компонентов или их факультативности, то каждая форма употребления приводится в отдельности и при необходимости получает индивидуальный комментарий: **НИ БЕ' НИ МЕ' НИ КУКАРЕ'КУ** и **НИ БЕ' НИ МЕ'**; **НА БЛЮ'ДЕ** и **НА БЛЮ'ДЕЧКЕ**.

Формы фразеологической единицы, которые служат для выражения связей и отношений единицы со словами в речи и которые закрепляются за каким-либо компонентом или компонентами (парадигматические формы), отражаются в иллюстративном материале.

Описание семантики фразеологической единицы осуществляется с учетом специфики природы фразеологической номинации и особенностей индивидуального значения единицы. Каждая фразеологическая единица в словаре получает развернутое толкование ее значения (значений). При толковании значения принимаются во внимание: 1) отнесенность фразеологизма к определенному лексико-грамматическому разряду (именной фразеологизм толкуется именным описательным оборотом, глагольный — глагольным, адвербиальный — наречным и т. д.); 2) общая семантическая структура фразеологического лексикона языковой личности и парадигматические отношения описываемого выражения с другими единицами (принадлежность фразеологизма к определенной семантико-тематической группе, наличие синонимических, антонимических и омонимических отношений между единицами).

Для толкования модальных и междометных фразеологических единиц используются специальные формулы.

В необходимых случаях для уточнения семантики описываемого выражения приводятся сведения о речевой ситуации, в которой употребляется фразеологическая единица, а также сведения о ее лексической и грамматической сочетаемости.

Описание грамматических свойств фразеологических единиц включает в себя указание на отнесенность единицы к тому или иному лексико-грамматическому разряду, наличие у нее грамматических категорий и особенности их выражения, парадигматические формы, в которых данная единица использована в речи информанта⁵.

Неизменяемые фразеологизмы, то есть единицы, существующие в языке и речи информанта только в одной форме употребления, описываются в словаре в данной форме. Фразеологические единицы, которые имеют парадигматические формы, использующиеся для выражения тех или иных грамматических значений (род, число, время, наклонение и т. д.), в заголовке словарной статьи приводятся в начальной форме, а конкретные парадигматические формы — в иллюстративном материале. Особо (внутри словарной статьи) описываются формы сравнительной и превосходной степеней у адъективных и адвербиальных фразеологических единиц, видовые формы глагольных и глагольно-пропозициональных, а также причастные, деепричастные и субстантивные формы глагольных фразеологизмов.

В словаре отражается и сфера употребления фразеологической единицы, то есть принадлежность зафиксированной в речи информанта единицы или формы ее употребления к фразеологии литературного языка, фразеологии просторечной, областной (территориально ограниченной) и жаргонной (социально ограниченной). Принадлежность единицы к фразеологии, ограниченной по сфере употребления, фиксируется специальными пометами: «прост.», «обл.», «жарг.».

Стилистическая характеристика фразеологических единиц осуществляется в словаре в соответствии с преимущественным употреблением фразеологизмов в устной (разговорной) или письменной (книжной) форме литературного языка. При этом учитывается, что преимущественное употребление фразеологической единицы в той или иной форме существования литературного языка не исключает возможности использования ее и в других формах. В словаре фразеологические единицы, преимущественно употребляющиеся в изустной форме литературного языка, отмечаются стилистической пометой «разг.», единицы, преимущественно употребляющиеся в письменной форме литературного языка, отмечаются стилистической пометой «книжн.», фразеологизмы, в равной степени использующиеся как в письменной, так и в изустной форме литературного языка (межстилевые, стилистически нейтральные), специальной пометы не имеют.

В словаре отмечается и эмоционально-экспрессивная окраска фразеологических единиц, которая выражает субъективное отношение говорящего к сообщаемому. Эмоционально-экспрессивная окрашенность фразеологической единицы или формы употребления определяется на основе реального

⁵ В основу описания положены принципы выделения и разграничения лексико-грамматических разрядов фразеологических единиц русского языка и их классификация, изложенные в [18].

использования идиом в зафиксированных контекстах. Для обозначения эмоционально-экспрессивной окраски фразеологизмов используются соответствующие пометы: «ирон.», «пренебр.», «неодобр.» и др.

Историко-временная отнесенность фразеологии (фразеология устаревшая, новая) на первый взгляд не может рассматриваться как особый параметр лексикографической разработки, так как вся идиоматика является актуальной, она зафиксирована в живой речи информанта и, по нашим наблюдениям, находится в активном употреблении. Введение этого параметра обусловлено наличием в активном словарном запасе информанта фразеологических единиц и форм, которые в современной русской речи почти вышли из употребления, а также фактом использования информантом таких идиоматических выражений, которые еще не вошли в активный словарь языка и осознаются носителями языка как «новые»⁶. Описание языкового материала с этой точки зрения позволяет существенно дополнить как общую характеристику фразеологического лексикона носителя языка, так и особенности отдельных единиц, входящих в этот лексикон, при условии, что такое описание осуществляется на фоне фразеологии языка в целом. В соответствии с этим в словаре историко-временная характеристика фразеологических единиц осуществляется путем указания на соответствующие свойства идиом в их общем употреблении. Здесь важно также показать, что историко-временная характеристика фразеологической единицы в равной степени относится и к составу фразеологического лексикона информанта, и к форме, значению и употреблению в речи отдельных фразеологических единиц.

Сочетаемость со словами в речи является существенным параметром в общей характеристике фразеологической единицы, характеристике особенностей ее формы, значения и употребления. Лексическая и грамматическая сочетаемость фразеологической единицы в словаре описывается с учетом обязательности/необязательности ее связей со словами, их вариативности/невариативности, односторонности/неодносторонности, узуальности/окказиональности.

Показ парадигматических отношений и связей фразеологических единиц, включенных в словарь, позволяет пользователю представить фразеологический лексикон носителя языка в системном виде, увидеть место каждой единицы среди других единиц и характер их соотношения друг с другом по формальным и содержательным признакам (синонимия, антонимия, омонимия, фразеологическая конверсия, гиперо-гипонимические и деривационные связи). Отражение в словаре этой стороны фразеологии информанта осуществляется с учетом, во-первых, проблемы отдельности фразеологической единицы (связанной с определением конкретных вариантных форм употребления и значений как форм и значений одной единицы или разных единиц), во-вторых, своеобразия самих этих отношений в сфере фразеологии, обусловленных спецификой фразеологической единицы как особой единицы языка. Для показа парадигматических отношений и связей фразеологических единиц в лексиконе информанта используются сложившиеся во фразеографии способы и приемы описания.

⁶ Существуют определенные трудности отграничения таких единиц от фразеологизмов в «авторском» употреблении, узуальность или окказиональность которых требует специальных разысканий, см. ниже: **бог навстречу, под эгидой, ломать спину (руки), выйти из курса, мухи летают над кем** и др.

В зоне иллюстраций приводятся все зафиксированные в речи информанта контексты, в которых использованы идиоматические выражения. Эти контексты представляют собой либо отдельное высказывание, либо несколько связанных по смыслу высказываний. Контексты употребления отделяются особым знаком. Если контекст представляет собой цитату из письменного текста (газетной статьи), после цитаты указывается название статьи, из которой выбрана цитата. В угловых скобках даны слова и сочетания, вставленные нами для пояснения смысла высказывания; знаком <...> отмечаются пропуски в тексте цитаты (см. ниже).

Особое место в словаре занимает указание на фиксацию описываемой фразеологической единицы в общих и специальных словарях русского языка. Такая информация дается в виде особого элемента словарной статьи, представляющего собой цитаты из разных словарей со ссылкой на издание, из которого выбрана цитата. В отдельных случаях приводятся сведения и из других источников.

Описание фразеологии носителя языка по рассмотренным выше параметрам обеспечивает возможность комплексной характеристики фразеологического лексикона человека в целом и каждой фразеологической единицы с точки зрения ее формы, содержания и особенностей использования в речи, включая случаи нестандартного и трансформированного употребления фразеологизма в различных ситуациях общения. Это, в свою очередь, позволяет установить типы отношений и связей между фразеологическими единицами, характер соотношения фразеологизмов с другими единицами и т. д., что в конечном итоге представит фразеологический лексикон носителя языка в системном виде и во взаимоотношениях с другими элементами языка в целом.

Ниже приводятся примеры пробных статей словаря, иллюстрирующие высказанные положения.

БОГ НАВСТРЕ'ЧУ кому, модальн., обл. Пожелание счастливого пути, удачи, успеха в каком-либо деле. # Ну, **бог навстречу**, поезжайте. Шибко <машину> не гони, на пять минут ведь только раньше приедешь. # Ну что ж, если можете, то давайте, ребята, делайте. **Бог вам навстречу!** # Не согласен я с тобой, но если ты уверен, то **бог навстречу**, давай так попробуй <сделать>.

📖 «Ангел встречу, привет на пути» (Даль, 1989, т. 1, с. 16).

С БРЮ'ХОМ, адъект., обл. Беременная. # Она замуж с **брюхом** вышла. # А у Нины дочь, значит, замуж вышла? Гляжу, она с **брюхом** ходит.

📖 «С БРЮХОМ. С ЖИВОТОМ, адъект. Беременная» (ФСРГРК, с. 31—32).

НА БЛЮ'ДЕ давать, подавать, адverb., разг. В готовом виде (давать, подавать). О предоставлении кому-либо желаемого без труда, усилий, стараний с его стороны. # Теперь вот всё. Свобода. Живите, ребята. Всё вам **на блюде** дано. # А ты думаешь, что тебе всё **на блюде** дано будет? **НА БЛЮ'ДЕЧКЕ**. # Это вон супруга говорит, будто я люблю, чтобы мне всё подавали **на блюдечке**.

📖 «НА БЛЮДЕЧКЕ С ГОЛУБОЙ КАЕМОЧКОЙ. Прост. Ирон. Без собственных усилий, забот; в готовом виде» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 32).
«ПОДНОСИТЬ [подавать, подать] НА БЛЮДЕЧКЕ [тарелочке, блюде]

что кому. Разг., часто ирон. Предоставлять кому-л. желаемое без малейших усилий с его стороны» (ФРР, 1997, с. 76).

БЕЗ БУЛДЫ', *адверб., прост.* 1. Безусловно, точно, вне всякого сомнения; без всяких шуток. # *Вот если бы ты поездил со мной на «уазике» неделю, без булды сдал бы езду.* # *Санька тебе решётки <на окна> сварит без булды.*

2. Честно, без вранья, обмана, без хитростей, без изверток. # *Олег ему контрольную работу выполнил успешно, и зачет он сдал без булды.* # *Вот и говори без булды, тут все сидят: и Сергей, и Геннадий.* # *Тут всё сделано хорошо, без булды.*

📖 **Без балды.** Мол. Всерьез, не шутя; без обмана (БСРЖ, с. 47). **Без балды (булды)**, в зн. нареч. Жарг. Всерьез, честно, без шуток, без обмана (БСРРЭР, с. 34). **Без балды.** Прост. Без всяких шуток, всерьез (БАСРЯ, т. 1, с. 353).

БЕ'ЛЬМЫ НАЛИ'ТЬ, *глагол. сов., прост., неодобр.* Напиться пьяным до такого состояния, когда человек перестает контролировать ситуацию и свое поведение. # *Трифонов вон с утра бельмы налил. Пойдем в дом, а то сейчас приставать начнёт.*

📖 **ЗАЛИВАТЬ [наливать] ШАРЫ. ЗАЛИТЬ [налить] ШАРЫ.** Груб.-прост. Напиваться пьяным. Ср. *заливать глаза* (ФСРЯ, 1967, с. 167). **ЗАЛИВАТЬ ГЛАЗА. ЗАЛИТЬ ГЛАЗА.** Груб.-прост. Напиваться пьяным. Ср. *заливать шары* (ФСРЯ, 1967, с. 167). **НАЛИВАТЬ ШАРЫ. НАЛИТЬ ШАРЫ.** Грубо-презр. Напиваться допьяна (ФСРЛЯ, 1995, т. 2, с. 14). **ЗАЛИВАТЬ ГЛАЗА. ЗАЛИТЬ ГЛАЗА.** Прост. Презр. Напиваться пьяным (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 248). **Залить /заливать (налить / наливать) глаза (баки, бельмы, фары, шары...)** (чем). Неодобр. (груб.) разг.-сниж. Напиться пьяным. • До неспособности видеть необходимое, контролировать ситуацию (БСРРЭР, с. 109—110).

Ср.: **БЕ'ЛЬМЫ НАЛИТЫ'Е у кого**, *глагол.-пропоз., прост., неодобр.*

БЕ'ЛЬМЫ НАЛИТЫ'Е у кого, *глагол.-пропоз., прост., неодобр.* Кто-либо пьян, выпил много спиртного, напился. О состоянии опьянения, когда человек перестает контролировать ситуацию и свое поведение. # *Малов-то разве поедет, алкоголик чертов! Бельмы-то уже налитые.*

Ср.: **БЕ'ЛЬМЫ НАЛИ'ТЬ**, *глагол. сов., прост., неодобр.*

БИ'ТЬ БАКЛУ'ШИ, *глагол. несов., разг.* Праздно проводить время, бездельничать. # *А что им на работе, только баклуши бить.* # *Там <в колхозной конторе> их сидит десять человек, и все бьют баклуши. Хватило бы и одной.* # *Иди к председателю и проси работы. В котельной, я знаю, человек нужен. Нечего здоровому мужику баклуши бить.* # *Бить баклуши* — работа бездельников.

Синоним: **ВАЛЯ'ТЬ ДУРАКА'**, *глагол., прост.* (1 зн.).

📖 **«БИТЬ БАКЛУШИ.** Прост. Праздно проводить время, бездельничать» (ФСРЯ, 1967, с. 36). **«БИТЬ БАКЛУШИ.** Праздно проводить время; бездельничать» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 27—28).

ВАЛЯТЬ ДУРАКА', глаг., прост. 1. несов. Праздно проводить время, бездельничать. # *Все уж в Ведрове на колхозном поле роют <картошку>, а мы валяем дурака.*

Синоним: **БИТЬ БАКЛУ'ШИ**, глаг. несов. разг.

2. **СВАЛЯТЬ ДУРАКА'**, сов. Сделать глупость; поступить не так, как следовало бы. # *Ну, ты это, мать, дурака сваяла! Кто так делает?!*

📖 «**ВАЛЯТЬ [ломать, корчить] ДУРАКА [ваньку]**. <...> 2. Делать глупости; поступать не так, как следует. <...> 4. **ВАЛЯТЬ ДУРАКА [ваньку]**. Праздно проводить время, бездельничать» (ФСРЯ, 1967, с. 55). «**ВАЛЯТЬ ДУРАКА (ДУРОЧКУ)**. <...> 2. Поступать глупо, неразумно; делать глупости. <...> 4. Праздно проводить время, бездельничать» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 62).

ВВОДИТЬ В КУРС кого, глаг. несов. Знакомить кого-либо детально или в общих чертах с чем-либо. # *Вводить в курс надо и мать, один я не разберусь, куда тут что писать. А она мне объяснит. ВВОДИТЬ В КУРС ДЕ'ЛА кого.* # *Ты только введи меня в курс дела, а дальше я сам разберусь.*

📖 «**ВВОДИТЬ В КУРС чего. ВВЕСТИ В КУРС чего**. Знакомить кого-либо детально или в общих чертах с чем-либо» (ФСРЯ, 1967, с. 57).

Ср.: **В КУРСЕ кто**, адъект. **ВЫЙТИ ИЗ КУРСА**, глаг. сов.

В КУРСЕ, адъект. Осведомлен о ходе, развитии, состоянии чего-либо. # *Про «Но-шпу» я в курсе, только вот на ум не пришла. Выпить бы её сразу.* # *Вот, все всё знают, один я не в курсе!* # *Ты, конечно, в курсе, что у нас школу закрывают.*

📖 «**В КУРСЕ чего**. Осведомлен о ходе, развитии, состоянии <...> чего-либо» (ФСРЯ, 1967, с. 218). «Будучи осведомленным о ходе дел, о развитии, состоянии чего-либо» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 340).

Ср.: **ВВОДИТЬ В КУРС кого**, глаг. несов. **ВЫЙТИ ИЗ КУРСА**, глаг. сов.

ВЫЙТИ ИЗ КУРСА, глаг. сов. Забыть, оставить мысль о ком-либо или о чем-либо. <В ответ на реплику: «Я вот пойду и скажу ему, что в курсе всех его дел».> *А вот бы стукнуть тебя по шебале <по голове>, чтобы ты вышел из курса и не совался куда не просят.*

Ср.: **В КУРСЕ кто**, адъект. **ВВОДИТЬ В КУРС кого**, глаг. несов.

ВХОДИТЬ В ДУШУ, глаг. несов. и **ВОЙТИ' В ДУШУ**, глаг. сов., разг. Глубоко затрагивать, волновать; становиться предметом постоянных раздумий, размышлений и т. п. # *Воспоминания о проведенном здесь <в деревне> детстве, отрочестве настолько глубоко вошли в душу, что нет мне покоя, постоянно тянет в родные края.* На семейном подряде. # *Эти слова его <профессора> вошли мне в душу так, что и сейчас я их скажу тебе как свои.* # *Тут ведь не просто сказать надо, а так, чтобы каждое слово входило прямо в душу.*

📖 «**ВХОДИТЬ В ДУШУ [в сердце]. ВОЙТИ В ДУШУ [в сердце] кого, чье**. Глубоко затрагивать, волновать; становиться предметом постоянных раздумий, размышлений и т. п.» (ФСРЯ, 1967, с. 87—88). «**ВОЙТИ В ДУШУ кого, чью**. Экспрес. Вызвать чувство глубокой любви, привязанности» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 92).

И ВСЯ' НЕДОЛГА', модальн., разг. Только и всего, вот и всё, и на этом конец. # *В еду сейчас <летом> надо класть всё, что есть в огороде. А ты масла, тушенки кладёшь — и вся недолга!*

📖 «**И ВСЯ НЕДОЛГА.** Только и всего, вот и всё, и на этом конец» (ФСРЯ, 1967, с. 86). «**И ВСЯ НЕДОЛГА.** Разг. Экспрес. На этом и конец; и все» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 110). «**Недолга** ж. можно сделать скоро, легко, без хлопот. *Вот тебе и вся недолга*» (Даль, 1989, т. 2, с. 512).

ВО ДВО'И РУ'КИ, адverb., прост. 1. Вдвоем с кем-либо, вместе. # *Вот теперь друга-то нет. Мы бы во двои руки всех этих разбойников <о мальчишках> переловили.* **В ДВО'И РУ'КИ.** # *Мы в двои руки <поливали огород>, потому и управились быстро.*

2. Усердно, сильно, много. # *С каждым днем она <свинья> все тяжелее и тяжелее становилась. Кормил я её во двои руки.*

📖 «**Двое, двои, дво'има, двоим'а**, нвг. **дво'еньки**, два и две, пара, чета, дружка, сам-друг. *Нас только двое. Мы дво'еньки.* При **двое** сщ. ставится в род. пад. мн. ч. *Двое людей, двое саней.* **Двои** говорится при существв., употребляемом исключит. во мн. ч., которое ставится в имен. пад.: *двои вор'оты, двои ножницы*, или о вещах п'арных: *двои сапоги*, т. е. две пары; как *одни сапоги*, одна пара» (Даль, 1989, т. 1, с. 414).

НА ДНЯ'Х, адverb., разг. 1. В один из ближайших дней, в ближайшее время. # *А нам Дмитрий звонил. Они с Алей на днях приедут к нам, только ночевать не останутся.*

2. Недавно, несколько дней назад. # *На днях опубликовали в районной газете условия соцсоревнования участников приближающейся посевной. Подходить к оценке строже. # Вон Валька пьяный в дугу. А на днях только говорил мне, что завязал узелок. Видно, развязал сегодня.* **НА Э'ТИХ ДНЯ'Х.** # *А к нам на этих днях «Единая Россия» приезжала. Агитировать меня просили.*

📖 «**НА ДНЯХ.** 1. В один из ближайших дней, в ближайшее время. <...> 2. Недавно, несколько дней назад» (ФСРЯ, 1967, с. 141). «**НА ДНЯХ.** 1. В ближайшее время. <...> 2. Недавно» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 205—206).

Ё'К-КОВЫРО'К, междом., обл. Выражение недовольства, досады, огорчения и т. п. # *Ёк-ковырок! Чё наделал!* # *Так и не вспомнил <фамилию>, ёк-ковырок!* # *Только задремал — Лямин, ёк-ковырок, пришёл! Пришёл просить денег на бутылку. # Я бы этого варенья сейчас всю банку съел. И что за страсть такая, ёк-ковырок!* # *Вот это перец! Весь рот, ёк-ковырок, горит. Чем бы заесть. # Ёк-ковырок! Изрыли тут всё, не проедешь. # Ёк-ковырок, чуть кипяток на ноги не вылил!* # *Пуговицу <на полушубке> оторвал, ёк-ковырок! Не пришьешь теперь сто годов. Бабушка не пришьёт, а я нитку не вдену. # Лишку поддал <пару>, ёк-ковырок! Нельзя на полке лежать. Бабушка сегодня баню протопила хорошо!* # *Ах ты, ёк-ковырок! Она выходит <из игры победителем> за счёт её. # Он <автобус> ведь не остановится, мимо проедет. Точно, ёк-ковырок. # Ёк-ковырок, профукали корыто! Украли!* # *Крыса в бане дыру прогрызла, ёк-ковырок! Надо заделывать, а то париться нельзя будет. # Опять забыл, ёк-ковырок! # Не засчитали нашим гол, ёк-ковырок!*

КАК ЗЮ'ЗЯ, *адверб., прост., неодобр. или презр.* Очень сильно (пить, напиваться, быть пьяным). # *Ведь в последнее время Николай Иванович пил как зюзя.* # *Он сейчас, наверное, как зюзя пьяный.* # *Вина <на столе> было много и всякого, вот он и напился как зюзя.*

📖 «**КАК ЗЮЗЯ.** Прост. Презр. О сильно пьяном человеке» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 268—269). «**Зюзя, з'юзила** об. человек мокрый, промокший в одежде насквозь, из-под воды или из-под дождя; плакса, || рева, рюмила, слезливый || пьяный, насосавшийся как губка; вообще пьяница, пьянюшка; у кого язык, от хмелю, коснеет || дрянной человек, плохой; вялый разиня. *Он пьян, как зюзя. Зюзя зюзей. Промок как зюзя. Вывалялся в грязи, зюзя зюзей!*» (Даль, 1989, т. 1, с. 698).

НИ КОНЯ' НИ ВО'ЗА *у кого, где, глаг.-пропоз., обл.* Ничего не случилось, не произошло, не сделано. *Тогда ещё можно было что-то сделать, ещё ни коня ни воза, а Горбачёв струсил.* # *Чего вы лежите? Нам надо навозу навозить, у нас ещё ни коня ни воза!*

📖 «*Ни коня, ни возу, ни что на-воз положить*» (Даль, 1989, т. 1, с. 228).

КУСА'ТЬ ЛО'КТИ, *глаг. несов., разг.* Досадовать, сожалеть о неправомерном, упущенном. # *Может, <за отходами зерна> сейчас ехать? Потом ведь локти кусать будем, если дождь пойдет!* **ОБКУСА'ТЬ ЛО'КТИ.** # *Вот Вениамин, он все локти обкусал.* «*Нива*» *ведь в рассрочку раньше давалась. И что не купил? Вот теперь ездят на велосипеде.* **ПОКУ'СЫВАТЬ ЛОКОТКИ'.** # *Фурина, чай, теперь покусывает локотки.* *Медикам теперь зарплату повысили. Работала бы на одном месте — 500 рублей получала бы.*

📖 «**КУСАТЬ <СЕБЕ> ЛОКТИ.** Досадовать, сожалеть о непоправимом, упущенном, утерянном» (ФСРЯ, 1967, с. 218). «**КУСАТЬ СЕБЕ ЛОКТИ.** Разг. Экспрес. Очень сильно сожалеть, сокрушаться о непоправимом, упущенном» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 340).

В ЛА'ПОТНУЮ ГО'ЛОВУ *бить, забить, разбить кого, адверб., обл.* Полностью, совсем, окончательно; наголову, вчистую. # *Я вот ветеринар, а не таких врачей, как ты, в лапотную голову забивал. А твоя Татьяна что за врач... Я с ней и спорить не хочу.* # *Они нас разбили в лапотную голову <об игре в карты>.* # *Они нас забили в лапотную голову.* *Я и бросил играть <в карты>.* **В ЛА'ПОТНУ ГО'ЛОВУ.** # *А ты никогда не спорь со мной. Разобью ведь в лапотну голову всё равно.* # *Мы их вчера разбили в лапотну голову <об игре в карты>.* # *В лапотну голову они нас сегодня разбили!* *Круглые мы дураки были <об игре в карты>.* # *Это раньше я в козла всех бивал в лапотну голову.*

НА ЛИ'ШЕК, *адверб., обл.* Больше, чем нужно. # *Ай, как вкусна картошка сегодня! Я уже на лишек ем.* # *Я тебе сказал, что пять стаканов <земляники> наберу, вот, набрал и на лишек пошёл <набирать>.*

📖 «**Лишек, лиш'ок** м. *л'ишки, лишк'и* мн. Остатки, избыток; что-либо не нужное в дело <...> **Лиш** м. *лишь* ж. лишек, избыток. *Отдам тебя с лиш'ом, с л'ишью, с лихвою*» (Даль, 1989, т. 2, с. 260).

ЛОМАТЬ СПИ́НУ и **ЛОМАТЬ РУ́КИ**, глаг. несов., разг. Заниматься чем-либо, требующим много физических усилий, большого физического напряжения. Обычно о деле, которое можно и легче сделать, используя специальные приспособления, технику и т. п. # *Вот ты всё время спину ломаешь. Скосили бы после обеда косилкой.* # *Спину ломать не будем. Я договорился с косилкой в Сосновце.* # *Да пошто нам спину ломать?! Не вытолкнем <из грязи> мы этот «уазик» никогда! Надо за трактором идти.* # *Да ладно тебе руки ломать! Главное, раскидали <навозные> кучи <на картофельном поле>. А крушни <комья> трактор разобьёт.* # *Зря мы этот мотоблок купили. Сильно тяжёл. Только руки с ним ломать. Лопатами бы потихоньку перекопали наши полторы гряды. А ты ворочаешь такую дуру!* # *Что ты руки ломаешь? Надо голову ломать, а не руки! Не додуматься, что можно доски подложить?!*

📖 «**ЛОМАТЬ СПИНУ**. Прост. Экспрес. Трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжелой работой»; «**ЛОМАТЬ РУКИ (ПАЛЬЦЫ)**. Разг. Экспрес. Не скрывать чувство горя, отчаяния (выражая его жестами)» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 358).

МУХИ ЛЕТАЮТ над кем, глаг.-пропоз., разг., ирон. Кто-либо очень сильно пьян. # *Ой-ёй-ёй! Какие мухи над вами летают! Видать, посидели вы у Олега хорошо. Значит, завтра косить не поедем. Похмеляться будем.*

Ср.: **ПОД МУХОЙ**, адъект., разг.

С ПЯТОГО НА ДЕСЯТОЕ, адverb., разг., пренебр. 1. Плохо, кое-как, небрежно; не так, как следовало бы (делать что-либо). # *Что ты?! Не видишь, что всё тут с пятого на десятое сделано?! Это не работа!* # *И чё там в правительстве делается? Всё делают с пятого на десятое.*

2. Немного, только кое-что, не всё (знать). # *Не важно, чему ты учился, а важно, что ты знаешь и умеешь. Раз у тебя высшее образование, знать должен, пусть с пятого на десятое, хоть вот Чехова.*

📖 «**С ПЯТОГО НА ДЕСЯТОЕ**. 1. Бессвязно, непоследовательно, пропуская подробности (рассказывать, сообщать, говорить и т. п.). <...> 2. Кое-как, беспорядочно, небрежно (делать что-либо). <...> 3. Кое-что, немного (слышать, знать, понимать и т. п.)» (ФСРЯ, 1967, с. 374). «**С ПЯТОГО НА ДЕСЯТОЕ**. Разг. Пренебр. 1. Бессвязно, бестолково, непоследовательно (говорить, объяснять, сообщать). <...> 2. Кое-что, немного (знать, понимать, слышать). <...> 3. Кое-как, беспорядочно, небрежно (делать что-либо)» (ФСРЛЯ, 1995, т. 2, с. 172).

РУКА' В РУКУ, адverb., разг. В полном согласии, дружно (жить). # *Командир был старше меня на год. Жили мы с ним рука в руку.* # *В Советском Союзе все нации жили рука в руку. И про национализм никто ничего не знал.*

📖 «**РУКА В РУКУ**. 1. Взявшись за руки (идти, двигаться, гулять и т. п.). <...> 2. Вместе, как единомышленники (действовать, жить и т. п.)» (ФСРЯ, 1967, с. 395). «**РУКА В РУКУ**. Разг. 1. Взявшись за руки (гулять, идти). <...> 2. Вместе, дружно, как единомышленники» (ФСРЛЯ, 1995, т. 2, с. 201). «*Рука в руку, дружно.* <...> *Они плутуют рука в руку.* <...> *Живут рука в руку, душа в душу*» (Даль, 1991, т. 4, с. 109—110).

С ПАКЛЕ'Й СБИ'ТЬСЯ, *глагол. сов., обл.* Перестать вести привычный образ жизни, изменить линию поведения в худшую сторону. # *Выпустили указ-от <о борьбе с пьянством>, а через год пьяные мужики с пакле'й сбились.*

📖 «ПАХВА' ж. или *пахви, пахв'ы* мн. на(под)хвостник, ремень с очком, от седла; в него продевается хвост лошади, чтобы седло не съехало коню на шею, как *нагрудник* не дает ему съехать на забедры. *Сбить кого с пахвей, с пахв'ы* или *с пахов*, с толку, ладу, панталыку. *Он с пахвей сбился, наделал глупостей*» (Даль, 1991, т. 3, с. 289).

СМОТРЕ'ТЬ СКВОЗЬ ПА'ЛЬЦЫ на что, *глагол. несов., разг. 1.* Намеренно не обращать внимания на что-либо; умышленно не замечать ничего предосудительного в чем-либо. # *А что? Приходится иногда на что-то и сквозь пальцы смотреть. Если с людьми работаешь.*

2. Обращать внимание на главное, существенное, важное в чём-либо. # *Ты ведь уже взрослый, на жизнь надо смотреть сквозь пальцы, чтобы не только пальцы видеть.*

📖 «СМОТРЕТЬ [глядеть] СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ на что. Намеренно не обращать внимания на что-либо; умышленно не замечать ничего предосудительного в чем-либо» (ФСРЯ, 1967, с. 440). «СМОТРЕТЬ СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ на что. Разг. Экспрес. Игнорировать что-либо; намеренно не обращать внимания на что-либо» (ФСРЛЯ, 1995, с. 440).

СТА'ТЬ В ПЕ'НЬ, *глагол. сов., прост.* Оказаться в состоянии, когда невозможно двигаться, делать что-либо от физической усталости. # *Свинью четверо мужиков тащили со двора. Так все в пень стали, двинуться не могли с места, такая тяжелущая была туша.*

📖 «СТАТЬ В ПЕНЬ. Устар. Прийти в крайнее затруднение» (ФСРЯ, 1967, с. 454). «СТАТЬ В ПЕНЬ. Устар. Экспрес. Прийти в состояние крайнего замешательства, затруднения» (ФСРЛЯ, 1995, с. 454). «*Стал в пень*» (Даль, 1991, т. 3, с. 29).

СЧЁ'Т НЕ БЕРЁ'Т кого, чего, *неопр.-колич., обл.* Очень много, в большом количестве. # *Залётюк у Шаравариной счёт не берёт, вон сколько. # А денег у Валентины Павловны счёт не берёт!*

ТОПОРА' НА' НОГУ НЕ УРО'НИТ, *адъект., прост.* Ничего не делает в ущерб себе; не упустит своей выгоды. О ком-либо. # «*Топора на ногу не уронит*» говорят про того, кто чё бы ни делал, а своего не упустит, кто про свою выгоду никогда не забывает. # Ну, что Олег! Пупсик *топора на ногу не уронит!* # Гляди, на этот родник уже церковь лапу наложила! Они *топора на ногу не уронят*. Теперь святой источник будет. Святую воду пить будем.

📖 «На свои руки топора не уронит» (Даль, 1991, т. 4, с. 417).

НИ У'ХА НИ РЫ'ЛА не понимать, *местоим., прост.* Совершенно ничего (не понимать). # *Я ему сказал: «Ты ни уха ни рыла не понимаешь, а встречаешь каждый раз. Без тебя разберемся». Я в твоей науке ни уха ни рыла не понимаю. Ты так скажи, чтобы мне понятно было.*

📖 «**НИ УХА НИ РЫЛА**. Прост. Совершенно ничего (не знать, не понимать, не смыслить и т. п.)» (ФСРЯ, 1967, с. 500). «**НИ УХА НИ РЫЛА**. Прост. Презр. Совершенно ничего (не знать, не понимать, не смыслить и т. п.)» (ФСРЛЯ, 1995, т. 2, с. 334). «*Ни уха, ни рыло, человек ни то ни сё. <...> Не смыслит Вавила ни уха, ни рыла*» (Даль, 1991, т. 4, с. 525).

ФИЛЬКИНА ГРАМОТА, *имен., разг., пренебр.* Документ, не соответствующий требованиям, не имеющий юридической силы, ничего не значащий. # *Я эту филькину грамоту подписывать не буду.* # *Таких филькиных грамот я тебе могу наделать сколько хочешь.* # *А он в папку свою лезет, достает какие-то документы. А я ему: «Что ты мне филькину грамоту суёшь?»* **ФИЛЬКИНЫ ДОКУМЕНТЫ**. # *Все документы <на мотоцикл> я припас. Только ведь это филькины документы.*

📖 «**ФИЛЬКИНА ГРАМОТА**. Пустая, ничего не значащая бумажка; не имеющий никакой силы документ» (ФСРЯ, 1967, с. 119). «**ФИЛЬКИНА ГРАМОТА**. Разг. Экспрес. Документ, не имеющий никакой силы; пустая бумажка» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 161). «**ФИЛЬКИНА БУМАЖКА**, *имен. (пренебр.)*. Документ, не имеющий силы, ничего не значащий» (ФСРГРК, с. 278).

НА ХУДОЙ КОНЕЦ, *адверб., разг.* В самом крайнем, худшем случае. # *Места <в доме> всем хватит. На худой конец можно кому-то у Тоньки переночевать.* **НА ХУД КОНЕЦ**. # *Луку-то нам хватит. Там ведер пять осталось. На июнь хватит. На худ конец можно ведь и зелёным пользоваться.*

📖 «**НА ХУДОЙ КОНЕЦ**. В самом крайнем, худшем случае» (ФСРЯ, 1967, с. 204). «**НА ХУДОЙ КОНЕЦ**. Разг. Экспрес. В худшем случае, считывая на худшее» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 312).

НИ ХРЕНА СЕБЕ, *междом., прост.* Выражение удивления чем-либо увиденным, услышанным и т. п. # *Ни хрена себе, сколько <картошки> ты набрал! Я мало мешков привёз. # Вы уж всю бутылку выдули?! Ни хрена себе! За новой надо лезть в подполье.*

НА ЦЫПКИ вставать, *адверб., обл.* На кончики пальцев ног (вставать). # *Санька, ты не растёшь совсем. Меньше меня <ростом>, гляди-ка. Не-ет, ты на цыпки не вставай!*

📖 «**Цыпки** ж. мн. Цыпочки, ножные персты, кончики ножных пальцев. *Стать, подняться на цыпочки. Прошел тихонько, на цыпочках*» (Даль, 1991, т. 4, с. 575—576).

В ЧЁМ ПСЫ НЕ ЛОЧУТ ругать, *адверб., обл.* Нецензурно, грязно, матерными словами (ругать кого-либо). # *Ругает она своего сына в чём псы не лочут.*

📖 «**ЛОЧИТЬ** <...> Собака лочет, локчет или локает. **Лоча** ж. бурда, помои, поганое или дурное питье, похлебка» (Даль, 1989, т. 2, с. 264).

ПОД ЭГИДОЙ кого, чего, *адверб. 1. книжн.* Под защитой, под покровительством кого-либо, чего-либо. # *Что значит под эгидой? Под прикрытием, значит, под защитой тоже. Вон говорят: «Под эгидой ООН». Чай, знаешь, эгида — щит такой, у греческой богини. # Ковшов приходил, трез-*

вый. «Дай, — говорит, — ружьё, завтра рано пойду на охоту. Пришел сегодня, чтобы тебя не будить». А меня пересёмки берут: знаю, что у него жаканы есть, да он **под эгидой** Осеннова. Дал вот <ружьё>, а ночь не спал, давление поднялось у меня и у бабушки. **2. чего, прост.** Под видом, под предлогом чего-либо. # Я ведь у Гели **под эгидой** <ловли> крота паданцы под яблонями собирал. # Олег **под эгидой** грибов <под видом грибника> картошку колхозную проверял, выкопал куста три <там>, где новый сорт посажен. **ПОД ЭГИДОЙ** какой. # Берёзкиной я **под эгидой** звонил, она и не догадалась, что мне от неё надо было <узнать>. А **под эгидой** вот какой: мол, не слыхала ты, что Саньку Золина обокрали? **Под** этой эгидой я потом потихоньку и узнал, сколько ей лет, какой юбилей у неё.

НА ВЗГЛЯД кого, чей, модальн. По мнению, убеждению кого-либо. # **На** мой **взгляд**, надо посмотреть, как вообще относится механизатор к земле. Подходить к оценке строже. # **На** мой **взгляд**, надо строго спрашивать и руководителям хозяйств за состояние дел в животноводстве со всех, без исключения, специалистов. Лучше использовать корма. # Такой пастбищный режим, **на** наш **взгляд**, самый оптимальный для животных, так как в жаркое время суток и появления массового гнуса коровы находятся в помещении, а ранняя пастба по утренней летней росе способствует лучшему поеданию и усвоению зеленой массы. Готовясь к пастбищному периоду.

📖 «**НА ВЗГЛЯД** кого, чей. Прост. По мнению, убеждению кого-либо» (ФСРЯ, 1967, с. 64); «**НА ВЗГЛЯД** кого, чей. Разг. По мнению кого-либо» (ФСРЛЯ, 1995, т. 1, с. 75).

Библиографический список

1. А. Н. Островский : энцикл. Кострома : Костромиздат ; Шуя : ШГПУ, 2012. 660 с.
2. Аиужин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А. Словарь к пьесам А. Н. Островского. М. : Веста, 1993. 246 с.
3. Байрамова Л. К., Денисов П. Н. Фразеологический словарь языка В. И. Ленина. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. 350 с.
4. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2000. 624 с.
5. Бирих А. К., Волков С. С., Никитина Т. Г. Словарь русской фразеологической терминологии / под ред. В. М. Мокиенко. Мюнхен, 1993. 136 с.
6. Жизнь русской фразеологии в художественной речи : школьный слов. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 730 с.
7. Карпова О. М. Словари языка писателей. М. : Изд-во МПИ, 1989. 108 с.
8. Кузьмина Г. Ш. «И образ мира, в слове явленный...» : лингвокультурологический слов.-коммент. к произведениям С. Т. Аксакова. Уфа : РУНМЦ МО РБ, 2004. 302 с.
9. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи : слов. 2-е изд., стер. М. : Русские словари : Астрель, 2001. 855 с.
10. Редкие слова в произведениях авторов XIX века : слов.-справ. М. : Русские словари, 1997. 576 с.
11. Самотик Л. Г. Словарь языка А. И. Лебедея. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. 326 с.
12. Словарь автобиографической трилогии М. Горького : в 6 вып., с приложением словаря имен собственных. Л. : Изд-во ЛГУ, 1974—1990.
13. Словарь языка А. Н. Островского : в 4 т. Шуя : ШГПУ, 2012.

14. Словарь языка А. С. Грибоедова. М. : Языки славянской культуры, 2008. Т. 1 (А—З) / сост. А. Е. Поляков. 432 с.
15. Словарь языка Пушкина : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956—1961.
16. Толстова Г. А. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. 560 с.
17. Фролова Ю. В. Материалы к словарю устойчивых образных сочетаний в произведениях В. П. Астафьева. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. 252 с.
18. Хуснутдинов А. А. Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1993. 63 с.
19. Хуснутдинов А. А. Фразеологический лексикон личности: формирование и использование // Фразеология и миропонимание народа : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Тула, 2002. Ч. 2 : Фразеология и межкультурная коммуникация. С. 146—151.
20. Хуснутдинов А. А. Фразеологический спектр языковой личности // Антропоцентрический подход к исследованию социума: лингвистические, социолингвистические, культурологические аспекты : межвуз. сб. науч. тр. Иваново : ИГХТУ, 2002. С. 32—41.
21. Хуснутдинова А. А. Отражение фразеологии нашего современника в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык — словесность — культура — воспитание : материалы V Всерос. науч. конф., Иваново, 14 апр. 2011 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. С. 223—233.
22. Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Из проекта «Фразеологического словаря рядового носителя языка» // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 22—24 марта 2012 г.). Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. С. 297—301.
23. Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Трансформированное использование фразеологических единиц в речи рядового носителя языка // Фразеология: вчера, сегодня, завтра : межвуз. сб. науч. тр. в честь 70-летия В. Т. Бондаренко. Тула, 2011. С. 37—41.
24. Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Фразеологические единицы в лексиконе рядового носителя языка // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 1 : Филология. С. 69—80.
25. Хуснутдинов А. А., Цэрэндорж Ц., Чжу Сяодун. Фразеология языка и его носителей // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры : (лингвистический и лингвометодический аспекты) : Междунар. науч.-практ. конф., 17—19 марта 2006 г. М. : Элпис, 2006. С. 29—36.
26. Шестакова Л. Л. Библиографические материалы по авторской лексикографии // Вестн. Междунар. слав. ун-та. Сер.: Филология. Харьков, 2000. Т. 3, № 1. С. 18—31.
27. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография : теория, история, современность. М. : Языки славянских культур, 2011. 464 с.
28. Schindler C. Untersuchungen zur Äquivalenz von Idiomen in Sprachsystem und Kontext : (am Beispiel des Russischen und des Deutschen). Lit Verlag Münster, 2005. 276 S.

ББК 83.3(2=411.2)5-8Гоголь, 4+83.3(4Вел=432.1)512-8Стерн, 4

*П. В. Николаева***О «ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ КРАСНОРЕЧИЯ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. СТЕРНА И Н. В. ГОГОЛЯ**

Рассматривается вопрос о близости художественных миров двух писателей — Л. Стерна и Н. В. Гоголя, а именно о соотношении риторического слова и жеста героев. Наблюдения подтверждаются сравнительным анализом эпизодов из романа Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и сборника Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Ключевые слова: сравнительный анализ, воздействие, восприятие, риторика, жест.

The article reveals closeness of L. Stern's and N. V. Gogol's creative worlds. The question of correlation of rhetorical speech and gesture is discussed. Comparative analyses of Stern's novel «The life and Opinion's of Tristram Shandy, gentleman» and Gogol's «Evenings on a Farm near Dikanka» proves this closeness.

Key words: comparative analyses, influence, perception, rhetoric, gesture.

В отечественном литературоведении существует достаточно большое число работ, в которых рассматривается вопрос о влиянии на русскую литературу английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768) (см., напр.: [1, 3, 4, 6, 8, 10]). Новаторство Стерна было по-разному воспринято русскими писателями разных направлений. Е. Е. Дмитриева отмечает: «...в России (впрочем, так же, как и в Европе) было не только два основных этапа восприятия Стерна, но и существовало два разных писателя Стерна. Один из них почитался как сентименталист (соответственно “русским Стерном” был провозглашен Н. М. Карамзин) <...> другой — как основоположник романтизма. И здесь титул “русского Стерна” поделили между собой Вельтман и Гоголь» [7, с. 20].

Произведения Стерна и Гоголя предлагают обширный материал для рассуждения о понимании писателями риторического слова и его задач. Оба автора отдают должное не только содержанию речи, но и «вспомогательным средствам красноречия», которые позволяют достичь максимального воздействия на публику. Мы остановимся на двух «риторических» эпизодах из «Тристрама Шенди» и «Вечеров на хуторе близ Диканьки», чтобы определить сходное и различное в отношении писателей к возможностям слова и жеста.

У Стерна обратим внимание на эпизод чтения проповеди капралом Тримом. Поясним, что текст проповеди был случайно обнаружен в книге, которую Трим принес по просьбе дяди Тоби, чтобы разъяснить один вопрос, возникший во время беседы братьев Шенди и доктора Слопа. Заметим, что когда книга была доставлена, вопрос уже разрешился ко всеобщему удовольствию. Таким образом, появление проповеди в тексте романа совершенно случайно; забытая священником Йориком, она могла пролежать в книге еще много лет. И еще один интересный момент: в действительности проповедь была написана самим Стерном, прочитана 27 июля 1750 года в Йоркском

© Николаева П. В., 2013

соборе и даже опубликована. В книге же факт публикации этого документа объясняется следующим образом: «Поверит ли читатель, что эта проповедь Йорика произнесена была во время сессии суда присяжных в Йоркском соборе перед тысячей свидетелей, готовых клятвенно это подтвердить, одним пребендарием названного собора, который не постеснялся потом ее напечатать, — — и это произошло всего лишь через два года и три месяца после смерти Йорика! — Правда, с ним и при жизни никогда лучше не обращались! — — а все-таки было немного бесцеремонно этак его грабить, когда он уже лежал в могиле» [9, с. 138]. Получается, что автор ограбил своего безвременно умершего героя! Такова самоирония Стерна.

Возвращаясь к заявленной проблеме, мы предлагаем оставить в стороне содержание проповеди и проанализировать сам процесс ее чтения.

Прежде всего, стоит отметить тот факт, что Стерн доверяет прочесть ее бесхитроственному капралу Триму, а не ученому мистеру Шенди. Очевидно, здесь, как и во многих других случаях, автор делает акцент на главной черте мистера Шенди — рациональности его мышления.

Трим же вовсе не обладает специальными знаниями в области риторики и ораторского искусства (да и никакого другого искусства, кроме военного, он не знает). И перед мистером Вальтером Шенди у него есть всего лишь одно преимущество: он «любил слушать свое чтение так же, как и свою речь». Будучи человеком не очень ученым, Трим обладал важными качествами, сближавшими его с дядей Тоби, а именно добротой и способностью к состраданию, а также естественностью. Эти черты характера делают Трима и дядю Тоби любимыми героями писателя-сентименталиста. Забегая вперед, скажем, что как раз природная доброта и человечность определили успех Трима в роли оратора.

Интересно, что мистер Шенди дает такую оценку только что услышанной проповеди: «Мне она очень нравится <...> она драматична, — — и в этом литературном жанре, по крайней мере в искусных его образцах, есть что-то захватывающее» [9, с. 137]. С этим можно согласиться, но с одной поправкой: проповедь становится и драматичной, и захватывающей, и полной внутренней динамики — именно в процессе чтения ее капралом Тримом. Тогда, когда риторическое слово, логически и рационально выстроенное, запечатленное на бумаге, оживает и начинает жить своей собственной жизнью в устах простодушного и бесхитростного человека.

Как же это происходит? Обратимся к тексту.

Стерн, видимо, считает невербальное поведение оратора столь же важным средством воздействия на аудиторию, как и само содержание его речи. Неслучайно он отводит столько же места описанию жестов и движений Трима, сколько и самой проповеди. Отдельную главу писатель посвящает описанию позы, которую принимает Трим, готовясь к выступлению. Подробно перечислены все движения героя, его поклоны, взмахи руки, повороты; Стерн скрупулезно и дотошно выписывает положение капрала в пространстве, доходя до абсурда, до того, что в какой-то момент все это начинает напоминать уже пародию на ораторские манеры. Например, чего стоит хотя бы уверение читателя в том, что Трим встал точно так, как должен встать настоящий оратор, то есть «согнув туловище и наклонив его вперед ровно настолько, чтобы оно образовало угол в восемьдесят пять с половиной градусов на плоскости горизонта» [9, с. 120]. Именно такой наклон — в восемьдесят пять с поло-

виной градусов и никакой другой — и рекомендован настоящему оратору. Далее следует детальное описание положения Трима в пространстве: «Он стоял — я это повторяю для цельности картины, — согнув туловище и немного наклонив его вперед; — правая его нога покоилась прямо под ним, неся на себе семь восьмых всего его тела; — ступня же его левой ноги, изъян которой не причинял никакого ущерба его позе, была немного выдвинута, — не вбок и не вперед, а наискосок; — колено было согнуто, — но не круто, — а так, чтобы поместиться в пределах линии красоты — и, прибавлю, линии научной также...» [9, с. 120].

Это далеко не все описание позы Трима, а только небольшой фрагмент. Порой начинает даже казаться, что речь идет не о человеке, а о статуе; описание живого человека, таким образом, превращается в экфрасис (или, скорее, пародию на него).

Стерн дает дробное, детальное изображение позы героя, показывает его крупным планом. Он будто бы вымеряет его пропорции линейкой и приходит к выводу о том, что они близки к идеальным как с эстетической, так и с научной точки зрения. Даже индивидуальный изъян Трима (раненое колено) не нарушает общей гармонии, а только идет ей на пользу.

Вместе с тем в данной главе заметна ирония Стерна, направленная на искусственность официального красноречия. Возникает странное ощущение, что некто, имеющий непосредственное отношение к практике произнесения публичных речей, заранее продумал и расписал все эти «вспомогательные средства красноречия», вплоть до угла наклона туловища. Но удивительно при этом, что Трим в силу своей природной чуткости неосознанно встал перед своими слушателями точно так же, как встал бы «самый ученый кандидат богословия» [9, с. 121]. Неоднократно подчеркивается простота его позы: «...правая его рука непринужденно висела на боку, как то предписывали природа и законы тяжести» [там же]. Невербальное поведение героя в ситуации публичного красноречия исключительно естественно, а не напыщенно, как могло бы быть у профессионального оратора, заранее продумавшего впечатление, которое необходимо произвести на публику. Не забывает Стерн упомянуть и о взгляде Трима: это взгляд «открытый, непринужденный, — достаточно уверенный, — но отнюдь не заносчивый» [там же].

Стерн не объясняет, «каким чудом капрал Трим, не умеющий даже отличить острого угла от тупого, попал прямо в точку; был ли то случай или природная способность, верное чутье или подражание, или что-нибудь иное...» [9, с. 120]. Ответ на этот вопрос Стерн обещает дать в дальнейшем, но не дает, уверяя при этом читателя, что именно такую позу он рекомендует всем желающим достичь успеха ораторам.

Таким образом, естественность и простота капрала Трима во многом определяют влияние риторического слова на аудиторию.

Но не только это. С мягким юмором Стерн описывает реакцию Трима на отдельные пассажи читаемой им проповеди — видимо, те, которые ему наиболее понятны. Используемый при этом прием остранения не только служит созданию комического эффекта, но и помогает понять авторскую позицию.

В начале выступления капрала в текст проповеди неожиданно вклинивается рассказ о его несчастном брате. Это импровизация оратора, возникшая как реакция на слово «инквизиция». Импровизация не рассчитана на какой-

либо внешний эффект, но рассказ о трагической судьбе человека, который четырнадцать лет томится в подвалах инквизиции, пожалуй, самый впечатляющий момент проповеди Трима. Об этом свидетельствует и реакция слушателей: «Несколько минут в комнате стояла мертвая тишина. — Верное доказательство сострадания!» [9, с. 123].

Впечатление от проповеди усиливается еще и за счет замечаний Трима, которые демонстрируют его уровень понимания смысла читаемого текста. Комический эффект возникает за счет того, что аллегорические, притчевые смыслы проповеди Трим толкует так, как подсказывает ему его любимый «конек» — увлечение военным искусством. Например, по поводу семи стражей, охраняющих человеческую добродетель, он заявляет: «Я думаю <...> что семь стражей на башне — это больше чем надобно; — ведь если продолжать в таком роде, то можно растрепать весь полк...» [9, с. 128]. И далее он с головой уходит в военные тонкости, забывая о проповеди и о своих слушателях. Прием остранения, который здесь используется, позволяет создать контраст между возвышенным строем проповеди и практическим здравым смыслом обычного человека. Кроме того, такие стилистические и смысловые перебои освежают восприятие читателя, позволяют ему увидеть новые смыслы в произведении и делают текст драматическим и объемным, многоуровневым. Есть здесь и элемент самоиронии: все же авторский текст проповеди Стерна оказывается несколько сниженным.

Риторика, риторическое поведение и жесты привлекали на протяжении всего творческого пути и внимание Н. В. Гоголя. Эволюция отношения Гоголя к данным вопросам — тема для самостоятельного исследования. Здесь мы коснемся отдельных подходов и приемов, которые сближают Гоголя и Стерна.

Тема красноречия появляется у Гоголя в предисловии к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Речь пока идет лишь о способе выстраивания повествования; соответственно под риторикой понимается замысловатая, напыщенная манера вести разговор (преимущественно монолог) с целью впечатлить, поразить слушателя, не обладающего, по мнению ратора, достаточным интеллектуальным уровнем.

На вечерах Рудого Панька обстановка простая и непринужденная, хотя среди гостей немало уважаемых и авторитетных людей «вовсе не простого десятка», которые, «...может, иному, и повыше пасичника, сделали бы честь посещением» [5, с. 70]. Однако никто не считает предосудительным «загадывать загадки или просто нести болтовню» [там же], не задумываясь о том, как выглядит рассказчик в глазах слушателей, — лишь бы всем было весело и интересно. Среди гостей выделяется своим обликом, поведением и речью панич в гороховом кафтане. Истории, которые он рассказывает, не предназначены для развлечения и едва ли понятны: «Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь» [там же]. Повествует панич «вычурно и хитро», явно любясь собой, а его поза и жесты подчеркнута риторичны. Вот, например, как он реагирует на «славную присказку» о школьнике, увлеченном латынью и позабывшем «даже наш язык православный»: «Не говоря ни слова, встал он с места, расставил ноги свои посередине комнаты, нагнул голову немного вперед, засунул руку в задний карман горохового кафтана своего, вытащил круглую под лаком табакерку, щелкнул пальцем по намалеванной роже какого-то басурманского генерала и, захвативши немалую порцию табаку, растертого с золою и листьями любистка,

поднес ее коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца, — и все ни слова; да как полез в другой карман и вынул синий в клетках бумажный платок, тогда только проворчал про себя чуть ли еще не поговорку: *не мечите бисера перед свиньями...*» [5, с. 70—71].

Зачем Гоголь дает раздробленное, почти покадровое изображение жеста? Такой способ показа движения вообще для него характерен (см. об этом: [2]), а здесь жест получает дополнительные смыслы в сочетании с виртуозно рассчитанным соотношением слова и паузы. Затянувшееся молчание (панич не говорит ни слова, остальные тоже молчат, ожидая, что же будет дальше) сменяется жестовой демонстрацией недовольства и обиды. Жест расчленяется на мельчайшие детали; от наблюдателя не ускользает ни эффектная очередность действий (встал — занял определенное положение в пространстве — нагнул голову и т. д.), ни необычность табакерки, ни состав табака, ни презрение, которым награждает собравшееся общество панич, ни намеренная и тщательно выверенная манерность и вычурность жеста («...поднес ее коромыслом к носу...», «...не дотронувшись до большого пальца...»). Все это укладывается в длинный период одной фразы. Гость в гороховом кафтане рисуется перед собравшимися людьми, как светский щеголь; те ждут его словесной реакции, а он — «все ни слова». Судя по этим приготовлениям к речи, откровенно пародирующим жесты оратора, собирающегося выступить перед публикой, панич готовит целую тираду, чтобы восстановить попранное достоинство. Но пауза еще больше затягивается («...да как полез в другой карман и вынул синий в клетках бумажный платок...») и разрешается всего лишь поговоркой, произнесенной сквозь зубы. Достоверно неизвестно, что именно было произнесено; «...проворчал про себя *чуть ли еще не поговорку*» — такая формулировка свидетельствует скорее о домыслах и подозрениях Рудого Панька, чем о реально сказанной поговорке.

Жестовый ответ на презрение, которым панич щедро наделяет всех вокруг, столь же красноречив и оскорбителен: «...пальцы у Фомы Григорьевича так и складывались дать дулю» [5, с. 71]. Жестовое поведение персонажей отчетливо противопоставлено по критериям «естественное — неестественное», «природное — усвоенное в условиях цивилизации». Риторика оказывается здесь в положении негативно окрашенного члена оппозиции и предстает в пародийном свете, хотя риторично в большей степени жестовое поведение, чем слово.

Более чем вероятная в таких обстоятельствах ссора предупреждается появлением книша (пшеничного хлеба, выпеченного особым образом и намазанного маслом), что само по себе символично и отсылает к глубокой архаике. В доме Рудого Панька слово заменяется едой («Рука Фомы Григорьевича, вместо того, чтоб показать шиш, протянулась к книшу...» [там же]), оскорбительный жест — похвалой хозяйке.

В предисловии ко второй части «Вечеров...» происходит окончательное посрамление отличающегося вызывающим поведением гостя. Мы узнаем его по гороховому кафтану и важной походке. Образ заметно конкретизирован: панич приехал из Полтавы, его зовут Макар Назарович. Теперь мы слышим и его речь, он участвует в общей беседе, имеющей дидактический оттенок. Правда, тема беседы — всего лишь соленье яблок, но, по диканьским меркам, это «приличные разговоры; чтобы, как говорят, вместе и услаждение

и назидательность была» [5, с. 145]. Панича на сей раз подводит не только его склонность к риторике и резонерству, заставляющая оспаривать элементарные вещи, не только его высокомерие, но и, по мнению Рудого Панька, незнание всем известных вещей, при котором желание поучать сведущих людей просто нелепо. Важную роль играет и словечко «канупер», которым щеголяет панич, утверждая, что этой пряностью следует пересыпать яблоки.

Разрешение конфликта предсказуемо. На деликатную просьбу признать свою неправоту обидчивый Макар Назарович вновь отвечает оскорблением (правда, жест сейчас попроще — «плюнул на пол») и молчанием. Не попросившись, он покидает собрание.

Конечно, ситуация с гороховым паничем представляет собой лишь пародийный подступ к проблеме риторичности слова и поведения. Никто не воспринимает всерьез заумные речи «затейливого рассказчика», а его манеры смешат и раздражают. Гоголь недвусмысленно дает понять: претенциозные и выпендренные речи никому не идут на пользу, особенно когда лишены смысла. Кроме того, в задачи риторики в идеале не должен входить момент самолюбования: риторю нужно помнить о деле, которому посвящено слово, и о том, как лучше, ярче, убедительнее донести суть этого дела до слушателя и тем самым воздействовать на него, получить конкретный результат от своих слов.

Таким образом, и у Стерна, и у Гоголя отчетливо прослеживается мысль о важности невербального сопровождения риторического слова. «Вспомогательные средства красноречия», к которым относятся жесты, интонации, позы, могут обеспечить успех или провал коммуникативных намерений оратора. Ситуации в двух рассмотренных отрывках выглядят противоположными. В первом случае бесхитростный капрал Трим интуитивно улавливает приемы воздействия на аудиторию и неожиданно для себя добивается успеха. Во втором случае гость из Полтавы, несмотря на эффектные позы и жесты, не находит отклика в сердцах слушателей, потому что занят исключительно своей особой. Иронически осмысленная оппозиция «природа — цивилизация» присутствует в обоих текстах. При изображении ораторского жеста оба писателя используют приемы детализации, повтора, гротеска.

Библиографический список

1. *Атарова К. Н.* Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». М. : Высш. шк., 1988. 95 с.
2. *Белый А.* Мастерство Гоголя. М. : МАЛП, 1996. 352 с.
3. *Веселовский А. Н.* Западное влияние в новой русской литературе. М. : Типолитография т-ва «И. Н. Кушнерев и К», 1916. 259 с.
4. *Виноградов В. В.* Поэтика русской литературы. М. : Наука, 1976. 512 с.
5. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : в 23 т. М. : Наука, 2003. Т. 1. 918 с.
6. *Дмитриева Е. Е.* Гоголь в западноевропейском контексте. Между языками и культурами. М. : ИМЛИ РАН, 2011. 392 с.
7. *Дмитриева Е. Е.* Стернианская традиция и романтическая ирония в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 3. С. 18—27.
8. *Елистратова А. А.* Английский роман эпохи Просвещения. М. : Наука, 1966. 472 с.
9. *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена ; Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / пер. А. Франковского. М. : Худож. лит., 1968. 687 с.
10. *Харитонов В. А.* Лоренс Стерн. Его современники и подражатели // Вестн. МГУ. Сер.: Филология. 1970. № 1. С. 23—32.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ ТУРИЗМА ДЛЯ РАЗНЫХ ГРУПП ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Осуществляется попытка систематизировать базовые характеристики современных англоязычных словарей предметной области «туризм» с учетом основных лексикографических нужд различных групп целевой аудитории. Анализ проводится посредством выявления критериев отбора лексики, способов представления языкового материала в словнике, изучения макро- и микро-структуры справочников.

Ключевые слова: язык для специальных целей, Language for Special/Specific Purposes (LSP), LSP туризма, дискурсивное сообщество, терминологический аппарат предметной области, словарь для специальных целей, учебный словарь, пользователь словаря, структура словаря.

The article aims at the systematization of some basic characteristics of modern English language dictionaries of tourism with particular reference to the lexicographic needs of various groups of the target audience. The analysis was carried out by means of investigation of the criteria for word selection, ways of the language material representation in the dictionary corpus, dictionaries macro- and microstructure, etc.

Key words: Language for Special/Specific Purposes (LSP), LSP of tourism, discourse community, terminology of the subject field, specialized dictionary, learner dictionary, dictionary user, dictionary structure.

Одной из ключевых характеристик языков для специальных целей (в западной терминологии — Language for Special/Specific Purposes, LSP) является их тесная связь с потребностями так называемых дискурсивных сообществ, которые их используют [1, p. 15]. Согласно Дж. Свэйлзу, под дискурсивными сообществами понимаются «социориторические объединения, сформированные для достижения общих целей» и характеризующиеся связью между участниками посредством коммуникации, использованием механизма активного участия для осуществления обмена информацией и обратной связи, а также — и это главное — созданием собственного жанра общения, установленного и нужного для коммуникации и продвижения собственных целей [7, p. 24—27].

Профессиональный контекст, в котором используется язык туризма, до самого недавнего времени не получал четкого определения. Этот факт повлиял на то, что язык, обслуживающий предметную область «туризм», был достаточно поздно признан языком для специальных целей. Примечательно, что и статус самого туризма (туризмоведение, туристика, турология) как отдельной области академических исследований был установлен лишь в 70-х годах XX века. Тем не менее на современном этапе существование профессионального языка туризма, отличного от любого другого LSP, общепризнано, чему имеется множество убедительных доказательств экономического, лингвистического и педагогического толка.

Англоязычный терминологический аппарат предметной области «туризм» стремится к законченности своего формирования, однако все еще нуждается в инвентаризации. К сожалению, приходится констатировать недостаток терминологических справочников по туризму на рынке лексикографической продукции. Первые из них появились лишь в начале 1990-х, а общее количество не превышает полутора-двух десятков. Тем более важной предстает задача составления специальных словарей LSP туризма. Поскольку лексикографическое описание терминов представляет собой один из этапов упорядочения терминосистем, лексикография способна сыграть значительную роль в развитии и функционировании терминологии.

Туристическая деятельность осуществляется главным образом посредством коммуникации, основными участниками которой являются провайдер и потребитель туристических услуг, а переводчик выступает своеобразным посредником между ними в тех случаях, когда это становится необходимым. Профессиональный язык туризма — воистину проблема для непосвященных. Это объясняется не только спецификой вокабуляра, изобилующего специальной терминологией, аббревиатурами, профессиональным жаргоном, но и сложностью формальных структур, создаваемых в таких профессиональных жанрах, как договор, туристический ваучер, бронь, претензия клиента, туристический страховой полис, путеводитель и др. [6, р. 133]. Таким образом, язык может, с одной стороны, гарантировать эффективную коммуникацию, а с другой — препятствовать адекватному восприятию специализированного дискурса.

Если говорить о потенциальных пользователях словарей туризма, можно достаточно четко выделить четыре основные группы:

- профессионалы, занятые в сфере туризма;
- будущие специалисты в туристической индустрии (студенты, обучающиеся по образовательным программам «Туризм и социально-культурный сервис», «Туризм и гостиничное дело», «Международный туризм», «Экономика и управление туризмом и гостиничным хозяйством» и т. п.);
- переводчики;
- туристы как потребители услуг.

Первая группа пользователей прибегает, как правило, к помощи толковых терминологических словарей, которые отвечают требованиям, предъявляемым к главному инструменту в области инвентаризации и упорядочения лексики. Такие лексикографические продукты обычно содержат толкование наиболее распространенной и общеупотребительной в туристском бизнесе лексики, охватывающей широкий спектр тем внутри предметной области (визовая поддержка, страхование, транспорт, гостиничное дело, виды туризма и др.). Словарная статья минимизирована с точки зрения репертуара помет, зато различного рода приложения являются неотъемлемой частью мегаструктуры подобных справочников. Так, например, нередко приводятся списки профессиональных ассоциаций, правительственных и иных официальных организаций и учреждений, регламентирующих индустрию туризма, описываются их функции, дается отсылка к соответствующей терминологии, включенной в основной словарный корпус. Примерами терминологических справочников подобного рода являются словари С. Медлика «Dictionary of Travel, Tourism and Hospitality» (2003) [5], А. Бивера «A Dictionary of Travel and Tourism Terminology» (2005) [2].

Многие современные англоязычные словари туризма имеют четко выраженную учебную направленность и призваны поддерживать процесс обучения в рамках профильных образовательных программ (см., например, словарь Э. Харриса с соавторами «Dictionary of Leisure, Travel and Tourism» (2006) [4]; онлайн-словарь «Travel Industry Dictionary» (2009) [11] и др.). Сосредоточивая в себе все лучшие достижения современной практической лексикографии, подобные справочники включают в микроструктуру разнообразные информационные «зоны»: дефиницию, сопровождаемую при необходимости графическими иллюстрациями (рисунки, диаграммы, схемы, таблицы), фонетическую транскрипцию, примеры контекстуального использования, грамматические, функциональные, этимологические, стилистические, региональные и иные маркеры. Все это имеет целью научить студентов адекватно использовать язык профессиональной коммуникации. Мегаструктура располагает разного рода приложениями. Наиболее частотные — сведения географического характера, списки брендов, акронимов и аббревиаций, которые являются своеобразным камнем преткновения для изучающих профессиональную лексику. Серьезное практическое значение имеют приложения по деловому языку (инструкции по составлению и образцы оформления официальной документации, используемой в данной предметной области), подготовке к международным профильным экзаменам и др.

Справочники «A — Z Handbook» как отдельный лексикографический «жанр» являются прекрасными помощниками обучающимся («Complete A — Z Travel and Leisure Handbook» (2003) Р. Йюэлла [12], «Leisure Management A to Z: a Dictionary of Terms» (1994) Г. Торкильдсена [10]). Они содержат актуальный лексический материал и предоставляют информацию в доступной и интересной форме. Базовые термины объясняются лаконично и просто; детальные толкования наиболее трудных понятий помогают справиться с домашними заданиями, а списки ключевых терминов — подготовиться к финальным тематическим тестам. Такие «хендбуки» часто напоминают рабочие тетради для студентов с заданиями тренировочного, тестового и познавательного характера, основной задачей которых является письменная или устная отработка словоупотребления. Обычно это упражнения и тесты лексического, грамматического и стилистического плана, задания по переводу. Включение в словарную статью ссылок на интернет-источники, а также обширные библиографические секции в качестве приложений служат расширению фоновых знаний пользователя и высоко оцениваются как изучающими туристическую сферу деятельности, так и практикующими специалистами.

Как показывает практика, большинство существующих словарей LSP туризма основаны на принципе конвергенции разных лексикографических жанров и поэтому могут быть полезны всем упомянутым выше группам пользователей, независимо от уровня их профессиональной и языковой подготовки.

Особую группу пользователей словарей туризма представляют непосредственные потребители туристических услуг, туристы. Их лексикографические запросы во многом отличаются от лексикографических нужд профессионалов в области туризма. Для удовлетворения их интересов существует целый ряд лексикографически структурированных источников. В основном это туристические путеводители с интегрированными в них глоссариями и разговорниками, а также разнообразные онлайн-глоссарии и справочники, например «The Tourism Dictionary Online» (2005) [9]. Все эти лексикографи-

ческие инструменты прагматически ориентированы и помогают пользователю в определенных социальных ситуациях, предоставляя краткие и максимально понятные сведения о туристических продуктах и услугах, местах и способах проведения отдыха, правовых аспектах туристической деятельности. Они могут быть полезны людям, планирующим отпуск, выбирающим авиакомпанию для перелета или собирающимся забронировать экскурсионный тур.

В настоящее время мы являемся свидетелями усиления тенденции нового подхода к туризму, который стал рассматриваться в качестве мощного инструмента получения и распространения знаний. Все больше людей заинтересованы в туризме, «основанном на культурных ценностях, а не на потребительских услугах» [8]. Сравнительно недавно появился специальный термин «культурно-познавательный туризм», несущий в себе идею того, что туризм наделен огромнейшим потенциалом для передачи целевой аудитории знаний о культурном наследии и своеобразии отдельных территорий. Новое отношение к туризму дает толчок к появлению кардинально новых типов словарей, ориентированных на соответствующую группу пользователей. Стремясь получить во время путешествий глубокие познания в самых разнообразных областях, туристы интересуются энциклопедическими, межкультурными и межъязыковыми фактами. Потребности подобного рода может удовлетворить, например, мультимедийный энциклопедический словарь ассоциативного типа для гидов и туристов «Florence in the Works of European Writers and Artists: Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists» под редакцией О. М. Карповой [3], посвященный известным деятелям культуры, науки и искусства, чья жизнь и творческая деятельность были связаны с колыбелью итальянского Ренессанса — Флоренцией.

В заключение стоит отметить, что большинство словарей туризма отражают новейшие тенденции в лексикографии начала XXI века, а именно создание нового формата словаря, исследование перспективы пользователя, использование электронных банков данных при составлении справочников, и могут быть рекомендованы как носителям языка, занятым в сфере туризма, так и изучающим английский язык как иностранный.

Библиографический список

1. *Alesón M.* An overview of the evolution of English lexicography in the industries of leisure and tourism // *New Approaches to Specialized English Lexicology and Lexicography* / ed. by I. Balteiro. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 15—46.
2. *Beaver A.* A Dictionary of Travel and Tourism Terminology. 2nd ed. Oxon : CABI Publishing, 2005. 395 p.
3. *Florence in the Works of European Writers and Artists : Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists : Project of a Dictionary* / ed. by O. M. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2009. 32 p.
4. *Harris E., Bateman H., McAdam K.* Dictionary of Leisure, Travel and Tourism. 3rd ed. London : A & C Black Publishers Ltd., 2006. 378 p.
5. *Medlik S.* Dictionary of Travel, Tourism and Hospitality. 3rd ed. Oxford ; Boston : Butterworth-Heinemann, 2003. 283 p.
6. *Speckens M. P.* Teaching terminology for the tourism industry: ICT Applications // *New Approaches to Specialized English Lexicology and Lexicography* / ed. by I. Balteiro. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 131—150.

7. *Swales J. M.* Genre Analysis : English in Academic and Research Settings. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 274 p.
8. The Life beyond Tourism Manifesto. URL: <http://www.lifebeyonddtourism.org/en/The-Life-Beyond-Tourism-Manifesto> (дата обращения: 18.06.2013).
9. The Tourism Dictionary Online. URL: <http://www.tourismdictionary.com> (дата обращения: 18.06.2013).
10. *Torkildsen G.* Leisure Management A to Z : a Dictionary of Terms. Harlow : Pearson Education Ltd., 1994. 216 p.
11. Travel Industry Dictionary. URL: <http://www.hometravelagency.com/dictionary> (дата обращения: 18.06.2013).
12. *Youell R.* Complete A — Z Leisure Travel and Tourism Handbook. London : Hodder & Stoughton Educational, 2003. 281 p.

ББК 81.432.1-22

А. А. Григорян

О ВЛИЯНИИ КОНТЕКСТА НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕПРЯМЫХ ДОПОЛНЕНИЙ

Рассматривается вопрос о функционировании прямых и косвенных дополнений в английском языке. В частности, анализируется влияние, которое оказывает контекст на выбор типа дополнения. Подчеркивается, что для правильного употребления косвенных дополнений необходимо учитывать как концептуальное значение, так и информационную структуру высказывания.

Ключевые слова: прямые и косвенные дополнения, известная и «новая» информация, типы глаголов, контекст, информационная структура высказывания, языковая дистанция.

The article touches upon the question of indirect objects functioning and the impact of the context on it. That impact, in particular, determines the choice of the object type. In order to use direct/indirect objects correctly the factors of both conceptual meaning and information structure of the utterance should be taken into consideration.

Key words: direct and indirect objects, «given» and new information, types of verbs, context, information structure, linguistic distance.

Казалось бы, очень частный и «не самый важный» вопрос правильного использования дополнений (прямых и косвенных) является, тем не менее (как показывает практика преподавания), источником многочисленных ошибок и недоразумений. В самом деле, наверное, можно убедить учащихся в том, что предложение *He told us a story* грамматически корректно, а вот **He described us a picture* — нет. Однако что мы готовы ответить, если нас спросят: «А почему?» Действительно, почему? Что неправильного и неграмматичного в предложении **He said me «Hello»* или почему мы вполне можем сказать *I bet you five dollars*, но считаем недопустимым *I bet five dollars to you?* Есть ли разница, и если да, то какая, между предложениями *I gave some money to Jack*

© Григорян А. А., 2013

и *I gave Jack some money*? Почему, отвечая на вопрос *Where is your bicycle?*, лучше выбрать вариант *I gave it to a friend*, а не *I gave a friend it*?

Мне кажется, что многое из сказанного выше суммировано в шуточном диалоге, которым я иногда пользуюсь в качестве своего рода warming up activity при прохождении соответствующей темы:

Mary. Where did you get those flowers?

George. From your mother's house.

Mary. What! Are you crazy?

George. Why? It was your idea.

Mary. But I asked you to take her flowers.

George. That's what I did!

Понятно, что в этой старой шутке обыгрывается непонимание Джорджем фразы *take her flowers*. Он воспринимает ее как просьбу Мэри *take flowers that belong to her mother*, в то время как в действительности его просят преподнести цветы матери Мэри (*take flowers to her*). Ошибка Джорджа объясняется его непониманием того, что местоимение *her* не является в данном случае притяжательным; оно употреблено в качестве непрямого дополнения. Джорджу мы уже вряд ли поможем, а вот остальным, интересующимся правильным употреблением не прямых дополнений — попробуем.

В структуре английских предложений информация, которую говорящий считает известной («старой») слушателю/читателю, располагается перед информацией, которая считается неизвестной («новой») на момент высказывания. Существует даже довольно распространенный слоган: *Given before new*. Например, если сравнить приводимые ниже предложения, то наиболее очевидной разницей между двумя версиями информации, представленными в них, будет то, что прямое (*some money*) и не прямое дополнения (*Jack*) поменялись местами:

1. I gave some money to Jack.

2. I gave Jack some money.

С точки зрения информационной структуры высказывания первое предложение выглядит предпочтительнее, если новостью, сообщаемой собеседнику, является то, что именно *Джек* получил какие-то деньги. Предпочтение будет отдано второму предложению, если новостью, сообщаемой собеседнику, является то, что Джеком получены какие-то *деньги* (а не нечто иное). Эта структура выглядит еще более четко и ясно, если известная, «старая» информация представлена в вопросительных предложениях, а ответы построены так, чтобы неизвестная, «новая» информация располагалась вслед за известной:

3. Where is the money? I gave it to Jack.

4. Why is Jack so happy? I gave him some money.

Обратим внимание на тот факт, что известная информация выражена в примерах 3 и 4 при помощи местоимений (*it, him*). Это не случайно: слова и словосочетания, при помощи которых передается известная информация, как правило, лаконичнее таких же языковых средств, предназначенных для транслирования новой информации. Кроме того, известная информация часто выражается при помощи: а) именных групп с определенным артиклем (предпочтение будет отдано, скорее, форме *the teacher*, а не *a teacher*); б) языковых форм, указывающих на конкретный объект (предпочтение будет отдано, скорее, форме *that teacher*, а не *some teacher or other*).

Указанные наблюдения за функционированием не прямых дополнений «в привязке» к информационной структуре высказывания обобщены ниже.

The indirect object in after-verb position is more likely to be	The indirect object in after-prep position is more likely to be
shorter	longer
definite	indefinite
specific	non-specific
a pronoun	a full noun-phrase

Здесь представлены случаи типичных различий употребления не прямых дополнений в обеих конструкциях. Эта дифференциация, однако, соблюдается не всегда, так как в дело вступают и иные факторы, маркеры информационной структуры высказывания (например, интонация). Тем не менее нам кажется, что усвоение этих типичных моделей высказываний важно: оно позволяет понять и объяснить всю необычность, нечастотность использования местоимений после именных групп в некоторых структурах. Например, в ответ на вопрос матери *Where's your bike?* мальчик, скорее всего, скажет *I lent it to a friend*, а не *I lent a friend it*. В самом деле, эту предпочтительность более коротких (in after-verb position) выражений легко заметить, если обратить внимание на приводимые ниже довольно распространенные в разговорном английском высказывания. Непрямые дополнения в этих примерах выделены курсивом:

5. Give *me* a break!
6. Tell *me* another one!
7. Read *me* a story.
8. Buy *me* something nice.
9. Lend *me* your ears (and I'll sing *you* a song).
10. Show *them* who's boss!
11. Send *them* a message they won't forget.

Еще одним фактором, оказывающим влияние на расположение прямых/непрямых дополнений в структуре высказывания, является фактор end-weight. Большее или меньшее количество слов, из которых состоят прямое/непрямое дополнения, коррелирует с большим или меньшим «весом» (weight) соответствующей структуры в предложении. Дело в том, что в современном английском языке существует тенденция располагать ближе к концу предложения единицы, которые «физически много весят», состоят из большего количества компонентов. Это можно заметить по уже приведенным примерам из разговорного английского (5—11), а также по следующим образцам английского, принадлежащим, скорее, к письменному варианту языка:

12. He handed *her* a large brown manila envelope stuffed with hundred dollar bills.
13. Later, she gave that envelope to *a short bedraggled man sitting by the side of the road holding a sign that read «Will Work for Food»*.

Заметим, что более «крупное» выражение, содержащее новую информацию и располагающееся ближе к концу предложения, представлено прямым дополнением (пример 12) и непрямым дополнением (пример 13).

Для того чтобы правильно использовать не прямые дополнения в современном английском языке, необходимо учитывать как концептуальное значение, так и информационную структуру высказывания. Существует ярко выраженная тенденция употреблять не прямое дополнение в конструкции *after-verb* в тех случаях, когда не прямым дополнением обозначается уже известная информация, референтом является человек, который «вступает во владение» чем-либо. В тех же случаях, когда не прямым дополнением выражается новая информация, референтом выступает цель совершаемого действия, не прямое дополнение, как правило, функционирует в позиции *after-pprep*.

Располагая не прямое дополнение в позиции *after-pprep*, мы тем самым создаем и большую языковую дистанцию, а следовательно, ослабляем связь между действием глагола и реципиентом, или бенефициаром, этого действия. В то же время, когда не прямое дополнение расположено в позиции *after-verb*, языковая дистанция существенно меньше, а значит, и гораздо более тесный контакт между действием глагола и реципиентом, или бенефициаром, этого действия. В английском языке (думается, что и во многих других языках тоже) языковая дистанция нередко служит маркером дистанции понятийной. Например, в результате чрезвычайно тесной связи между одним из самых распространенных английских глаголов (*give*) и его наиболее частотным не прямым дополнением (*me*) в разговорном варианте английского языка возникла и укоренилась единая форма (*gimme*). Заметим, что это, наверное, одна из конструкций с не прямыми дополнениями, твердо усваиваемая носителями языка в самом юном возрасте.

ББК 81.006.15

М. А. Маякина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО КОДОВ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ (Коммуникативный аспект)

Приводится информация о характере и способах сосуществования нескольких знаковых систем в одном коммуникативном акте, характеризуются взаимосвязь и типы отношений вербальных и невербальных компонентов коммуникации, выделяются сходства и различия между естественным языком и языком невербальных компонентов коммуникации.

Ключевые слова: невербальное поведение, коммуникация, невербальные компоненты коммуникации, вербальные компоненты коммуникации, взаимодействие, сходства и различия вербальных и невербальных компонентов коммуникации.

The information concerning the nature and ways of several semiotic systems co-existence within a communicative act is given in the article, the interrelation and types of relationships between verbal and nonverbal communication components are

characterized, similarities and differences between natural language and the language of nonverbal communication are pointed out.

Key words: nonverbal behavior, communication, nonverbal communication components, verbal communication components, interaction, similarities, differences.

Изучение роли невербального поведения в интерактивном общении людей в последние декады XX века вышло на первый план, поскольку в эти годы стало очевидным, что без учета особенностей невербального поведения невозможно полностью понять природу и механизмы коммуникации, направленной на достижение общей для партнеров коммуникативной цели. Была намечена перспектива разработки теории взаимодействия вербальных и невербальных сигналов в процессе общения.

В отечественной научной литературе вопрос о характере и способах совместного существования в одном коммуникативном акте нескольких знаковых систем получил освещение в целом ряде работ. Особо подчеркивается тот факт, что в акте устного общения никогда не происходит простого кодирования и перекодирования смысла; в нем сосуществуют параллельно разные системы обработки знаковой информации [5]. Общее содержание сообщения достигается, как правило, совокупностью лингвистических и паралингвистических средств [2, с. 30]. При этом вербальная часть сообщения обычно «накладывается» на предварительно развернутую схему невербальных компонентов коммуникации (НВК), так что «сопровождающие НВК» на деле реализуются в акте коммуникации раньше вербальных компонентов (ВК) [1, с. 79]. Их очередность определяется естественным механизмом общения. На практике границы между ними зачастую незаметны, поскольку вербальные и невербальные системы являются тесно переплетенными составляющими единого процесса коммуникации, где НВК воздействуют на форму и смысл ВК.

Такая взаимосвязь может характеризоваться как повторение, противоречие, дополнение, замена, подчеркивание или приглушение и регулировка [8]. Существуют также определенные типы отношений НВК и ВК в коммуникации, среди которых представляется возможным выделить субституцию, амплификацию, контрадикцию, модификацию, повторение и регулирование [4, 9]. Значимость НВК придает их способность более точно декодировать смысл речевого высказывания, дополнять и уточнять передаваемые вербальными средствами коннотативные значения. НВК повышают остроту восприятия и степень точности, с которой сообщение может быть интерпретировано; они зачастую удаляют двусмысленность [7, р. 5].

Между естественными языками и языками НВК можно наблюдать определенное сходство. Параллельное взаимодействие и существование языка тела и языка слов в акте коммуникации становится возможным благодаря тому, что процессы, на которых основывается невербальная и вербальная деятельность человека, по всей видимости, во многом аналогичны. Г. Е. Крейдлин выделяет четыре факта, подтверждающих вышесказанное [3, с. 167—168]:

а) в определенных условиях смысл может выражаться только НВК, только ВК или сочетанием тех и других знаков;

б) невербальное поведение людей, равно как и речевое, меняется в пространстве и во времени, а также под воздействием изменяющейся социоэкономической и культурной ситуации;

в) НВК, как и ВК, в основном являются символическими знаками; они образуют так называемый лексикон языка тела, точно так же как лексические единицы образуют словарь естественного языка;

г) многие НВК могут быть переведены не только на вербальный язык, но и другой язык тела, при этом проблемы перевода, связанные с языками НВК, будут схожими с проблемами, касающимися перевода с одного естественного языка на другой.

Несмотря на наличие важных общих свойств, между естественным языком и языком тела существуют куда более заметные фундаментальные различия, рассматриваемые во множестве зарубежных работ.

Хотя как ВК, так и НВК являются частью общей коммуникативной системы людей и часто осуществляются одновременно, у них разные основы [6]. Их различия в целом можно свести к следующему.

1. Невербальная коммуникация — это аналогический код, в то время как вербальная — цифровой.

2. Невербальная коммуникация, по сути, не является лингвистической; вербальная же коммуникация — это языковая система, основанная на произвольных значениях.

3. Невербальная коммуникация управляется в основном правым полушарием мозга; вербальная — левым.

4. Невербальная коммуникация, прежде всего, имеет биологическую основу, а вербальная — культурную.

5. Невербальная коммуникация возникла и начала свое развитие задолго до возникновения вербальной коммуникации в сообществах людей.

6. Невербальная коммуникация в отличие от вербальной является врожденной.

7. Невербальная коммуникация обнаруживает значительные межкультурные сходства, о вербальной коммуникации такого сказать нельзя.

8. Невербальные коды носят иконический характер, вербальные — символический.

9. Невербальная коммуникация непрерывна, вербальная — прерывиста.

10. В невербальной коммуникации нет базовых блоков, тогда как вербальная коммуникация состоит из набора определенных единиц, объединенных в единое целое.

11. Невербальная коммуникация многоканальна, вербальная же коммуникация задействует один канал.

12. Невербальной коммуникации по природе своей свойственна редундантность, вербальная коммуникация нуждается в повторении, часто многократном, для того чтобы стать редундантной.

13. Невербальные сообщения декодируются как гештальты, вербальные — дискретно.

14. Невербальные сообщения воспринимаются синкретично, для обработки вербальных сообщений необходим анализ.

15. Невербальные сообщения спонтанны, в то время как вербальные системы символичны.

16. Невербальная коммуникация воспринимается как более искренняя, ей больше верят, чем вербальной.

17. Невербальные коды более полезны для выражения общих значений, вербальная коммуникация — точной фактической информации.

18. Невербальные сообщения обладают высокой степенью эффективности при передаче эмоциональной информации, вербальные — логической и когнитивной.

19. Невербальные сообщения в первую очередь передают относительную информацию, вербальные — конкретную.

Таким образом, обе системы работают параллельно и обладают как схожими характеристиками, так и различиями. Тем не менее с уверенностью можно сказать, что невербальная и вербальная коммуникации дополняют друг друга в большинстве случаев. Обе они управляются культурными правилами и законами природы и в связи с этим выполняют множество функций: проявления культуры и гендера, передачи эмоций, сигналов возбуждения и тревоги, теплоты, близости и важности, убеждения, обмана и доминирования. Большинство функций коммуникации осуществляется через дополняющее взаимовлияние ВК и НВК. Хотя люди, в сущности, создания, общающиеся посредством естественного языка, невербальная коммуникация зачастую может играть более важную роль в человеческом общении. Относительная пропорция ВК и НВК не очень важна; важно то, что невербальная коммуникация — значимая и часто игнорируемая часть коммуникативного процесса, сосуществующая с естественным языком и виртуально всегда его сопровождающая.

Библиографический список

1. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М. : Наука, 1980. 238 с.
2. Колишанский Г. В. Паралингвистика. М. : Наука, 1974. 81 с.
3. Крейдлин Г. Е. Кинесика // Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М. : Языки русской культуры ; Вена : Венский славистический альманах, 2001. С. 166—254.
4. Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М. : УРСС, 1997. 600 с.
5. Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структуре типологии. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 208—215.
6. Andersen P. A. Nonverbal Communication : Forms and Functions. Mountain View (CA) : Mayfield Publishing Company, 1999. 394 p.
7. Bauml B. J., Bauml F. H. Introduction // Bauml B. J., Bauml F. H. Dictionary of Worldwide Gestures. Lanham ; London : The Scarecrow Press, 1997. P. 1—18.
8. Ekman P. Communication through nonverbal behavior: a source of information about an interpersonal relationship // Affects, Cognition and Personality / ed. by S. S. Tomkins, C. E. Izard. New York : Spring, 1965. P. 390—442.
9. Scherer H. S. Sprechen im Situativen Kontext. Tübingen : Stauffenberg Verlag, 1984. 362 S.

ББК 81.432.1-55

Е. А. Полякова

МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «ВИДЕНИЕ КРЕСТА»

Проводится анализ мифопоэтической модели мира, представленной в древнеанглийской поэме «Видение Креста», с учетом основных стилистических особенностей древнеанглийской поэзии и семантики древнего слова.

Ключевые слова: древнеанглийская поэзия, мифопоэтическая модель, мировое дерево, наименования пространства, коннотация.

The article presents the analysis of the mythopoetic model of the world in the Old English poem *The Dream of the Rood*, stylistic peculiarities of the Old English poetry and specific semantic character of the poetic word being taken into account.

Key words: Old English poetry, mythopoetic model, world tree, words denoting parts of the world, connotation.

«Видение Креста» — это религиозная поэма, датируемая приблизительно VIII веком и сохранившаяся в Верчелльском кодексе. Поэма представляет собой один из лучших образцов древнеанглийской христианской поэзии и является единственным произведением в жанре видения в литературе Англии до нормандского завоевания, уникальным по силе выраженного в нем религиозного чувства сочинением [3, р. 272]. Автором поэмы прежде было принято считать Кюневульфа, жившего предположительно в IX веке. Эта поэма замечательна особой утонченностью и многоосмысленностью христианской символики: так, например, Крест в поэме выступает «и как символ торжества Бога, и как орудие истязания, как крест поруганный и почитаемый, “дерево”, соединяющее землю с небесами» [2, с. 288]. Однако, несмотря на ярко выраженный христианский характер поэмы, в ней используются традиционные образы германской поэзии (например, Христос изображается как «герой нестрашимый», небесное царство уподобляется пиршественным палатам вождя) [2, с. 289—291].

Пространство в поэме предстает как оппозиция земли и неба: это объясняется тем, что «Видение Креста» написано в русле христианской традиции, для которой указанное противопоставление является ключевым. Христианское влияние ощутимо как в выборе лексики, так и в ее трактовке. Отметим хотя бы то, что в поэме присутствуют только наименования земли и неба и отсутствуют наименования других частей мира (моря, подземного мира, стран света).

Земля и небо связаны образом Креста, который предстает «центральным космическим символом, соединяющим “средний мир” с небесами и определяющим координаты пространства» [1, с. 17]. Образ Креста перекликается с образом мирового дерева в древнегерманской (и шире — мировой) мифологии (этот образ связывали с образом Иггдрасиля, мирового дерева скандинавской мифологии) [2, с. 289]. Крест простирает ветви *æt foldan scēatum*

(8)* — «до концов (краев) земли». Выражения со словом *scēat* («четверть, угол») употребляются на протяжении поэмы несколько раз: 1) Крест украшен драгоценными камнями, которые сияют *fægere æt foldan scēatum* (8) — «прекрасные в земли пределах»; 2) когда Христос восходит на Крест, земли вокруг содрогаются — *þā ic bifian geseah // eorðan scēatas* (36—37), но Крест стоит недвижно, не склоняется к земле (*tō eorðan*), не падает — *tō foldan scēatum* (42—43). Так постепенно вырисовывается образ «пределов земли», земли людей — *men ofer moldan* (12, 82), над которой возвышается Крест, высокий «под небесами» — *under heofenum* (85).

Наименования неба также часто встречаются в поэме как отдельные лексемы, так и в составе перифрастических имен Бога: *heofona hlāford* (45), *heofenes Dryhten* (64), *heofonrīces Weard* (91) — «небес/неба/небесного царства Господин». Интересно, что в «Видении Креста» только лексема *heofon* используется для обозначения небес, небесного царства — христианского концепта. Это доказывает то, что именно данное древнеанглийское наименование неба становится основным средством номинации небесного царства в христианских памятниках. Еще одно наименование неба, встречающееся в «Видении Креста», — *wolcen*. Эта лексема используется в своем этимологическом значении — «облако, туча; темное небо» — и обладает мрачной, тревожной семантикой: она употребляется в контексте, повествующем о мучениях Христа.

Своего апогея противопоставление земли и неба достигает во второй части поэмы — проповеди, в которой поэт размышляет о явившемся ему видении. Если в начале поэмы земля не получает ярко выраженной негативной окраски и ее наименования используются скорее для указания места событий, то есть выполняют локативную функцию (*æt foldan scēatas* (8), *ofer moldan* (12) — «в земли пределах», «на земле»), то к концу поэмы наименования земли приобретают отрицательные коннотации: жизнь на земле — *on foldan* (132), *on eorðe* (137) — это быстротечная жизнь в бренном мире — *læne līf* (138), которая противопоставляется вечной блаженной жизни на небесах — *on heofenum* (134); радости земной жизни — *worulde drēamum* (133), от которых человек рано или поздно отходит — *gewiton* (133), сменяются блаженством и радостью на небесах — *blis micel, // drēam on heofonum* (139—140).

Библиографический список

1. Прокурин С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1990. 24 с.
2. Смирницкая О. А. Примечания // Древнеанглийская поэзия / подгот. О. А. Смирницкой, В. Г. Тихомировым. М. : Наука, 1982. 320 с.
3. Anglo-Saxon Reader / ed. with notes and glossary by A. J. Wyatt. Cambridge : Cambridge University Press, 1922. 360 p.

* Здесь и далее текст цитируется по [3] с указанием номера строки в круглых скобках.

ГОД ИСТОРИИ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ИВГУ

Рассматривается деятельность исторического факультета ИвГУ в 2012 г., объявленном в России годом истории. Анализируется научная, педагогическая деятельность преподавателей, аспирантов и студентов истфака. Большое внимание уделяется работе факультета по популяризации исторических знаний среди различных слоев населения.

Ключевые слова: год истории, исторический факультет ИвГУ, историческая наука, преподавание истории, популяризация исторических знаний.

The various activities conducted by the ISU History Faculty members during 2012, officially declared «The Year of History» in Russia are discussed. Both research and educational efforts by faculty professors, postgraduates and students are analysed. Special attention is given to the faculty staff participation in programmes aimed at popularising the knowledge of history among local community.

Key words: year of history, History Faculty of ISU, historic science, teaching history, popularising the knowledge of history.

В соответствии с Указом Президента от 9 января 2012 г. прошедший год был объявлен годом истории. Подобное мероприятие проводилось в нашей стране впервые за ее многовековую историю. Как было сказано в данном указе, это сделано с целью «привлечения внимания общества к российской истории и роли России в мировом историческом процессе». Выбор 2012 г. в качестве года истории не был случаен, т. к. именно в 2012 г. отмечалось 1150-летие зарождения российской государственности. Этот отсчет ведется от даты летописного призвания князя Рюрика с его дружиной на княжение в Новгород в 862 г. Дата, конечно, в известной мере условна, как и многие другие полуполюгендарные известия о создании других государств и восшествия на престол тех или иных династий.

В 2012 г. мы отмечали целый ряд юбилейных дат: 400-летие восстановления государственности после Смутного времени, 200-летие Отечественной войны 1812 г., 150-летие со дня рождения известного реформатора П. А. Столыпина, 70-летие Сталинградской битвы, 55-летие запуска первого искусственного спутника Земли.

Решение отметить год истории, как нам представляется, было также принято в связи со многими проблемами общественного развития нашей страны. Это в первую очередь связано с возросшим интересом к истории не только в нашей стране, но и во всем мире. Своеобразный «исторический бум» прослеживается на полках книжных магазинов, заваленных книгами (и что самое главное покупаемыми) о различных исторических эпохах, от происхождения человека до современности. Историческая тематика присутствует на

экранах телевизоров, сайтах Интернета. Историческая проблематика постоянно поднимается в частных беседах людей, далеких от исторической науки: было ли на Руси монгольское иго? какую роль сыграли в истории государства Иван Грозный, Пётр I, Николай II, И. Сталин? почему произошла революция 1917 г.? почему распался Советский Союз? Эти и многие другие проблемы постоянно обсуждают рядовые граждане в обеденные перерывы на работе, на отдыхе и за праздничным столом.

Чем вызван такой интерес к историческому прошлому в нашем обществе? Конечно, это обусловлено целым рядом причин. Но я не ошибусь, сказав, что это в первую очередь связано с вопросом самоидентификации граждан нашей страны, поиском ответов на многие проблемы современности, а также путей и методов модернизации общества, совершенствования государственного аппарата, борьбы с коррупцией и т. д.

Вместе с тем большая востребованность со стороны общества исторических знаний показывает и низкий уровень этих знаний у многих граждан нашей страны. Ярким примером этого послужили факты, приводившиеся директором Института российской истории Ю. Петровым на заседании Совета по межнациональным отношениям 19 февраля 2013 г., где наряду с другими вопросами обсуждалась проблема создания учебника по истории России. В частности, Ю. Петров привел один пример из ответов школьников на экзаменах по истории в форме ЕГЭ: «Большой след оставил Александр Суворов в руководстве красноармейскими частями в войне с французами под Бородино» [4].

Низкий уровень знаний истории, показываемый нашими школьниками на итоговых экзаменах в школе, — это только верхушка айсберга искаженного восприятия прошлого в нашем обществе. Активную роль в деле исторической дезинформации играют произведения разного рода авторов, занимающихся спекуляциями на историческую тематику. Это произведения всем известных М. Агджи, А. Т. Фоменко, Г. В. Носовского, В. Суворова (Резуна) и целого ряда других. Данное направление в популярной исторической литературе получило даже специальный термин — «фолькхистори» (см. об этом: [1, с. 6]).

Свою лепту в данном направлении вносит телевидение, показывающее фильмы, подобные «Штрафбату» (режиссер Н. Досталь, 2004 г.), «Сволочам» (режиссер А. Атанесян, 2007 г.) и целому ряду других. В Интернете мы постоянно сталкиваемся с информационными ресурсами, создаваемыми дилетантами, людьми, поверхностно знающими историю, но стремящимися за сенсациями и вниманием средств массовой информации.

Серьезные проблемы имеются и в развитии исторического образования. Идет постоянное сокращение количества бюджетных мест, выделяемых государством для подготовки специалистов-историков, следовательно, сокращение штатного расписания кафедр исторических факультетов, а также средств, выделяемых для исторических факультетов. Еще одна проблема — падение в условиях рыночного общества престижности гуманитарного образования, а вместе с этим и отток молодых перспективных кадров в другие отрасли народного хозяйства — бизнес, систему государственного управления. И как результат этого старение кадров исторических кафедр, повышение среднего возраста наших доцентов и профессоров.

Ситуация, складывающаяся в обществе в связи с подготовкой исторических кадров, распространением исторических знаний, формированием исторического сознания, особенно у молодежи, накладывает на нас, профессиональных историков, большую ответственность. Мы должны пользоваться любой возможностью распространения достоверных исторических знаний, включая разоблачение различных форм их искажения и фальсификации. Вместе с тем наш долг историков требует от нас донести до общества мысль о необходимости и важности развития исторической науки, университетских структур, готовящих исторические кадры.

Празднование года истории дало определенный толчок к усилению деятельности ученых исторического факультета ИвГУ в данном направлении. Но прежде чем приступить к рассказу о работе факультета в год истории, хотелось бы несколько слов сказать о том, каким научным и педагогическим потенциалом обладает истфак ИвГУ.

Исторический факультет — один из старейших в ИвГУ. Свою родословную он ведет от социально-исторического факультета Иваново-Вознесенского педагогического института, созданного в 1918 г. В 1920—1930-х гг. на факультете работали такие выдающиеся историки, как А. А. Кизиветтер, А. З. Манфред, Д. М. Петрушевский, В. М. Хвостов. В 1950—1960-х гг. на факультете трудились известные ученые и педагоги М. М. Бизяева, А. В. Гуськов, Г. И. Иванов, А. В. Конокотин, А. В. Смирнов, А. В. Шипулина, Ю. А. Якобсон. В 1974 г. Ивановский педагогический институт был преобразован в университет и истфак перешел на новые учебные планы и получил современную структуру. В 1980—2000-х гг. на факультете работали такие видные ученые, как И. Я. Биск, Л. Е. Файн, Н. Р. Коровин, Н. С. Талашова.

В настоящее время факультет является структурным подразделением Ивановского классического университета. На 3 кафедрах истфака (новейшей отечественной истории, истории России, всеобщей истории и международных отношений) работают 24 преподавателя и обучается более 300 студентов (бюджетной и коммерческой форм обучения). Помимо традиционной специальности историка на факультете с 2002 г. готовят специалистов по международным отношениям. С 2006 г. факультет перешел на двухуровневую систему подготовки кадров. В 2010 г. был сделан первый выпуск бакалавров-историков. В 2011 г. состоялся первый набор в магистратуру по направлению «История» и в этом году будет сделан первый выпуск историков-магистров. На факультете активно работает аспирантура по специальности 07.00.02 — Отечественная история и 07.00.03 — Всеобщая история. В ИвГУ действует специализированный диссертационный совет по истории, костяк которого составляют преподаватели истфака. За последние 5 лет (2008—2012 гг.) на факультете защитилось 18 человек аспирантов.

На кафедрах факультета ведется активная работа по следующим научным направлениям.

Кафедра всеобщей истории и международных отношений:

- культура европейского Возрождения;
- социальная мысль поздней Античности и Средневековья;
- история и культура раннесредневековой Англии и Скандинавии;
- социально-экономическая и политическая история стран Западной Европы в позднее Средневековье и раннее Новое время;
- история и культура стран Европы в Новое и Новейшее время;
- вопросы гендерных исследований;

— история германо-российских отношений и внешней политики Германии;

— исследование цивилизационных традиций евразийского пространства и политики новых независимых государств;

— изучение процесса европейской интеграции.

Кафедра истории России:

— история общественного движения в России в XIX — начале XX в.;

— история ивановского края в дореволюционный период;

— генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции;

— мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья.

Кафедра новейшей отечественной истории:

— источниковедение и конкретно-исторические проблемы социальной и политической истории новейшего времени России;

— история государственно-церковных отношений в России XX в.;

— история промышленности и рабочего класса СССР в 1930-е гг.;

— история кооперации и российского крестьянства в первой трети XX в.

На истфаке сформировались и работают следующие научные школы: «Человек в истории: проблемы теории, методологии исследования отечественной и зарубежной интеллигенции» (руководитель — доктор исторических наук, профессор В. С. Меметов, члены — доктора исторических наук, профессора С. М. Усманов, В. М. Тюленев); «Проблемы археологии, истории и культуры Ивановского края» (руководитель — доктор исторических наук К. Е. Балдин, члены — доктор исторических наук, профессор Ю. А. Ильин, кандидат исторических наук, доцент Е. Л. Костылева).

В течение длительного времени на истфаке функционируют следующие научные центры: Центр гендерных исследований (руководитель — кандидат исторических наук, доцент О. М. Шнырова), Археологический центр (руководитель — Е. Л. Костылева), Центр постсоветских исследований (руководитель — С. М. Усманов), Научно-исследовательский институт интеллигентоведения (руководитель — В. С. Меметов).

Преподаватели и аспиранты истфака ведут активную научную работу. Они принимают участие в региональных, всероссийских и международных конференциях. На самом факультете ежегодно проводятся: конференция по проблематике «Государство, общество и церковь в истории России XX века», областная краеведческая конференция, конференция по истории интеллигенции. Результаты научных исследований находят отражение на страницах таких изданий, выходящих в ИвГУ, как Краеведческие записки (ответственный редактор — доктор исторических наук, профессор К. Е. Балдин), в ежеквартальном журнале «Интеллигенция и мир» (главный редактор — доктор исторических наук, профессор В. С. Меметов). В последние годы ежегодно издается журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия «История»».

О научной продуктивности преподавателей факультета говорят следующие цифры. За период с 2008 по 2012 г. преподавателями истфака было опубликовано более 600 статей, сообщений, тезисов и 14 монографий. Среди них можно отметить работу А. А. Данилова «Интеллигенция российской

провинции. Историографический аспект» (Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. 11 печ. л.), В. М. Тюленева «Орозий Павел. История против язычников» (3-е изд., доп. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2000. 34 печ. л.), Д. А. Смирнова «Критика как метод жить и думать: Вальтер Беньямин в европейском интеллектуальном пространстве 1930—1930-е гг.» (Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. 8 печ. л.), Е. Л. Костылевой «Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры» (М. : ТАУС, 2010. 37 печ. л.).

Празднование года истории явилось для преподавателей и сотрудников истфака своеобразным толчком для усиления научной и просветительской деятельности в области исторических знаний. Уже в январе 2012 г. на заседании ученого совета факультета была обсуждена программа кафедр и научных объединений в данном направлении. По истечении 2012 г. уже можно подвести определенные итоги этой работы.

Во-первых, году истории был посвящен цикл научных конференций, традиционно проводившихся на факультете. 15—16 февраля 2012 г. была проведена Международная конференция «Государство, общество и церковь в истории России XX века», организованная кафедрой новейшей отечественной истории (председатель оргкомитета — доктор исторических наук, профессор А. А. Корников, ответственный секретарь — кандидат исторических наук, доцент И. А. Комиссарова). Участниками конференции стали 190 человек; среди них были профессора, доценты вузов, учителя школ, аспиранты, соискатели, магистранты. Представители более чем 60 регионов России — Адыгеи, Карелии, Ставропольского и Краснодарского краев, Владимирской, Кемеровской и многих других областей и городов участвовали в конференции. Среди приехавших были и ученые из ближнего и дальнего зарубежья — Беларуси, Украины, Азербайджана, Кыргызстана, Казахстана, США и Италии.

Традиционно конференция работала по четырем секциям: «Русская православная церковь в XX веке», «Философское осмысление истории России XX века», «Духовное развитие России в XX веке», «Российское государство и общество в XX веке». На пленарном заседании и секциях поднимались очень важные и актуальные проблемы истории Русской православной церкви в контексте истории российского государства и общества XX в., исследовались малоизученные аспекты этого сложнейшего периода в истории нашей страны, вводились в оборот неизвестные источники. В выступлениях участников звучали новые подходы в изучении новейшей отечественной истории. По итогам конференции был подготовлен двухтомник материалов выступлений объемом 75 печатных листов [2].

Году истории была посвящена и очередная областная краеведческая конференция, проходившая 31 марта 2012 г. Данная конференция была, как обычно организована областным краеведческим обществом (председатель — доктор исторических наук, профессор К. Е. Балдин). Традиционно конференция состояла из пленарного заседания и работы секций — истории, истории культуры, литературного краеведения и природоведения. В работе конференции приняло участие 64 человека. Было много сообщений, посвященных истории ивановского края в период Смутного времени (А. Ю. Кабанов, В. А. Зимин, Ю. В. Козлов, Н. В. Воробьев), войны 1812 г. (А. М. Семененко, Б. А. Волченков, Н. И. Кокурин). По итогам конференции будет опубликован сборник материалов.

Еще одной конференцией, традиционно проходящей на истфаке была очередная конференция по истории интеллигенции, организованная Научно-исследовательским институтом интеллигентоведения, руководимым заслуженным деятелем науки России доктором исторических наук, профессором В. С. Меметовым. Это была XXIII Международная научно-теоретическая конференция. Она проходила 27—29 сентября 2012 г. Тема данной конференции — «Ответственность интеллигенции в контексте времени». В конференции приняло участие 107 специалистов, представлявших различные отрасли знания: историю, философию, культурологию, политологию. Среди участников конференции 14 представляли общеобразовательные учреждения и научные организации Иванова, 78 приехали из 22 городов России, включая Абакан, Москву, Санкт-Петербург, Кострому, Ярославль, Екатеринбург, 15 — из городов ближнего зарубежья (Брест, Минск, Днепр-петровск, Одесса).

О проблемах, обсуждавшихся на конференции, говорят названия секций: «Интеллигенты и интеллектуалы: особенности самосознания, нравственного выбора и поведения», «Интеллигенция — субъект и объект политических процессов?», «Ведущая роль интеллигенции в науке, культуре, воспитании и образовании», «Интеллигентоведение в личностном измерении», «Общие проблемы интеллигентоведения». По итогам конференции подготовлен сборник материалов.

Интересным научным мероприятием была II Всероссийская конференция «Смутное время: итоги и уроки», состоявшаяся 20 апреля 2012 г. Она была организована правительством Ивановской области, Ивановским областным краеведческим обществом и проходила на базе Ивановского государственного университета. Кроме преподавателей истфака в ней приняли участие ведущие ученые России, занимающиеся данной проблематикой из Института российской истории РАН, МГУ, РГГУ и ряда других научных центров. В частности, большой интерес вызвали сообщения В. Н. Козлякова «Смута и модернизация России» (Рязанский государственный университет), И. О. Тюменцева «Русский архив Я. Сапеги: опыт реконструкции и последующие находки» (Волгоградский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ).

Работа этой конференции стала своеобразным мастер-классом для наших студентов и аспирантов, которые были приглашены на пленарное и секционные заседания конференции.

Важным компонентом в процессе подготовки историков являются ежегодные конференции «Молодая наука в классическом университете», в которых принимают участие студенты и аспиранты факультета. Не стал исключением и 2012 г. В данной конференции, проходившей 23—25 апреля 2012 г., приняло участие 103 человека из числа студентов (бакалавров и магистров). Работа конференции проходила по 9 секциям: «Археология», «Дореволюционная отечественная история», «История и культура России», «Интеллигентоведение», «Новейшая отечественная история», «Проблемы истории Древнего мира, Средних веков и раннего Нового времени», «Мягкие и жесткие аспекты безопасности в современном мире», «Мировая политика: факторы, тенденции, проблемы», «Проблемы истории и международных отношений», «Постсоветские исследования: направления и тенденции развития». Материалы докладов были опубликованы в сборнике тезисов [3].

Помимо конференций, проводившихся в стенах ИвГУ, преподаватели факультета организовали ряд научных мероприятий в районах области. Так, в ноябре 2012 г. под руководством профессора К. Е. Балдина, являющегося председателем областного краеведческого общества, были организованы очередные Пожарские чтения в г. Южа Ивановской области. Эти чтения названы в честь князя Д. М. Пожарского, руководителя Второго народного ополчения. Проведение этих чтений в Юже связано с тем, что в 17 км от этого города находилась вотчина героя Смутного времени — село Мугреево-Никольское. С 2005 г. в Юже ежегодно проводятся Пожарские краеведческие чтения.

Во-вторых, 2012 г. был очень плодотворным для истфака с точки зрения научных публикаций. Всего в 2012 г. преподавателями кафедр было опубликовано 95 работ (статей, тезисов, сообщений), из них 36 в журналах, включенных в научный индекс цитирования (РИНЦ). В 2012 г. вышло две монографии преподавателей истфака: А. В. Степанова «Россия вступает в XX век. Взгляд историка через столетие» (Saarbrücken : Lambert Academic Publishers, 2012. 10 печ. л.), Т. В. Чугуновой «Антиковеды России: роль в формировании отечественной интеллигенции второй половины XIX — начала XX в.» (Saarbrücken : Lambert Academic Publishers, 2012. 9,7 печ. л.).

Преподавателями факультета опубликовано 9 статей в зарубежных научных изданиях: профессора Д. И. Польшанного в Болгарии, В. Л. Чернопёрова в Германии и Белоруссии, Н. В. Ревякиной в Италии, доцента Е. Л. Костылевой в Финляндии и Словении.

Преподаватели факультета принимали участие в 59 научных конференциях разного уровня (международных, всероссийских, региональных). Из них 20 конференций международного уровня, в том числе 4 международные конференции, проводившиеся за рубежом.

Традиционно в 2012 г. к научной работе привлекались студенты нашего факультета, поскольку студенческая научная работа — это очень важная часть учебного процесса, формирующая необходимые навыки, умения и компетенции. В 2012 г. студентами истфака различных направлений подготовки сделан 81 доклад и опубликовано 97 студенческих научных работ. Среди студентов, активно занимающихся наукой, можно отметить студента Ю. А. Кабанова (4 курс специальности «Международные отношения», научный руководитель — доцент И. А. Буданова), опубликовавшего в 2012 г. 5 работ; из них тезисы в сборнике материалов фестиваля «Молодая наука в классическом университете» и статьи в «Вестнике молодых ученых ИвГУ» и журнале «Warsaw East European Review» (Польша).

Помимо научной работы преподаватели и студенты факультета в год истории большое внимание уделяли популяризации исторических знаний. С этой целью был проведен целый цикл мероприятий. Среди них можно отметить организацию «Исторического клуба “Радио Иваново”» совместно с Ивановской государственной телерадиокомпанией (ИГТРК). В рамках этого клуба преподавателями факультета профессорами А. А. Корниковым, Ю. А. Ильиным и доцентом А. В. Степановым была проведена серия выступлений, посвященных Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., войне 1812 г., 90-летию создания СССР, 70-летию Сталинградской битвы. Эти передачи вызвали значительное количество откликов со стороны радиослушателей области. В ходе отдельных передач, шедших в прямом эфире, радио-

слушатели задавали вопросы, спорили с участниками передач, благодарили их за интересные выступления.

Совместно с руководством Ивановской областной научной библиотеки был организован цикл открытых лекций, посвященных году истории. В частности, профессором А. А. Корниковым были прочитаны 2 лекции — «Государственная геральдика России: от Рюрика до Путина» и «Современный герб России: история и происхождение». На лекциях присутствовало, как правило, 50—60 школьников, учащихся колледжей, представителей различных общественных организаций.

Очень интересной формой популяризации исторических знаний являлся кинолекторий «На экране история», организованный истфаком совместно с областным координационно-методическим центром культуры и творчества департамента культуры и культурного наследия при правительстве Ивановской области. Занятия кинолектория проходили один раз в месяц. На них демонстрировались фильмы на историческую тематику: «Царь», «1612», «Бедный, бедный Павел», «Ярослав Мудрый» и ряд других. На занятия кинолектория, который вел доцент факультета А. В. Степанов, приглашались школьники и взрослые микрорайона железнодорожного вокзала г. Иванова.

Интересным мероприятием по популяризации исторических знаний явилась Первая историко-краеведческая викторина среди учащихся 9—11-х классов, посвященная Дню г. Иванова, в рамках года истории проходившая в апреле — мае 2012 г. Данная олимпиада проводилась совместно с Ивановской городской думой, администрацией г. Иванова, Ивановским филиалом РГГУ и при поддержке газеты «Рабочий край». В состав жюри от истфака вошли профессора А. А. Корников и К. Е. Балдин. Викторина проводилась в два тура: первый — заочный, второй — очный. Олимпиада вызвала большой интерес среди школьников, в ней приняло участие более 40 человек. 25 мая 2012 г. в актовом зале здания администрации города состоялся заключительный тур олимпиады, где глава города вручил победителям призы.

Из числа общественных мероприятий, проводившихся в рамках года истории, необходимо также отметить несколько викторин по истории, проводившихся студентами истфака в других вузах города. Студенты истфака Н. Пикин, Ю. Горбунова провели также олимпиады в форме брейн-ринга в Ивановском энергетическом университете и в Ивановской медицинской академии. По отзывам преподавателей, ведущих курс «История России» в этих вузах, данные олимпиады вызвали большой интерес у студенческой аудитории.

Таким образом, подводя итоги работы исторического факультета в год истории, можно отметить, что преподаватели и студенты внесли свою лепту в дело изучения и популяризации исторических знаний, в привлечение внимания со стороны общественности к истории нашей страны. Хотелось бы надеяться, что проведенная работа, с одной стороны, даст определенный импульс для дальнейшего развития научной и педагогической деятельности факультета, а с другой — будет способствовать признанию нашей работы со стороны государственных, политических структур и всего нашего общества.

Библиографический список

1. Володихин Д. М., Елисеева О. И., Олейников Д. А. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М. : Вече, 2005. 320 с.

2. Государство, общество и церковь в истории России XX века : материалы XI Международной конф., Иваново, 15—16 февраля 2012 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. Т. 1. 453 с.; Т. 2. 467 с.
3. Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 23—27 апреля 2012 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. Ч. 4. 112 с.
4. *Смирнов Д.* Путин предложил ввести единый учебник истории России // Комсомольская правда. 2013. 21 февр.

ББК 63.4л612

Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин

НОВЫЕ НАХОДКИ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИЗ СТАРЫХ КОЛЛЕКЦИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИВГУ

Рассматриваются две антропоморфные скульптурки из кости и кремня, обнаруженные в ходе изучения старых коллекций археологического музея ИвГУ. Обе фигурки датируются второй половиной третьего тысячелетия до РХ, относятся к волосовской культуре и отражают культ предков. Фигурка из кости со стоянки Сахтыш II имеет аналогии в культурах позднего неолита Восточной Прибалтики.

Ключевые слова: археологический музей, коллекции, Сахтышский торфяник, поздний неолит, антропоморфные фигурки.

Two anthropomorphic figures made of bone and flint are considered. They were discovered during studying the old collections of the Archaeological Museum of Ivanovo State University. Both figures are dated from the second half of the third millennium BC, belong to the Volosovo culture and reflect the cult of ancestors. Figurine of bone from the site Sahtysh II is similar to the late Neolithic cultures of the eastern Baltic region.

Key words: archaeological museum, collections, Sahtysh peatland, Late Neolithic, anthropomorphic figures.

Фонды археологического музея ИвГУ хранят многочисленные коллекции из раскопок Верхневолжской экспедиции Института археологии РАН в 60—90-е гг. прошлого столетия, проводившихся Д. А. Крайновым, О. С. Гадзяцкой, Е. Н. Ерофеевой, М. Г. Жилиным, Е. Л. Костылёвой и А. В. Уткиным. Прежде всего это материалы стоянок Сахтышского торфяника (Тейковский р-н Ивановской обл.): Сахтыш I, II, IIА, III, VIII, X, а также Ивановского торфяника (Переславский р-н Ярославской обл.): Ивановское III и VII. Помимо нескольких тысяч обломков глиняной посуды, значительного числа орудий и украшений из камня, кости, рога и янтаря в коллекциях имеются произведения древнего искусства, представленные малой скульптурой из глины, кости, рога и дерева, гравированными изображениями на камне и кости, своеобразными орнаментами на керамике. Значительная часть их опубликована, как в

научных статьях и монографиях, так и в специальных каталогах [1—3, 5—13, 17, 23—27, 31, 33—34].

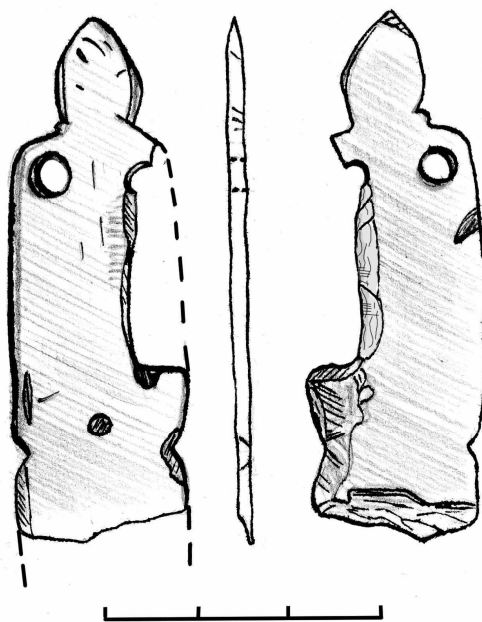
Однако в последнее время при работе со старыми коллекциями сахтышских стоянок нам удалось обнаружить еще несколько предметов, относящихся к категории произведений искусства, которые пока не нашли отражения в публикациях. Они не столь выразительны, как те, которые были введены в научный оборот, представляют в основном заготовки и обломки, но, тем не менее, изучение их имеет большое значение, т. к. они несут в себе известную долю информации о верованиях и культах населения лесной зоны Русской равнины в древности.

Среди вновь выявленных произведений искусства особый интерес представляют две антропоморфные фигурки.

Первая — костяная — из раскопок стоянки Сахтыш II, предпринятых в 1980 г.

Вторая — кремневая — из раскопок стоянки Сахтыш IА, проведенных в 1987 г.¹

*Костяная антропоморфная фигурка (заготовка)
из раскопок стоянки Сахтыш II*

*Рис. 1. Стоянка Сахтыш II (раскопки 1980 г.). Антропоморфная фигурка.
Кость (рис. Е. Л. Костылёвой)*

Фигурка была обнаружена в культурном слое памятника в квадрате 54 на глубине 40—50 см примерно в 6 м к юго-востоку от линии стен волосовских жилищ вне связи с какими-либо культовыми или бытовыми комплексами.

¹ Фигурку из раскопок стоянки Сахтыш IА в 1987 г. лишь один из авторов данной статьи — Е. Л. Костылёва — трактует как антропоморфную. А. В. Уткин придерживается другого мнения, считая ее рабочим инструментом.

ми. Она изготовлена в технике плоской резьбы из тонкой костяной пластинки светло-коричневого цвета и представляет собой сломанную в ходе изготовления заготовку изображения человека. Высота сохранившейся части фигурки 56 мм, ширина в нижней части — 18 мм². На обеих сторонах заготовки хорошо видны в виде тонких параллельных линий, идущих под углом 30 градусов, следы обработки абразивным инструментом.

Мастер сначала вырезал небольшую, пропорциональную туловищу головку, затем тулово, на котором небольшими углублениями с обоих краев разделил область рук и ног, а в области подмышек просверлил два сквозных отверстия для крепления фигурки к одежде; в нижней части живота слегка намеченным сверлением обозначил пупок. Следующая стадия изготовления предполагала «отделение» рук от тулова с помощью узких прорезей. Правая рука была слегка намечена короткой нарезкой в области кисти, прижатой к бедру. В ходе оформления левой руки мастер, видимо, слишком сильно нажал на инструмент, и правый бок фигурки сломался. Край слома фигурки имеет следы подшлифовки тем же абразивным инструментом. Видимо, мастер, несмотря на поломку, предполагал завершить обработку фигурки. Однако, когда в ходе изготовления были сломаны ноги, резчик отказался от своего намерения. Фигурка так и осталась «безликой», в то время как у всех прочих подобных изображений было всегда проработано лицо.

Как бы то ни было, эта фигурка, представляет чрезвычайный интерес.

Дело в том, что в лесной зоне Восточной Европы антропоморфные изображения, выполненные из кости, рога и янтаря, происходят в большинстве своем из раскопок памятников позднего неолита Восточной Прибалтики (Эстония — поселение Тамула, Латвия — поселение Абора I, Калининградская обл. — поселение Шварцорт/Июдкранте). На основной территории Европейской части России найдено лишь два подобных изображения — на Северо-Западе (Псковская обл. — поселение Усвяты IV) и в Центре (Ивановская обл. — поселение Сахтыш II). Изображения всех фигурок неоднократно публиковались [2, 8, 15—18, 21, 22, 28—30, 32]. Обладая яркой индивидуальностью, они вместе с тем имеют определенный канон, связанный с изображением стоящего в полный рост мужчины, руки которого вытянуты вдоль тела и отделены от туловища сквозной прорезью или углубленной линией. Черты лица оформлены обычно в технике углубленной плоскости, глаза иногда дополнительно подчеркнуты округлыми полупросверленными углублениями.

Мы склонны связывать эти фигурки с изображением какого-то культурного героя, скорее всего предка, изображения которого носились в качестве амулетов, подвязанных на ремешке или нашитых на одежду [7, с. 15].

Ближайшая аналогия вновь выявленной фигурке с поселения Сахтыш II происходит из погребения волосовской культуры № 58 могильника Сахтыш ПА, которое может датироваться второй половиной 3 тыс. до н. э. (по традиционной хронологии) (рис. 2) [13]. Расстояние между обеими находками по прямой около 100 м.

Обе сахтышские фигурки отличаются от всех прочих особенностями изображения головы: она небольшая, яйцевидной формы, что, видимо, связано с изображением головного убора типа колпака или капюшона. Обе фигур-

² Первоначальная высота фигурки, если учитывать утраченные в ходе ее изготовления ноги, могла равняться где-то 75 мм.

ки выполнены из очень тонких (в 2 мм) костяных пластинок, что тоже отличает их от более массивных уплощенных и объемных фигурок Восточной Прибалтики и Северо-Запада России. Вместе с тем необходимо отметить, что первая сахтышская фигурка более близка всем прочим фигуркам из кости и рога по оформлению рук: они отделены от тулова сквозными прорезями, как и у таковых с поселений Тамула, Абора I, Усвяты IV. У второй же фигурки имелись просверленные в верхней части рук отверстия для крепления. Этот прием оформления крепления из вышеупомянутых фигурок был характерен только для янтарных поделок с поселения Шварцкорт (Иодокранте). Не исключено, что мастер, так неудачно пытавшийся изготовить вторую сахтышскую фигурку, был знаком с аналогичными янтарными изображениями, а возможно, и работал с ними.

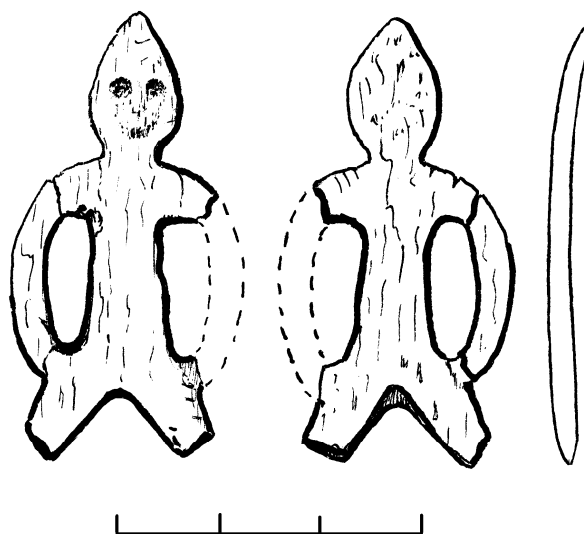

Рис. 2. Стоянка Сахтыш ПА (раскопки 1992 г.). Антропоморфная фигурка. Кость (рис. М. Н. Михайловой)

Значение этой находки определяется тем, что она является еще одним свидетельством тесной связи носителей волосовской культуры, обитавших в центре Русской равнины, с населением Восточной Прибалтики, что уже неоднократно отмечалось в литературе [4, с. 57; 10, с. 108—109; 19; 17, с. 47].

Кремневая антропоморфная фигурка из раскопок стоянки Сахтыш ПА

Фигурка была найдена в первый год раскопок памятника в культурном слое в квадрате 7 на глубине 20—30 см в 2—3 м со стороны ног от полуразрушенных двух первых погребений могильника волосовской культуры, сохранившихся на той же глубине. Несомненна ее связь с волосовской культурой.

Кремневые фигурки, и в частности антропоморфные, имеют достаточно длительную историю изучения. Однако у нас нет нужды останавливаться на этом вопросе. Отошлем читателя к нашей специальной статье, опубликован-

ной в одном из солидных археологических изданий в 1996 г. [25]. Отметим лишь, что антропоморфные фигурки составляют около четверти от всех известных (более 300 экз.) кремнёвых скульптур. Для них также характерен определенный канон изображения: все они (за единичным исключением) представлены *en face*, ноги широко расставлены и оформлены серповидной выемкой. Руки короткие, от плеч разведены в стороны или, что встречается реже, обозначены чуть заметными выступами. Оформление головы отличается большим разнообразием. Многие фигурки достаточно условны и очень неуклюжи, часто напоминают вставшего на задние лапы медведя. Обработка фигурок также различна: преобладают сплошь ретушированные с обеих сторон, много фигурок, оформленных контурной ретушью.

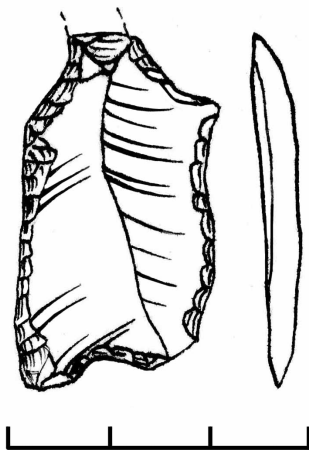

Рис. 3. Стоянка Сахтыш ПА (раскопки 1987 г.). Антропоморфная фигурка. Кремль (рис. Е. Л. Костылёвой)

Широкое распространение подобных изображений на территории обитания представителей волосовской и близкородственных ей культур лесной зоны Восточной Европы обычно связывают с культом предков в целом и тотемическим культом медведя в частности [6, с. 30; 11, с. 101; 12, с. 43].

Вновь выявленная фигурка изготовлена из отщепя темно-желтого цвета с красными прожилками. Высота ее 35 мм, ширина — 18—19 мм. Обработка выполнена мелкой краевой ретушью с дорсальной стороны, ноги оформлены неглубокой серповидной выемкой, небольшая, судя по размерам выступа шеи, голова обломана, правая рука не выделена, левая слегка обозначена небольшим выступом у плеча.

Ближайшая аналогия вновь выявленной фигурке с поселения Сахтыш ПА происходит из раскопок поселения Сахтыш II в 1986 г. (рис. 4) [6, с. 34, рис. 43; 20, с. 89, рис. 117, 2].

Расстояние между находками составляет по прямой около 100 м. Эта скульптурка изготовлена из желтого кремня. Она очень миниатюрна: высота ее всего лишь 17 мм, а ширина 10 мм. Оформлена мелкой контурной ретушью с обеих сторон. Утраченных частей нет. В деталях она представляет собой почти полную копию вновь выявленной фигурки. Отличают ее от последней — наличие головы, более глубокая серповидная выемка, оформляющая ноги, миниатюрность и двусторонняя обработка краевой ретушью.

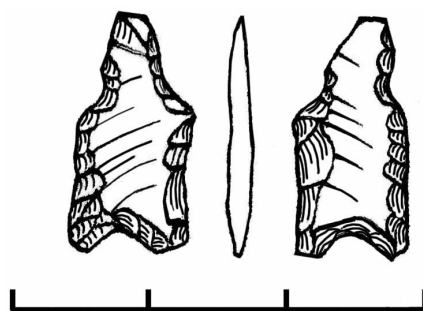

Рис. 4. Стоянка Сахтыш II (раскопки 1986 г.). Антропоморфная фигурка. Кремьень (рис. Е. Л. Костылёвой)

Мы можем предположить, что вновь выявленная фигурка представляет собой недооформленную заготовку, у которой в ходе обработки была сломана голова, в результате чего она оказалась выброшенной. Возможно также, что подобные фигурки с достаточно небрежной обработкой, предназначались для одноразового использования в ходе ритуала, связанного с погребением умершего. Поэтому они, в отличие от тщательно двусторонне обработанных изображений, не имеют залощенностей на поверхностях, свидетельствующих об их длительном использовании и ношении в качестве амулетов. Такие фигурки могли быть также не изображением предка, а его символом, в котором лишь с трудом угадывались антропоморфные черты.

Библиографический список

1. Гадзяцкая О. С. Костяные изделия стоянки Сахтыш II // Краткие сообщения Института археологии. 1966. Вып. 106. С. 16—26.
2. Зверь и человек : древнее изобразительное творчество Евразии : [Каталог выставки в Государственном Эрмитаже]. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. (Тр. Гос. Эрмитажа ; т. 44). 388 с.
3. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Фигурный кремьень со стоянки Сахтыш IIА // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып. 1. С. 50—59.
4. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Керамика восточно-прибалтийского типа на поселении Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998. С. 53—57.
5. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Краткий обзор произведений искусства неолитической эпохи центра Русской равнины // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. Иваново, 2007. Вып. 2. С. 26—33.
6. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Произведения изобразительного искусства VI—III тыс. до н. э. из собрания археологического музея ИВГУ : каталог. Иваново, 2007. 40 с.
7. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Изображения водоплавающих птиц на льяловских сосудах с Сахтышских стоянок // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 435—439.
8. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья : планиграфические и хронологические структуры. М. : ТАУС, 2010. 300 с.
9. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Произведения искусства неолитической эпохи Центра Русской равнины // Зверь и человек : древнее изобразительное творчество Евразии. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 63—69.

10. *Крайнов Д. А.* Кременёвые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М. : Наука, 1978. С. 101—110.
11. *Крайнов Д. А.* О религиозных представлениях населения волосовской культуры // Древности славян и Руси. М. : Наука, 1988. С. 38—45.
12. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш ПА // Российская археология. М., 1994. № 3. С. 103—105.
13. *Крайнов Д. А., Уткин А. В.* Глиняные антропоморфные фигурки центра Русской равнины // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1992. Вып. 7. С. 39—42.
14. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Скульптурное изображение головы лося с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995. Вып. 2. С. 40—48.
15. *Лозе И.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига : Зинатне, 1979. 204 с.
16. *Лозе И.* Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 174—182.
17. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья : по материалам стоянки Ивановское VII / М. Г. Жилин, Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин, А. В. Энговатова. М. : Наука, 2002. 245 с.
18. *Микляев А. М.* Идол из Усвятского торфяника // Советская археология. 1967. № 4. С. 287—306.
19. *Никитин А. Л.* Существовала ли «волосовская культура»? // Советская археология. 1974. № 2. С. 27—34.
20. *Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зимица М. П.* Искусство каменного века : (лесная зона Восточной Европы). М. : Наука, 1992. 136 с.
21. *Студзицкая С. В.* Изображение человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М., 1985. (Тр. Гос. ист. музея ; вып. 60). С. 108—113.
22. *Студзицкая С. В.* Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки. М., 1994. (Тр. Гос. ист. музея ; вып. 85). С. 63.
23. *Уткин А. В.* Гравировка на камне с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып. 1. С. 38—41.
24. *Уткин А. В.* Орнаментированная кирка с Ивановского болота // Археология Севера. Петрозаводск, 1997. Вып. 1. С. 74—78.
25. *Уткин А. В., Костылёва Е. Л.* Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 259—270.
26. *Уткин А. В., Костылёва Е. Л.* Льяловская фигурка птицы из глины с Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998. С. 38—43.
27. *Уткин А. В., Костылёва Е. Л.* Орнаментированные костяные изделия Сахтышских стоянок // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4, т. 1. С. 236—244.
28. *Янитс Л. И.* Новые данные по неолиту Прибалтики // Советская археология. 1954. Т. 19. С. 159—204.
29. *Johanson K. et al.* From the first people to idols and figurinea : Richard Indreko as a scientist // Man, His time, Artefacts and Places : a Collection of Articles Dedicated to Richard Indreko. Tartu, 2013. 128 p.
30. *Klebs R.* Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens // Beiträge zur Naturkunde Preussens. Königsberg, 1882. Bd 5. Tab. 9, 10. P. 1—3.

31. *Kostyleva E., Outkin A., Ramseyer D.* Fiche masque sur bois d'elan // Objets meconnus: Industrie de l'os prehistorique. Paris: Societe Prehistoque Francaise, 2001. Cahier 9. P. 85—89.
32. *Loze I.* Akmens laikmeta māksla Austrumbaltijā. Rīga : Zinātne, 1983. 127 pp.
33. *Utkin A.* Waterfowl representations on ceramics from Sakhtysh I and VIII // Fenno-scandia Archaeologica. Helsinki, 1989. Vol. 6. P. 99—100.
34. *Utkin A. V., Kostyleva E. L.* Neolithic flint anthropomorphic sculpture in the East European forest zone of Russia // European Association of Archaeologists. Second Annual Meeting : abstracts. Riga, 1996. P. 79—80.

ББК 63.3(0)41ю14

В. М. Тюленев

ЭННОДИЙ И ПОМЕРИЙ: К ИСТОРИИ ОДНОГО ПИСЬМА

Анализируется письмо Магна Феликса Эннодия к грамматiku Юлиану Померию. Поднимается вопрос о соотношении классической образованности и церковного служения в эпоху перехода от Античности к Средневековью. Доказывается, что сознательный отказ аристократов, ставших служителями Церкви, от риторики не был последовательным, традиционные ценности, связанные с риторической культурой, продолжали сохранять свою значимость в новых исторических условиях.

Ключевые слова: Эннодий, Померий, эпистолография, риторика, Церковь, Остготская Италия.

The article analyzes the letter of Magnus Felix Ennodius (473/474—521) to grammar Julian Pomerius. The author considers the relationship between classical education and Church service in the transition from Antiquity to the Middle Ages. The author proves that the refusal of the aristocrats, who became the clergy, from the rhetoric has not been a consistent; traditional values, associated with the rhetorical culture, continued to retain their importance in the new historical conditions.

Key words: Ennodius, Pomerius, correspondence, rhetoric, church, Ostrogothic Italy.

Среди многочисленных (297) писем Эннодия, распределенных в свое время Жаком Сирмоном по девяти книгам и адресованных самым разным людям (от родственников до церковных прелатов), особое место занимает небольшое по объему послание Померию [5, S. 37—38, op. 39]. Различные толкования и переводы отдельных фраз из этого письма, полного намеков, недосказанности и просто сложных для понимания мест, породили своеобразную научную дискуссию, которая носит не только источниковедческий характер, но и ставит вопросы о характере отношений в кругу образованных людей Северной Италии и Южной Галлии начала VI в., об отношении Эннодия к риторике и о понимании им церковного служения в связи с традициями

© Тюленев В. М., 2013

риторической культуры. В своей статье мы попытаемся остановиться на наиболее важных вопросах, возникающих при чтении этого письма.

Однако прежде чем углубляться в суть возникшей по поводу этого послания дискуссии и в обозначенные выше вопросы, несколько слов необходимо сказать об участниках той переписки, от которой в нашем распоряжении сохранилось единственное письмо.

Магн Феликс Эннодий, родившийся в 473 или 474 г. в аристократической галло-римской семье, прошел путь от оратора и поэта до епископа Тицина, заняв место духовного пастыря этого города в 514 г. [9, S. 244; 13, S. II] Судя по его автобиографическому сочинению, названному Ж. Сирмоном *Eucharisticum de vita sua* («Благодарение за свою жизнь»), свое вступление в клир и особенно обретение диаконского чина Эннодий воспринял как подлинный переворот, увязав свое церковное служение с отказом от занятий свободными искусствами [11, S. 11—19]. Биографы Эннодия на основе сопоставления различных его сочинений признают, что диаконом медиоланской церкви он стал в 502 г. [7, p. 12]. Письмо, которое мы намерены рассмотреть в настоящей статье, по мнению большинства исследователей, было написано Эннодием весной или летом 503 г., то есть уже в бытность его диаконом [2, p. 220; 7, p. 63]. Хотя произведения Эннодия с трудом поддаются точной датировке, поэтому указанная дата может корректироваться, что делает, например, С. Жиоанни, предположивший, что письмо может быть датировано и временем епископства Эннодия, то есть временем после 512 г. [6, p. 164].

Померий, которому адресовано исследуемое письмо (так и оставшееся, видимо, без ответа), традиционно и, на наш взгляд, вполне справедливо идентифицируется с Юлианом Померием, известным грамматиком конца V — начала VI в. [2, p. 220; 7, p. 63]. Содержание письма явно показывает, что оно направлено в Южную Галлию и, скорее всего, в Арелат. Эннодий называет таланты Померия «богатствами Галлий» (*Galliarum bona*), а самого его — «питомцем Родана» (*alumnus Rhodani*) [5, S. 37—38, op. 39, § 1, 3], то есть реки, на которой стоял Арелат. При этом известно, что именно в Арелате Юлиан Померий наставлял в грамматике юного монаха Цезария, когда будущий арелатский епископ, вынужденный из-за болезни покинуть Леринскую обитель, поселился в этом городе в доме Фирмина и Григории, чьим другом и гостем был в то время Померий [12, S. 460, I.9]. Юлиан Померий вошел в историю не только в качестве учителя грамматики, но и как церковный писатель. Наиболее известным его произведением является сочинение «О созерцательной жизни» (*De vita contemplativa*), время написания которого установить точно не удастся, но оно ограничивается концом V — самым началом VI в. [3, p. 8; 8, p. 73]. О Померии известно, что он происходил из Северной Африки и переселился в Южную Галлию, по-видимому, из-за сложной для православных христиан ситуации, сложившейся в арианском королевстве вандалов [8, p. 73]. Померия и Эннодия многое объединяет: оба являлись образованными в традициях античной школы людьми, оба стали служителями Церкви (Эннодий прямо пишет о принадлежности своего адресата к числу клириков). Тем интереснее рассмотреть письмо Эннодия, в котором затрагиваются общие для двух интеллектуалов вопросы.

Как показывает письмо Эннодия к Померию, арелатский грамматик был знаком с Эннодием лишь заочно. Как можно понять из слов самого Эннодия, Померий читал его письма, адресованные третьим лицам, что, в прин-

ципе, было в порядке вещей, и в определенном смысле — элементом эпистолярной культуры Античности и не могло вызвать недоумения ни у одной из сторон. Из письма становится ясным, что Эннодий узнал от Феликса — человека, доставляющего письма, — что Померий довольно критично отнесся к тому, каким языком эти послания Эннодием написаны [5, S. 38, op. 39, § 3]. Эта критика явно обидела Эннодия, который в ответ обвинил арелатского грамматика в том, что тот читал его письма с явным намерением определить, насколько совершенен стиль Эннодия: «Как сообщил мне святой Феликс, письмоносец, ты, питомец Родана, искал (*requirebas*) в письмах моих, продиктованных без заботы, римскую соразмерность и плавное течение латинской речи» [5, S. 38, op. 39, § 3].

Однако важна не столько эмоциональная реакция Эннодия на критику, не его обида, сколько высказанная им позиция относительно роли риторики в его собственной жизни и вообще в жизни служителя Церкви. Реагируя на критику Померия, Эннодий вовсе не собирается доказывать свою состоятельность ратора, признавая, в принципе, несовершенство своих посланий, которые он диктовал в спешке, не заботясь об их риторическом совершенстве: «Я убежден, — пишет он, — что внимательный и усердный изыскатель найдет, пробираясь через неотточенные слова, что может отшлифовать тщательная отделка» [5, S. 38, op. 39, § 3]. Эннодий даже отшучивается цитатой из Клавдиана, обращая внимание критика на то, что даже Гомер был объектом нападок критиков [5, S. 38, op. 39, § 4].

Эннодий, отвечая Померию, не только оправдывает свои риторические несовершенства, но стремится показать, что риторика для него — это то прошлое, которое завершилось с началом его церковного служения. Даже в относительно позднем сочинении «Благодарение за свою жизнь» (511 г.) он четко противопоставлял годы своей юности, время поэтических успехов и риторских состязаний, и свое настоящее, время диаконского служения [1, с. 156]. Обращаясь к Померию, Эннодий прямо говорит: «...стремление к простому учению достаточно для моего призвания» (*...professionem meam simplici sufficiat studere doctrinae*) [5, S. 38, op. 39, § 5]. И тут же он показывает, какие ценности остались для него в прошлом, а какие определяют его нынешнее состояние: он пишет, что если бы его тогда, когда он «еще радовался новизне свободных искусств, кто-нибудь задел такой издевкой», он бы ответил достойно на критику, но теперь не будет этого делать [5, S. 38, op. 39, § 5]. Вряд ли в этих фразах можно видеть лишь нарочитую скромность Эннодия, признававшего безусловное превосходство своего собеседника, как то полагает Джонатан Арнольд [2, p. 221]. Фраза Эннодия довольно эмоциональна, но еще более резкий ответ на ту же тему он дал своему родственнику Флориану. Объясняя ему свое нежелание поддерживать переписку, Эннодий поясняет: «...давно уже случилось так, что любовь к молитве отдалила меня от фигур речи и я не могу быть в плену цветущих слов, поскольку голос (букв. крик) служения зовет меня к стонам и мольбам» [5, S. 24, op. 21, § 4].

Итак, очевидно, что безмолвие, или молчание (*silentium*), в смысле отказа от риторических занятий является для Эннодия важной составляющей его смирения (*humilitas*). Но само это противопоставление риторики с ее правилами нормам языка и поведения служителя Церкви Эннодий стремится сделать не только личной проблемой, но и требует этого разграничения от других, и в первую очередь от самого Померия. В конце письма медиоланский диакон призывает своего адресата выступить в ответном послании не

наставником в грамматике, а духовным учителем, теологом. Он просит Померия разъяснить некоторые вопросы, связанные с толкованием Ветхого Завета: о родителях Мельхиседека, о символическом значении ковчега и обрезания, о тайнах пророков [5, S. 38, op. 39, § 6].

Выпад в адрес Померия совершенно не случаен. Этот выпад — не просто напоминание о долге священнослужителя. Это напоминание Померию о его же собственных словах. Действительно, Эннодия могло уязвить в критике Померия то, что сам арелатский грамматик в своем произведении «О созерцательной жизни», которое медиоланский диакон мог читать, предостерегал служителя Церкви от увлечений красноречием. Вот несколько выдержек из сочинения Юлиана Померия: «...речь понтифика должна быть настолько простой и открытой (пусть и не особенно латинской, но все же оточенной и убедительной), чтобы ни для кого, даже для невежественных, не оставалась непонятной» (...tam simplex et apertus, etiamsi minus Latinus, disciplinatus tamen et gravis sermo debet esse pontificis, ut ab intelligentia sui nullos, quamvis imperitos, excludat) [10, col. 439A, I.23]; «...учитель Церкви не должен похваляться оточенной речью, чтобы не казалось, будто он хочет не Церковь Божию созидать, а скорее демонстрировать, насколько он образован» (...non se debeat Ecclesiae doctor de accurati sermonis ostentatione iactare, nec videatur Ecclesiam Dei non velle eadificare, sed magis se quantae sit eruditionis ostendere) [10, col. 439B, I.24].

Итак, мы имеем высказанную Померием позицию относительно языка «учителя Церкви», призыв к простоте речи и одновременно его реакцию на «несовершенный» язык Эннодия. В то же время мы имеем заявление диакона Эннодия о его личном стремлении к «простому учению», с одной стороны, а с другой — тот факт, что критика со стороны Померия его все-таки задела. При этом Эннодий, напоминая, что и Гомер, отец поэтов, не раз оказывался под ударами критики, невольно идентифицирует себя прежде всего со служителями муз, а не Христа. Понять эту кажущуюся непоследовательность можно, если учесть, что каждый из этих авторов осознавал, что их язык должен соответствовать конкретным задачам и конкретному «месту»: проповедь должна быть проповедью — понятной, доступной и потому бесхитростной, и требования, предъявляемые к ней, не должны переноситься в эпистолярный жанр, тем более что Померий наверняка читал письма Эннодия не как письма диакона и не как творения «учителя Церкви», а как послания образованного человека, в которых метафоричность языка и игра слов совершенно вытеснили «простоту речи». Однако остается очевидным, что и для Померия, и для Эннодия, после того как они стали служителями Церкви, чей идеал они сами связывали с простотой речи и смирением, собственная репутация риториков не превратилась для них в пустой звук, и сколько бы Эннодий не говорил, что риторические изыски его больше не интересуют, его эмоциональная реакция свидетельствует об обратном.

Следуя сформированным в античной культуре негласным законам эпистолярного жанра, Эннодий адресует Померию в начале письма несколько лестных фраз, на смысл которых исследователи творчества Эннодия и современной ему культуры, как правило, и обращают основное внимание, анализируя это письмо. Эннодий отважился первым начать переписку: «Я готов прослыть за безрассудного [человека], лишь бы иметь возможность познакомиться с совершенной [личностью]. Я хочу первым послать [вам] письмо, чтобы [затем] богатства Галлий прибывали в Италию без каких-либо потерь

для своей формы» [5, S. 37—38, op. 39, § 1]. Сетуя далее по поводу скудности рассказа письмоносца, Эннодий спешит дополнить услышанную характеристику: «...свет знания открыл [тебя] взору людей, живущих в самых отдаленных местах ... ты — скрепа обеих библиотек — впитал в себя величайшие виды совершенства, происходящего из обеих частей, заботясь, чтобы дарование твое наливалося таким изобилием. Я уж не говорю о том, что ты наделен высшей милостью небес и без человеческой помощи награжден вышними дарами. Ибо истинно, что с небес приходит то, что не имеет образца среди людей» [5, S. 38, op. 39, § 2].

Смысл метафоры, используемой в данном случае Эннодием, казалось бы, настолько очевиден, что долгое время понимание того, что автор письма имеет в виду под «скрепой обеих библиотек» (*utriusque bybliothecae fibula*), не вызывало никаких споров. Было очевидным, что речь идет о прекрасном владении Померием греческой и латинской грамматикой [2, p. 220; 7, p. 63]. И лишь несколько лет назад французский издатель и переводчик эпистолярного наследия Эннодия С. Жиоанни предложил еще одну возможную и довольно оригинальную трактовку слов медиоланского диакона, создав тем самым почву для определенной дискуссии. По его мнению, Эннодий связью классической (языческой) литературы и литературы христианской был озабочен гораздо больше, чем эрудицией того или иного интеллектуала в греческом и римском литературном наследии, поэтому Померия он характеризует, возможно, в качестве связующего начала (скрепы, фибулы) между христианской литературой и классической образованностью [6, p. 161, n. 6].

Однако подобное толкование фразы Эннодия не учитывает, по меньшей мере, одного обстоятельства. Для Эннодия достаточно важным показателем образованности человека являются как раз его успехи в греческой и римской грамматике и риторике. В 511 г., обращаясь с письмом к Боэцию, он подчеркивает, что тот своим риторским талантом не уступает ни римлянину Цицерону, ни греку Демосфену: «Да не смутится пусть никто от разногласия аттического и римского совершенств и пусть не возникнет ни у кого сомнений, что были собраны воедино исключительные дарования [двух] народов. Ты единственный, кто объял и то и другое, и всё, что могло существовать порознь, ты, жадный до великого, заключил воедино» [5, S. 268, op. 370, § 4]. Так что вряд ли билингвизм Померия следует понимать как билингвизм профессиональный.

Если обратиться к похвальной части письма в целом, то необходимо заметить, что взятая вне контекста и в отрыве от общего содержания послания она заставляла исследователей видеть в ней искреннее признание со стороны Эннодия успехов Померия в грамматике и, возможно, в церковном служении. Если же принять во внимание еще и тот факт, что Померий являлся жителем Галлии, куда перебрался из Африки, то в похвале Эннодия можно было обнаружить также свидетельство особого статуса ученой латыни в поздней Античности: владение ею превращало чужеземца в римлянина, а сама латынь служила важным объединяющим началом в мире, который стремительно утрачивал административно-политическое единство [2, p. 221]. В этой связи обращала на себя внимание следующая фраза письма: «...чистая латынь, хотя и поддерживает соотечественников, и тех, кто пребывает среди школ ее наук, всё же она (удивительно сказать) любит чужеземцев» (*etsi indigenas et inter studiorum suorum palestra versatos fulcit latinitas, mirum dictu, quod*

amat extraneos) [2, p. 221; 5, S. 38, op. 39, § 4]. Но именно эта фраза ставит ряд сложных вопросов.

Дело в том, что она включена в ту часть письма, где Эннодий эмоционально реагирует на критику. Перед ней Эннодий говорит о том, что критично настроенный читатель всегда найдет в тексте то, что можно улучшить, а после нее отказывается от риторических состязаний, ссылаясь на свой новый статус (*professio*), призывающий к безмолвию. Появление комплимента в данном случае, по меньшей мере, странно. Чтобы объяснить эту несообразность, Б.-Ж. Шрёдер предлагает свою конъектуру в текст письма: читать *amat* (вооружает) вместо *amat* (любит). В результате, австрийская исследовательница прочитывает фразу следующим образом: «...хотя латынь и поддерживает соотечественников и тех, кто пребывает среди школ ее наук, все же (странно сказать) — вооружает она чужеземцев» [11, S. 193]. Подобное предположение позволяет Б.-Ж. Шрёдер кардинальным образом пересмотреть смысл и начальных строк послания Эннодия. Письмо, действительно, начинается фразой не вполне понятной, что в целом не удивительно для языка Эннодия: *Quousque tantum licebit absentiae?* [5, S. 37, op. 39, § 1]. Традиционно считалось, что Эннодий в данном случае сетует на отсутствие эпистолярного общения. С. Жиоанни, отвергая конъектуру Ф. Фогеля, прочитывает *abstinentia* (воздержание) вместо *absentia* (отсутствие, недостаток), как это слово дошло в Брюссельской рукописи сочинений Эннодия, и переводит эту фразу следующим образом: «Доколе будет длиться <эпистолярное> воздержание (*l'abstinence <épistolaire>*)?» [4, p. 57]. Б.-Ж. Шрёдер же, связывая первую фразу письма с его общим содержанием и тональностью, а также, учитывая, что Эннодий несколько раз обращает внимание на удаленность Померия от Италии, от родных школ латыни и называет его чужаком (*extraneus*), предлагает такое прочтение: «Как долго еще отсутствующему будет позволено столь многое». То есть, по мнению австрийской исследовательницы, Эннодий спрашивает: «Как долго еще живущему в Арелате, воспитаннику Родана, а не Италии, будет позволено столь дурно отзываться о моих письмах» [11, S. 192]. Таким образом, используя игру слов и смыслов, Эннодий, по мнению Б.-Ж. Шрёдер, придает началу письма нейтральное или даже благожелательное звучание, в котором скрыта порожденная обидой издевка [11, S. 192]. Даже если считать выводы Б.-Ж. Шрёдер надуманными, очень многое, как уже говорилось, свидетельствует о том, что Эннодий, как бы он не демонстрировал свою отстраненность от свободных искусств и прежде всего от риторики, продолжал, обретая новую жизнь священнослужителя, придавать важное значение литературным вопросам и трепетно относиться к своей репутации ротора.

Итак, короткое письмо Эннодия к Померию, уместившееся в 29 строк издания Ф. Фогеля, открывает перед исследователем сложную борьбу, происходившую в душах и в сознании образованных людей эпохи христианизации. Искренне стремясь следовать новым ценностям — смирению (*humilitas*) и безмолвию (*silentium*), Эннодий не мог вырвать себя из ментального мира позднеримского аристократа. Его эмоциональные реакции, формы ответа оппонентам обнаруживают в нем человека не только высокообразованного, но и вполне честолюбивого.

В заключение мы предлагаем собственную версию перевода письма Эннодия к Померию. Перевод с латинского языка выполнен по изданию: *Ennodius. Opera omnia* / rec. F. Vogel // MGH AA. Berlin, 1885. Bd. 7. S. 37—38.

1. Доколе же будет дозволено воздерживаться [от переписки]? Доколе [твое] благородное имя должно еще блекнуть, оставленное без обмена письмами. Я готов прослыть за безрассудного [человека], лишь бы иметь возможность познакомиться с совершенной [личностью]. Я хочу первым послать [вам] письмо, чтобы [затем] богатства Галлий прибывали в Италию без каких-либо потерь для своей формы. Или, быть может, ты думаешь, что ты пребываешь где-то в безвестности, ты, кого свет знания открыл взору людей, живущих в самых отдаленных местах? 2. И если бы не ограничивал меня при произнесении похвал тебе рассказ [человека], хотя и знающего [тебя], все же из-за неопытности своей [давшего сведения] скудные, и если бы бедность рассказа не сужала широчайшей славы заслуг твоих, [то я бы сказал]: ты, скрепа обеих библиотек, впитал в себя самые большие части совершенства, происходящего из обеих частей, заботясь, чтобы дарование твое наливалось таким изобилием. Я уж не говорю о том, что ты наделен высшей милостью небес и без человеческой помощи награжден вышними дарами. Ибо истинно, что с небес приходит то, что не имеет образца среди людей. Но я полагаю, что лучше этот [вопрос] оставить для будущих времен, если я буду жив.

3. Я подхожу к тому, на что ты мне, хотя и живешь весьма далеко, указал. Как сообщил святой Феликс, письмоносец, ты, воспитанник Родана, искал в письмах моих, продиктованных без заботы, римскую соразмерность и плавное течение латийской речи. Я убежден, что внимательный и усердный изыскатель найдет, пробираясь через неотточенные слова, что может отшлифовать тщательная отделка. 4. Мы не знаем, с какими мыслями человек прочитал это, чтобы в результате такого размышления высказать такое суждение. Тем более что написано:

Сам пиитов отец, Гомер, Геликона владыка,
Тяжкие дроты знавал строгих суждений не раз.

Claudian. Ad Alethium Quaestorem, 13—14 (пер. Р. Л. Шмакарова)

Стало быть, чистая латынь, хотя и поддерживает своих, и тех, кто пребывает среди школ ее наук, все же она (удивительно сказать) любит чужеземцев. Я не должен и не предполагаю рисковать относительно изысканного красноречия, как тот, кто мог бы на это отважиться, 5. Поскольку стремление к простому учению достаточно для моего призвания. Все же, если бы тогда меня, когда я еще радовался новизне свободных искусств, кто-нибудь задел такой издевкой, я бы написал либо то, что подошло бы для оправдания, либо возражение, за которое не пришлось бы стыдиться. 6. Теперь же, прощай, мой господин, и яви себя по отношению ко мне скорее покровителем церковного учения. Напиши и сообщи мне, кто у Мельхиседека были родителями, как истолковывается ковчег, в чем потаенный смысл обрезания и что заключено в тайнах пророков. Пусть будут отброшены цветастые фразы мирских [писателей], служащие преходящим убеждениями, сходные с тканью Пенелопы.

Библиографический список

1. Тюленев В. М. Риторическое знание в системе взглядов Эннодия // Наука и школа. 2012. № 6. 204 с.
2. Arnold J. J. Theoderic, the Goths, and the Restoration of the Roman Empire. University of Michigan, 2008. 298 p.

3. *Burghardt W. J.* Introduction // Julianus Pomerius. The contemplative life. De vita contemplativa / eds T. C. Lawler, W. J. Burghardt. Hardback : Paulist Press, 1947. 232 p.
4. *Ennodius M. F.* Lettres / ed. by S. Gioanni. Paris : Les Belles Lettres, 2006. T. 1. 282 p.
5. *Ennodius.* Opera omnia / rec. F. Vogel // MGH AA. Berlin : Apvd Weidmannos, 1885. Bd. 7. 420 p.
6. *Gioanni S.* Notes // Ennodius M. F. Lettres / ed. by S. Gioanni. Paris : Les Belles Lettres, 2006. T. 1. 282 p.
7. *Kennell S. A. H.* Magnus Felix Ennodius : an Author and His Works. University of Toronto, 1996. 343 p.
8. *Klingshirn W.* Caesarius of Arles : the Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 323 p.
9. *Köpke J.* Die italischen Bischöfe unter ostgotischer Herrschaft (490—552 n. Chr.). Prosopographische Untersuchungen zur Stellung des italienischen Episkopats zwischen Antike und Mittelalter. Hamburg, 2006. 414 p.
10. *Pomerius J.* De vita contemplativa libri tres // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. by J.-P. Migne. Paris, 1862. Vol. 59. Col. 411—520.
11. *Schröder B.* Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert : Studien zum Mailänder Diakon Magnus Felix Ennodius. Berlin : Walter de Gruyter, 2007. 403 p.
12. Vita sancti Caesarii episcopi / rec. B. Kruch // MGH SS rer. Merov. Hannover : Impensis bibliopolii Hahniani, 1896. Bd. 3. 686 p.
13. *Vogel F.* Introduction // Magni Felicis Ennodii Opera / rec. F. Vogel // MGH AA. Berlin : Apvd Weidmannos, 1885. Bd. 7. 420 p.

ББК 63.3(4Пол)51-72

М. Ю. Степанов

ТЕРМИНЫ «РУСЬ» И «УКРАИНА» В ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII в.

Анализ терминов, употребляемых в православной публицистике Речи Посполитой конца XVI — начала XVII в., свидетельствует об отсутствии в общественной мысли четкого представления о территориальном пространстве народа, который в источниках именуется «русским». В узком понимании этот термин означал население Русского воеводства Короны Польской, в широком понимании продолжал две традиции — польскую (обозначал земли, принадлежавшие Короне) или литовскую (земли, принадлежавшие Великому княжеству). В 1569 г., когда часть литовской Руси была передана в состав Короны, возникла потребность осмысления новых реалий в общественной мысли (это отразилось, в частности, и на терминологии).

Ключевые слова: Русь, русины, Украина, общественная мысль, терминология.

Analysis of the terms used in the orthodox polemics of the Polish-Lithuanian Commonwealth at the end of the 16th — early 17th century, testifies that in the social thought there is no clear idea of the territorial space of the people called «Ruthenians». In a narrow sense the term was used to denote the population of the Ru-

thenian province of Polish Crown, in a broad sense it continued two traditions — the Polish (it designated lands owned by the Crown) and the Lithuanian one (the land that belonged to the Grand Duchy). After 1596 when part of the Lithuanian Rus was included in the Crown, so the demand for understanding new realities in the social thought has increased (it has been particularly reflected in the terminology).

Key words: Rus', Ruthenians, social thought, terminology.

Конец XVI — начало XVII в. стали для восточнославянского населения восточных областей Речи Посполитой периодом осознания самобытности своей Родины, длительности и ценности ее исторической традиции, наличия собственных национальных интересов. Своеобразными политико-конфессиональными стимулами для начала разработки украинско-белорусскими (по терминологии источников, «русскими», или, чаще, «рускими») публицистами проблем национальной идентичности стали два важнейших события: во-первых, подготовка и заключение Брестской церковной унии 1596 г. и, во-вторых, восстановление иерархической структуры православной церкви, не вошедшей в унию, в 1620 г.

Несмотря на то что национальное самосознание православных русинов¹ было тесно связано с конфессиональным фактором, постоянное общение во всех сферах жизни с представителями народов, исповедовавших католицизм, особенно польского, оказали известное влияние на представления о Руси, о ее интересах, о ее месте в истории и на политической карте Европы. Сочетание конфессиональной направленности национального самосознания и осмысления политического положения Руси особым образом отразилось, в частности, на этнополитической терминологии.

Терминология, обозначающая Русь и ее земли, была довольно путаной и сильно зависела от контекста, в котором она употреблялась. Один и тот же термин в разных контекстах мог обозначать разные территории, административные образования, исторические регионы. В особенности это касается самого этнонима «Русь». Существенное влияние на характер употребления тех или иных терминов оказало как различие местных и общепринятых этнонимических традиций в землях польской Короны и Великого княжества Литовского, так и изменения границ после перехода украинских земель под юрисдикцию Короны в 1569 г.

Что касается понятия «Русь», то следует учесть, что подданные Российского государства рассматривались в этот период православными Речи Посполитой как родственный и духовно близкий, но иной народ, и в подавляющем большинстве случаев именовались «московским народом» или «москвой». В отдельных случаях при употреблении термина «Великая Русь» все восточнославянские земли Речи Посполитой именовались Малой Русью.

В узком смысле термины «Русь», «Русская земля» обозначали территорию Русского воеводства Короны с центром во Львове. Так, православный писатель-полемист Христофор Филалет перечисляет в своем «Апокрисисе» земли «единой неделимой Речи Посполитой»: «Великая и Малая Полска, великое княжество Литовское, Киевь, Волынь, Подляше, земля Русская и прочая»². Этому же общепринятому подходу придерживаются, кстати, и католические

¹ Термин «русины» обозначает предков нынешнего украинского и белорусского народов, а «Русь» — территорию их расселения в границах Речи Посполитой.

² *Филалет Христофор*. Апокрисис албо Отповедь на книжки о съборе Берестейском // Русская историческая библиотека. СПб., 1882. Т. 7. Стб. 1076.

авторы. Бенедикт Гербест в «Изложении веры» говорит о «славном и главном в Руси Львове нашем»³ Униат Ипатий Потий пишет православному Клирику Острожскому, что таких учебных заведений, как в Европе, «туть ани в Польще, ани в Литве, поготовью ани на своемъ Волянню, ани в Руси не знайдеш»⁴.

Подобное же понимание «Руси» в узком смысле встречается, например, в Киевской летописи первой четверти XVII в., где читаем: «Рок 1241: татаре Подоле и Русь сплендровавши, ко Сундомиру и Завифвосту пришли и спалили»; «Рок 1591: голод великий был на Подоле и в Руси...» и т. д.⁵ Еврейский хронист XVII в. Натан Ганновер, говоря о бедствиях евреев «в странах Русь, Литва и Польша», имеет в виду Червонную Русь⁶.

Помимо Руси, в источниках фигурируют и другие западнорусские земли: Подолия, Полесье, Подлясье, Волянь, Киев, Литва и др. В дополнение к уже процитированному можно привести записи из Киевской летописи под 1569 г.: «...на короля Августа был такий голод великий, аж люди з голоду мерли, а звлаще в Литве и на Полесю», под 1572 г.: «...по том голоде был мор великий на Воляни и в Подолю, и в Литве, и мало не всюды»⁷. Православный писатель Мелетий Смотрицкий в своем «Антиграфи» цитирует хронику Мацея Стрыйковского: «И так с того времени (то есть от Владимирова крещения) все русские, Белой, Черной, Восточной, Северной и на юге лежащей Руси, народы в вере христианской... находятся»⁸.

Своеобразный географический обзор, отражающий неустойчивость терминологии того времени, содержится в православном полемическом памятнике «Supplicatia», где перечисляются воеводства, в которых «творяются беззакония владыками-отступниками» (униатами): «Вон Вильнюс (Wilno), Минск, Новогрудок (Nowograd), Гродно, Слоним, Брест, Браслав, Кобрин, Каменец и другие в Литве. Вон Бельск, Бранск, Дорогочин (Drobyczyn) и др. на Подлясье. Вон Пинск, Овруч, Мозырь и др. в Полесье. Вон Владимир, Луцк, Кременец и др. на Воляни. Вон Львов, Перемышль (Przemysl), Самбор, Дрогобыч, Санок и др. в воеводстве Русском. Вон Белз, Холм, Красностав, Буск (Buzko), Сокаль и др. в воеводстве Белзском. Вон Кричев, Чечерск, Пропойск, Рогачев, Гомель, Остер, Речица, Любеч и др. на Понизовье. Вон Полоцк, Витебск, Мстиславль, Орша, Могилев, Дисна и др. на Белой Руси...»⁹. Как видно, географическая терминология начала XVII в. далеко не всегда соответствует современной.

³ *Herbest Benedykt*. Wiary kościoła Rzymskiego wywody y Greckiego niewolstwa historia: dla iedności // Там же. Стб. 583.

⁴ *Потий Ипатий*. Отпис на лист някого клирика Острозьского безыменного // Там же. СПб., 1903. Т. 19. Стб. 1071—1073.

⁵ Київський літопис першої чверті XVII ст. / підг. і вст. стаття В. І. Ульяновського, Н. М. Яковенко // Український історичний журнал. 1989. № 5. С. 104.

⁶ *Ганновер Натан*. Пучина бездонная // Еврейские хроники XVII столетия : эпоха «Хмельничины». М. ; Иерусалим, 1997. С. 83, 138.

⁷ Київський літопис першої чверті XVII ст. С. 105.

⁸ [*Смотрицкий Мелетий*]. Odpowiedź na script... «Heresioe, Ignorantiae y Politika porow y mieszczan bractwa Wileńskiego» tak też y na... «Harmonia» // Русская историческая библиотека. Т. 19. Стб. 1177.

⁹ Supplicatia do... senatu w roku... 1623 do Warszawy na seym walny przybyłego // Документы, объясняющие историю западнорусского края и его отношение к России и Польше. СПб., 1865. С. 292.

С точки зрения исторической перспективы для нас особый интерес представляет такой регион Западной Руси, как «Украина». Как отмечает специально изучавший эту проблему П. Толочко, на протяжении XIII—XVII вв. термины «украина», «оукраина», «краина» имели главным образом нарицательное значение, носили «географически-ориентировочный характер». «Ими обозначались окраинные (порубежные) территории, находившиеся под политическим протекторатом (или даже полностью в административно-политическом подчинении) Польши, Литвы, России, Турции. Несмотря на то что в ряде случаев эти слова написаны с большой буквы, они не были собственными географическими названиями. Не случайно они почти всегда находятся в словосочетании, имеют объяснительные слова: «Литовская Украина», «Смоленская Украина», «Малороссийская Украина», «государевы Украинные городы» и т. п.»¹⁰

При этом, продолжает П. Толочко, одна из «украин» постепенно «приобретала конкретное географическое содержание». Автор Густынской летописи называет «Украину» 30—40-х гг. XVII в. в одном ряду с другими «рускими» землями — Волынью и Подолией; в этом же смысле «Украину» понимает Гийом Боплан в «Описании Украины»; так же употребляют этот термин Петр Сагайдачный, автор Львовской летописи, путивльские воеводы начала 1630-х гг., короли Сигизмунд III и Владислав IV, гетманы Яков Острянин и Богдан Хмельницкий, Самоил Величко и Феодосий Сафонович¹¹. П. Толочко делает вывод, что на протяжении XVII — начала XVIII в. термин «Украина» постепенно «приобретал значение конкретного географического понятия, равнозначного названиям Волынь, Подолия, Запорожье, Червоная Русь, Сиверия, Покутье. Приходится, однако, признать, что процесс этот в означенный период не имел завершения, поэтому название “Украина” часто сопровождается уточняющими словами: “Малороссийская”, “Казакоруская”, “Казацкая”»¹².

Уже в первые десятилетия XVII в. идет процесс локализации термина «Украина», который все чаще обозначает среднее Поднепровье. «Украинными» часто именуется граничащие с исламским миром и находящиеся под влиянием казаков Каневское и Черкасское староства. Авторы православного полемического памятника «Протестация» упоминают времена «еще до того, как мы владыками стали и Киев, и Украину посетили». Дальше они пишут: «Воистину сами униаты казаков гневают, когда к нам братию нашу обиженную гонят и Украину ею наполняют»¹³. В летописи Густынского монастыря перечисляются земли, приславшие своих представителей в Киев на собор: «...множество от всехъ краинъ волынскихъ, подолскихъ, подгорскихъ, покутскихъ, подляскихъ князства Литовского, и украинскихъ»¹⁴. В панегирике

¹⁰ Толочко П. Назва "Україна" в південно-руських літописах і актових документах // Київська старовина. 1994. № 3. С. 5—6.

¹¹ Там же. С. 6—7.

¹² Там же. С. 8.

¹³ Протестация Йова Борецького та інших українських єпископів // Пам'ятки братських шкіл на Україні (кінець XVI — початок XVIII ст.) : тексти і дослідження. Київ, 1988. С. 324.

¹⁴ Летопись Густынского Троицкого монастыря // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1848. № 8. Отд. 2. С. 13.

князю Семену Лыко говорится, что он «от Москвы и от татар успокоил Украину», чем сохранил здоровье «людей и мест украинских»¹⁵. Перемышль-ский православный епископ Исаия Копинский в 1622 г. писал Московскому патриарху Филарету о новопоставленных епископах: «Не имамы, где приклони головы своя, все зде на Украине, во пределе Киевском, сотесняемся»¹⁶. Православный церковный деятель Захария Копыстенский пишет в посвящении одной из книг князю Святополк-Четвертенскому, что он есть «першим вструтом татаринowi, сидячи в порти Оукраины...»¹⁷. Кассиан Сакович пишет о войске Запорожском, что «Україна тим войськом вцале зоставает»¹⁸. Во Львовской летописи под 1630 г. записано: «Жолнире до Києва приїхали с тим інтендом, аби впрод козаков, а затим во вшисткой Україні русь вистинати аж до Москви»¹⁹. Мелетий Смотрицкий упоминает в своей «Verificatii» Украинское воеводство (так он вслед за Сигизмундом III называет Киевское воеводство)²⁰, а, говоря о местах, где ведется полемика между униатами и православными, он выделяет «Литву, Русь, Волынь и Украину»²¹. В «Supplicatii» читаем: «...из-за унии люди из своих домов от имущества изгнаны, едва лишь Понизовье и Украина (их) поместить могут»²². Перечисление примеров увязывания термина «Украина» с Приднепровьем можно продолжать и продолжать.

Украинский историк П. М. Сас приводит и примеры довольно раннего употребления термина «Украина» и в более широком смысле — относительно всех восточных территорий Речи Посполитой, примыкающих к Крымскому ханству и Московскому царству. Так, универсал Стефана Батория (1580 г.) адресован «людem на Украйне Руской, Киевской, Волынской, Подляшской, Браславской мешкаючим»²³, то есть речь идет об охвате этим термином практически всех земель будущей Украины, входивших в Речь Посполитую. До 1569 г. и в первые годы после Люблинской унии в православной и в католической литературе употреблялся также термин «русские народы»²⁴, сам

¹⁵ Київський літопис першої чверті XVII ст. С. 113.

¹⁶ *Копинский Исаия*. Письмо перемышльского епископа И. Копинского патриарху Филарету о преследовании православной религии на Украине и о посылке им в Москву монаха Лубенского Мгарского монастыря Гедеона // Воссоединение Украины с Россией. М., 1953. Т. 1. С. 27—28.

¹⁷ *Копыстенский Захария*. Посвящение князю Стефану Яковлевичу Святополк-Четвертинскому, помещенное в некоторые экземпляры книги «Беседы св. Иоанна Златоуста на 14 посланий св. ап. Павла» // Тітов Хв. Матеріяли для історії книжної справи на Вкраїні в XVI—XVIII вв. : всезбірка передмов до українських стародруків. Київ, 1924. С. 72.

¹⁸ *Сакович Касіян*. Вірші на жалосний погреб... гетьмана Петра Конашевича Сагайдачного // Українська література XVII ст. / уряд. В. І. Кречотень. Київ, 1987. С. 221.

¹⁹ Львівський літопис // Між двох вогнів : друга половина XVI — перша половина XVII ст. / упор. І. О. Ворончук. Київ, 1996. С. 358.

²⁰ [*Смотрицкий Мелетий*]. Verificatia niewinności // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1, т. 7. С. 284.

²¹ [*Смотрицкий Мелетий*]. Obrona Verificaciey // Там же. С. 376.

²² Supplicatia do... senatu w roku... 1623 do Warszawy na seym walny przybyłego. С. 304.

²³ *Сас П. М.* Політична культура українського суспільства (кінець XVI — перша половина XVII ст.). Київ, 1998. С. 100—101.

²⁴ *Смотрицкий Герасим*. Ключ Царства Небесного // Українська література XIV—XVI ст. / уряд. В. П. Колосова, В. Д. Литвинов, В. Л. Микитась та ін. Київ,

по себе подразумевавший наличие на Руси многих земель. В другом термине, употреблявшемся после 1569 г., «народ русский и литовский», компонент «русский» означал православное население всей коронной Руси, а не только Русского воеводства, а компонент «литовский» — «русское» население Литовского княжества. Христофор Филалет в «Апокрисисе» пишет, что епископы-униаты «свободамъ свецкихъ людей народу руского и литовского ублизити хотели»; в другом месте он также пишет о «литовского и руского народу» светских людях²⁵. Православный полемист Иван Вишенский обращается к народу «рускому, литовскому и лядскому»²⁶, видимо, имея в виду разделение «русского народа» на «литовский», живущий в Княжестве, и «лядский», живущий в землях Короны. В «Протестации» фигурируют «королевство польское», «Польша», с одной стороны, и «Княжества руские и литовские», «Русь и Литва» — с другой²⁷. В «Supplicatii» перечисляются народы Речи Посполитой: поляки, литовцы и русины²⁸.

В приведенных сведениях можно отметить две тенденции: термин «русский народ» в узком смысле то обозначает коронную Русь, будучи противопоставлен Литовской Руси, то сближается с «литовским народом», соответственно, будучи противопоставлен Польше. Эта двойственность, по всей видимости, объясняется наличием разных традиций понимания «русского» народа в Короне и в Великом княжестве, и перекрывается представлением о единстве двух частей Руси, которое, в свою очередь, выражается в наличии широкого понимания термина «Русь», охватывающего все восточнославянские земли Речи Посполитой. Такое понимание нередко встречается в трудах Ивана Вишенского, Христофора Филалета, Клирика Острожского, Мелетия Смотрицкого и др., вытекает чаще всего из этноконфессионального понимания Руси и отражает единство Киевской митрополии.

Непростое положение с употреблением термина «Русь» еще более усложнилось после инкорпорации в состав Короны Киевского, Волынского и Брацлавского воеводств. Если Белзское, Подольское и Русское воеводства к этому времени жили уже по польским законам, то три новых воеводства вошли в Корону со своим «русским» правом, «русской» верой и «русским» языком. Созданная специально для этих воеводств Русская метрика не имела никакого отношения к старой коронной Руси.

Термин «русин», использовавшийся широко в Галичине²⁹ и Польше, стал теперь прилагаться и к населению остальной части Западной Руси, где до того преобладали самоназвания «русь», «русские люди», даже «росияне». Здесь он долго воспринимался как полонизм.

1988. С. 215, 217, 220, 224 ; *Skarga Piotr*. O iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem // Русская историческая библиотека. Т. 7. Стб. 236, 499 ; *Idem*. Obrona synodu Brzeskiego // Nfv ;t. Стб. 991 и др.

²⁵ Филалет Христофор. Апокрисис ... Стб. 1134, 1130.

²⁶ Вишенський Іван. Книжка // Українська література XIV—XVI ст. С. 333.

²⁷ Протестація Йова Борецького та інших українських єпископів. С. 321.

²⁸ Supplicatia do... senatu w roku... 1623 do Warszawy na seym walny przybyłego. С. 286.

²⁹ Корпанюк М. Монастирсько-церковне літописання XVII—XVIII сторіч. // Розбудова держави. 1996. № 12. С. 25 ; Крип'якевич І. П. До питання про національну самосвідомість українського народу в кінці XVI — на початку XVII ст. // Український історичний журнал. 1966. № 2. С. 82.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что неустойчивость этнополитической терминологии, имевшая место в рассматриваемый период, свидетельствует о слабом развитии собственно национальной, политической идеологии Руси. Представления о Руси и «русском народе» в узком понимании преобладали в границах Русского воеводства Польской Короны, широкое же понимание продолжало либо польскую традицию, охватывая Русское, Подольское, Белзское воеводства, либо традицию литовскую. Передел Западной Руси вследствие люблинских актов 1569 г. создал основу для изменения этих традиций, сформировав «русско-польскую» (Русское, Подольское, Белзское, Киевское, Волынское, Брацлавское воеводства) и «русско-литовскую» (Великое княжество) общности. Можно предположить, что именно это обстоятельство в какой-то мере определило ареал распространения освободительной войны 1648—1654 гг. и в перспективе сказалось при выделении из Западной Руси самостоятельных украинского и белорусского национальных организмов.

На территории среднего Поднепровья, южнее Киева, где особенно сильным было влияние казаков, постепенно формируется специфический пограничный регион, получивший название «Украина». Несмотря на то что в XVII в. использование термина «Украина» носило еще эпизодический характер, уже тогда складывается тенденция к увязыванию его со всей территорией распространения казачества. Таким образом, начало XVII в. было периодом, с одной стороны, складывания предпосылок для возникновения в будущем отдельного украинского народа и, с другой стороны, возникновения географического названия, ставшего впоследствии его этнонимом.

ББК 63.1(2)53-82

С. М. Усманов

«РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И НАСЛЕДИЕ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

Рассматривается цивилизационная проблематика российской истории и нашего времени. Существенное внимание уделяется концепту «русская цивилизация» и его интерпретации в общественной мысли. Показывается осмысление данной тематики в работах К. Н. Леонтьева.

Ключевые слова: Леонтьев, «русская цивилизация», русская история.

Civilization problems of Russian history and modern time are studied in the article. The author pays special attention to the concept “Russian civilization” and its interpretation in public opinion. The understanding of these problems in the works by K. N. Leontyev is showed in the article

Key words: Leontyev, «Russian civilization», Russian history.

В современной России термин «русская цивилизация» утвердился как весьма убедительный и доказательный не только в общественно-политической публицистике, но зачастую и в научных исследованиях. Вопрос в том, имеет ли

он под собой какое-то серьезное обоснование. Да и вообще: есть ли смысл настаивать на существовании некой особой самобытной «русской цивилизации»? Была ли таковая в прошлом?

Разумеется, нас в данном случае занимает не политико-прикладное использование данного концепта в нынешней общественной жизни и конкретной политической борьбе. Здесь случаются весьма курьезные явления, вроде попыток нынешних российских коммунистов выставить себя в качестве защитников «русской цивилизации» [10].

Для нас интересно даже не то, почему концепт «русская цивилизация» стал столь востребованным. Речь идет о содержательном характере и цивилизационной специфике российского социума в исторической ретроспективе. А в принципе — и о его возможностях на будущее.

Впрочем, в данной работе мы можем затронуть только некоторые значимые аспекты данной проблематики.

Прежде всего стоило бы учесть, что нередко в научных изысканиях российских исследователей нашего времени понятие «русская цивилизация» применяется, что называется, ситуативно, без основательного осмысления. Характерный случай такого рода мы обнаруживаем в массивном фолианте ученых Института Европы Российской академии наук, выпущенном в 2011 г. Уже в первой главе этого обширного труда в перечень «живых и развивающихся цивилизаций» ее автор, член-корреспондент РАН Т. Т. Тимофеев, включает и «православную (русскую)» цивилизацию [12, с. 33].

Получается, что «русская цивилизация» реально существует, а «православность» выражает лишь ее сущностные черты. Все это излагается бегло, без всякого обоснования, как будто речь идет о неких аксиомах. Такое впечатление усиливается материалами следующих глав, в одной из которых доктор культурологии Е. Ю. Сидоров, ничтоже сумняшеся, именует Константина Николаевича Леонтьева «виднейшим теоретиком русского национализма» [12, с. 520]. Вероятно, автор «не в курсе» полемики К. Н. Леонтьева и П. Е. Астафьева, да и других немаловажных аспектов наследия Леонтьева.

Конечно, в публикациях наших дней имеются и более определенные утверждения о сущности и конкретных проявлениях «русской цивилизации». В этом смысле обращают на себя внимание работы известного историка А. И. Фурсова, в которых доказывается, что «Россия — имманентно внекапиталистическая, а следовательно, антикапиталистическая система». Причем «апогеем развития русской цивилизации» является Советский Союз в расцвете своего могущества. И в этом как раз и состоит «Великая Тайна (военная и мирная) советизма/сталинизма» [13, с. 4].

Понятное дело, такие соображения из полемической статьи могут считаться неподходящими для использования в научной дискуссии. Однако в данном случае мы видим лишь резкую формулировку той точки зрения, которая достаточно часто высказывается, причем не только А. И. Фурсовым.

Можно вспомнить, в частности, труды таких известных и уважаемых ученых, как Б. С. Ерасов и А. С. Панарин. Еще в 90-х гг. XX столетия они подчеркивали цивилизационные особенности России, в том числе и тогда, когда обсуждению подвергался советский период ее существования.

В частности, А. С. Панарин отмечал, что русская культура жила и живет под знаком идеи «России как особого типа цивилизации, формирующейся в едином евразийском пространстве». Причем русской культурой Серебряно-

го века была сделана попытка «выдвинуть российскую цивилизационную альтернативу западным принципам жизнеустройства, породившим крайне жесткие промышленные и политические технологии, а потому ставшие опасными для человечества» [1, с. 46, 55].

Со своей стороны Б. С. Ерасов выделял, по крайней мере, два очень существенных аспекта цивилизационного своеобразия России. Первый связан с тем, что в России «на протяжении многих веков была огромная роль государства, основанного на принципе державности, которое в значительной степени замещало собственно цивилизационные основы регуляции, не получившие в России системного формирования». Второй имел отношение уже к советской эпохе: Советская Россия отнюдь не сводилась к «тоталитарной госпартсистеме». Она была еще и «становящейся цивилизацией нового типа» [2, с. 89, 101].

Заметим, что размышления А. С. Панарина и Б. С. Ерасова полуторадесятилетней давности, хотя и достаточно близко сходятся в сравнительно высокой оценке советского этапа цивилизационного развития России, все-таки подчеркивают не «русский», а российский, и даже евразийский, формат отечественной цивилизации. Мало того, и Ерасов, и Панарин отмечали, что самостоятельная цивилизация в России так и не сформировалась в досоветскую эпоху, поэтому ее становление осуществлялось такой «реальной исторической силой», как коммунизм, — «при всех его издержках и губительных крайностях» [2, с. 100].

Однако для действительно полноценного научного обсуждения проблематики «русской цивилизации» нельзя обойтись и без обращения к опыту осмысления исторического пути России в отечественной общественной мысли, особенно XIX столетия, поскольку именно тогда появилась концепция «культурно-исторических типов» Николая Яковлевича Данилевского, что стимулировало и других представителей российской общественной мысли той эпохи к обсуждению цивилизационной тематики.

Интересно, что уже сам Данилевский наряду с понятием «культурно-исторический тип» использовал и термин «цивилизация», при том что для Данилевского «цивилизация» есть завершающий этап развития «культурно-исторического типа». И в этом смысле, как отмечал Николай Яковлевич, «Европа есть поприще германо-романской цивилизации <...> или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация» [1, с. 58]. Как известно, Данилевский предвидел возможность появления «особой славянской цивилизации», главная роль в создании которой должна будет принадлежать России — «единственной независимой представительнице» славянского мира [1, с. 479—480]. Но, согласно соображениям Данилевского, это только возможность. Или славянство образует «один из самобытных культурных типов всемирной истории», или же «ему предназначено второстепенное значение вассального племени, незавидная роль этнографического материала...» [1, с. 328].

В сущности, Данилевский только обозначил возможность появления «славянской цивилизации» во главе с Россией. Более основательно разработали эту проблематику российские мыслители последней трети XIX — начала XX в. И здесь первым стоит назвать Константина Николаевича Леонтьева.

Однако в своем истолковании проблем культуры и цивилизации Леонтьев вовсе не претендовал быть «одиноким мыслителем», как подчас любили именовать этого «оригинального», «необычного», и «странного» человека. В

письмах своим современникам Константин Николаевич без всякого кокетства охотно признает свою включенность в общий процесс развития русской общественной мысли и прямо называет как своих предшественников, так и современников, повлиявших на его формирование и развитие, в том числе и в понимании культуры. К их числу Леонтьев относит славянофилов, Н. Я. Данилевского, А. И. Герцена, М. Н. Каткова, Вл. С. Соловьева.

В частности, в «Письмах к Владимиру Сергеевичу Соловьеву» (1890 г.) Леонтьев прямо именуется «учеником» Хомякова и «единомышленником» Данилевского [9, с. 384]. В известном письме к священнику Иосифу Фуделю от 6 июля 1888 г. Константин Николаевич более подробно говорит о заслугах своих предшественников и современников: Данилевский дал новую научную гипотезу о смене культурных типов, Герцен справедливо критиковал современный ему Запад, Катков отступил от своих прежних либеральных убеждений и выступил в защиту сословий в России, мистицизм Соловьева более глубок и возвышен в сравнении с убеждениями современников [4, с. 260—264]. Почти то же самое, но в более обобщенном виде Леонтьев излагает в письме от 3 мая 1890 г. к А. А. Александрову. Но тут он сразу добавляет нечто и о своем вкладе в понимание культурно-исторических типов: «...про Данилевского можно сказать, что он сделал великий шаг — указанием на эти культурные типы. Можно ведь и так его теорию обернуть: существование разных культурных типов есть признак жизненности человечества, невозможность создать новый, смешение всех типов в один средний есть признак приближения человечества к смерти. Данилевскому принадлежит честь открытия культурных типов. Мне же гипотеза вторичного и предсмертного смешения» [4, с. 289].

Здесь Леонтьев упоминает о своей теории развития культуры от первоначальной простоты к «цветущей сложности» и затем к вторичному смесительному упрощению, что означает уже смерть самого общественного организма. Этой теме Леонтьева отведены VI и VII главы его труда «Византизм и славянство». Но не менее существенно, что Константин Николаевич отнюдь не удовлетворялся выдвиганием собственной новой теории развития человеческих обществ.

Еще более важным для него были практические последствия данной теории для России. И здесь впечатления и оценки Леонтьева постоянно менялись. Наблюдатели издали описывали это как превращение Леонтьева в «разочарованного славянофила» (С. Н. Трубецкой и другие).

Однако такого рода оценки являются и неполными содержательно, и существенно неточными. Сам К. Н. Леонтьев излагал собственное видение судьбы России и более ясно, и вместе с тем проявлял ответственную сдержанность. Для него важными были практические последствия данной теории для России. И вот тут впечатления и оценки К. Н. Леонтьева претерпели несомненную и весьма показательную эволюцию.

Одно из наиболее исчерпывающих объяснений на этот счет мы находим в его письме к княгине Е. А. Гагариной 24 апреля 1889 г.: «Что мы такое: действительно ли мы новый культурный мир, как думал Данилевский, орудие ли примирения Церквей без всякой особой гражданской оригинальности, как желает и надеется Влад. Соловьев, или, наконец, мы таим в загадочных недрах нашей великой отчизны зародыш самого ужасного отрицания и цинизма (иногда, увы, думается, признаюсь и так!) задатки самого гнусного и кровавого хамства (равенства то есть); во всяком случае, наше призвание, ог-

ромное и грандиозное, еще далеко не исполнено, и потому “горе тому, кто станет на дороге, этому не нами, а свыше предначертанному стремлению” [4, с. 275].

Заметим, что в этом небольшом фрагменте Константин Николаевич изложил весьма многое. Он сжато охарактеризовал подходы своих современников-соотечественников, выразив к ним свое отношение. Кроме того, он представил еще одну альтернативу дальнейшего развития России, которая, увы, и стала реальностью в XX столетии. Между тем Леонтьев учитывал вариативность (неоднозначность) дальнейших изменений и, что очень важно, отдавал должное Промыслу Божию, забывая о котором было свойственно отнюдь не только большинству ученых того времени.

При всем том Леонтьев в конце своего письма к княгине Гагариной опять возвращается к мысли о наиболее благоприятном варианте развития России, какое он мог предполагать тогда, в эпоху правления императора Александра III: «Графу Дмитр. Андр. Толстому относительно сословных его реформ продолжаю горячо сочувствовать и очень рад, что он берет верх. Прочно ли все это только? Дворянство наше ужасно легкомысленно, и русских настоящих в его среде очень мало. Я думаю все-таки, если новая сословность у нас утвердится хоть на 100 лет, то прав до известной степени Данилевский: будет своя цивилизация» [4, с. 276].

Надо подчеркнуть, что такая возможность Леонтьевым обосновывалась и ранее. В 1882—1883 гг. он смог свои соображения даже напечатать в газете «Гражданин» (публикация называлась «Письма о восточных делах»). Зная эти письма, можно уверенно утверждать, что упомянутая Константином Николаевичем «своя цивилизация» не должна была быть чисто «русской». У него речь шла об «оригинальной славяно-азиатской цивилизации» на основе «Великого Восточного Союза с новой культурной столицей на Босфоре», что, помимо прочего, предполагало взятие Россией «Царьграда», т. е. Стамбула, — столицы Османской империи (см.: [7, с. 279, 280, 282]).

Очень показательно, какое обоснование Леонтьев давал этой, для многих своих современников, неожиданной идее. «Раз вековой сословно-корпоративный строй жизни разрушен эмансипационным процессом, — новая прочная организация на старой почве и из одних старых элементов становится невозможной. Нужен крутой поворот, нужна новая почва, новые перспективы и совершенно непривычные сочетания, а главное — необходим новый центр, новая культурная столица», — писал Константин Леонтьев в «Письмах о восточных делах» [7, с. 281].

Такую перспективу развития России Леонтьев обосновывал вплоть до конца 80-х гг. как возможную и наиболее благоприятную. Но в письмах Константина Николаевича 1890—1891 гг. мы видим несколько иные настроения. Леонтьев приходит к выводу, что «не выйдет» той «новой славянской культуры, в которую верил Данилевский». И сам объясняет главную причину: «...хамства у нас слишком много» [8, с. 163]. Хотя дело не только в новейшем «хамстве», но и в славянах как таковых, духовные и культурные качества которых Леонтьев, как известно, ставил весьма невысоко. Впрочем, приведем наиболее существенное объяснение на этот счет самого Константина Николаевича из письма священнику Иосифу Фуделю 19—31 января 1891 г.: «И если даже допустить, что Романо-германский тип, несомненно разлагаясь, уже не может в нынешнем состоянии удовлетворить все человечество, то из этого вовсе еще не следует, что мы, славяне, в течение 1000 лет не про-

явившие ни тени творчества, вдруг теперь под старость дадим полнейший 4-основный культурный тип, как мечтает и даже верит Данилевский» [4, с. 312].

В этой связи стоило бы опять вернуться к уже упомянутой нами трактовке наследия Леонтьева, согласно которой Константин Николаевич оказывается не только «разочарованным славянофилом», но еще и «мучеником красоты», насильно подчиняющим свои предпочтения «христианскому пессимизму». Другие же истолкователи наследия Леонтьева считают, что в любом случае у Леонтьева доминирует эстетизм. В очень резкой форме подобную трактовку дал самый известный биограф Леонтьева, видный исследователь Русского Зарубежья Юрий Павлович Иваск. По его выражению «весь Леонтьев в трех словах: ничего, кроме красоты! Или же все есть только красота!». И далее Иваск поясняет, какова красота у Леонтьева: «Леонтьевская красота губит и плоть, и душу. У Леонтьева (или у Мити Карамазова и у его возможного прототипа Аполлона Григорьева) идеал содомский иногда совмещается с идеалом Мадонны. Он это знал и незадолго до смерти в письме и Розанову принудил было себя отречься от эстетики. Но и после этого, до самого конца он оставался все тем же “хищным эстетом”» [3].

В этом суждении Ю. П. Иваска опять налицо стремление «обстругать» наследие К. Н. Леонтьева по своим вкусам и разумению. Но получается неубедительно и по существу, и по конкретике творческой биографии Константина Николаевича.

Напомним о конкретных обстоятельствах жизни и творчества К. Н. Леонтьева и историческом контексте его высказываний. Действительно, в письме В. В. Розанову 13—14 августа 1891 г. Константин Николаевич вроде бы «умалял» эстетику жизни в пользу христианства: «Что же делать? Христианству мы должны помогать даже и в ущерб любимой нами эстетике. Из трансцендентного эгоизма, по страху загробного суда, для спасения наших собственных душ, но прогрессу мы должны, где можем, противиться, ибо он одинаково вредит и Христианству, и эстетике...» [5, с. 586]. Это письмо нередко цитируется в исследовательской литературе, но зачастую без учета двух весьма значимых обстоятельств.

Первое — письмо было лишь одним из целого ряда писем к Василию Васильевичу Розанову. Это было сказано лично ему. И надо отметить, что Константин Николаевич имел резоны подчеркнуть значение страха Божия именно в диалоге с этим человеком, которому памятования о загробном суде очень не хватало всю его жизнь. Второе — письмо написано за две недели до монашеского пострига самого Леонтьева, что тоже отражается на стиле и формулировках автора, делая их еще более сдержанными *sub specie aeternitatis*.

Между тем есть другой леонтьевский документ, в котором та же тематика изложена куда более объемно и основательно. Но он гораздо реже упоминается исследователями. Мы имеем в виду книгу К. Леонтьева «Отец Климент (Зедергольм) — иеромонах Оптиной пустыни» (впервые напечатана в «Русском вестнике» в 1879 г., вышла при жизни автора отдельными изданиями еще дважды — в 1880 и 1882 гг.).

В этой работе Константин Леонтьев весьма рельефно изобразил свои диалоги с отцом Климентом, включая споры и разногласия по ряду вопросов. В частности, Леонтьев упоминал о высказывающихся им симпатиях к римскому католицизму в его борьбе с западными либералами, об интересе к

исламу и о других своих спорных или неприемлемых для отца Климента суждениях. Причем Константин Николаевич приводил и доводы в пользу следующих своих предпочтений: «Я никак не могу забыть ту исполинскую культурную борьбу ясного и выработанного старого с неопределенным и неясным новым, которая ведется теперь по всему земному шару» [6].

Но в книге приводятся и возражения Леонтьеву отца Климента (Зедергольма), который предостерегал своего собеседника: «Я понимаю, что это очень полезно для начала уважать всякую религию, даже буддизм, и предпочитать всякое исповедание пустоте мнимого прогресса. Да, для начала обращения... Но останавливаться на этом нельзя... Надо идти дальше и чувствовать духовное омерзение ко всему, что не Православие». Леонтьев приводит в книге и еще одно, очень характерное и существенное предупреждение в свой адрес «православного немца» иеромонаха Климента: «Враг пользуется всеми нашими наклонностями, всеми слабостями... и вот ваша любовь к поэзии, которой, конечно, много в неправильных религиях, даже в язычестве... она вредит вам в этом случае. Дьявол знает, чем каждого из нас взять...» [6].

Самое, пожалуй, впечатляющее для нашей темы в этом сочинении К. Н. Леонтьева — это его резюме всех диалогов об истории и культуре с отцом Климентом: «Он не исправил меня, сознаюсь — я все тот же. Я не умею упростить себя, как он упростил себя умственно. Может быть, мы оба правы... Он был монах — я мирянин» [6]. Впрочем, Константин Николаевич вспоминал усилия своего собеседника с благодарностью: «Подобными беседами он заставлял меня нередко рассматривать предметы веры и жизни с новых сторон и привлекал мое внимание на то, на что оно еще ни разу не обращалось... Этим он сделал мне много добра» [6].

Остается добавить, что текст Леонтьева об отце Клименте (Зедергольме) благословил печатать известный оптинский подвижник и духовник Константина Николаевича Леонтьева старец Амвросий. И надо полагать, что ни он, ни единомысленные ему оптинцы ничуть не мешали Леонтьеву изучать проблемы культуры или, как мы бы сказали сейчас, цивилизационные проблемы, и даже настаивать на своем мирском видении и мировой истории, и судьбы России. Так что мы не находим никаких оснований для рассуждений о какой-то «трагедии» подавления Леонтьевым своих культурных предпочтений в угоду христианскому аскетизму.

Что же действительно является трагедией, так это недооценка, а то и прямое пренебрежение проблемами культуры, как в широком смысле, так и в более узких ее аспектах, что стало уже устойчивой тенденцией в общественной жизни и государственной политике в нашей стране, в том числе и в современной России. Вот почему наследие Константина Николаевича Леонтьева сохраняет свою непреходящую ценность и требует к себе еще большего внимания не только узких специалистов, но и всех тех, кто готов внести реальный вклад в развитие своей Родины и защиту ее культурного наследия.

Итак, изыскания Константина Николаевича Леонтьева о возможностях и перспективах развития России, в том числе и в его цивилизационном измерении, были очень оригинальны, содержательны и не потеряли своего значения до наших дней. Беда только в том, что Леонтьева очень мало знали и еще хуже понимали. И так продолжается вплоть до наших дней (когда и в солидных трудах его могут представить, например, теоретиком русского национализма).

Подведем основные итоги наших изысканий.

1. Насколько нам известно, ни Н. Я. Данилевский, ни К. Н. Леонтьев никогда не говорили и не писали о «русской цивилизации» — ни по сути, ни по форме.

2. Н. Я. Данилевский видел Россию органической частью славянского мира и считал для нее благоприятной возможностью войти в будущую славянскую цивилизацию, если таковая разовьется при подходящих условиях.

3. К. Н. Леонтьев невысоко ценил политические и культурные возможности славянских народов, но допускал вероятность образования славяно-азиатской цивилизации на основе православной традиции во главе с Россией и с обязательным политическим и духовным центром в Царьграде (Константинополе). Однако в последние годы своей жизни (в 1880—1891 гг.) Леонтьев пришел к выводу, что эта перспектива останется неосуществленной ввиду недостаточной духовной и культурной зрелости России.

4. В нынешних обсуждениях цивилизационных аспектов развития современной России было бы очень уместно избегать безответственных манипуляций с термином «русская цивилизация». Напротив, внимательное и вдумчивое отношение к ценному опыту отечественной общественной мысли XIX — начала XX в. позволило бы существенно усилить и обогатить наши исследования закономерностей и перспектив социально-политических трансформаций в современном мире и места в них России.

Библиографический список

1. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / сост., послесл. и коммент. С. А. Вайгачева. М. : Книга, 1991. 574 с.
2. *Ерасов Б. С.* О геополитическом и цивилизационном устройении Евразии // *Цивилизации и культуры* : науч. альманах. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1996. Вып. 3 : Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. С. 86—102.
3. *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831—1891). Жизнь и творчество. URL: http://knlleontiev.narod.ru/biography/ivask_part1.htm (дата обращения: 13.12.2012).
4. *Избранные письма // К. Леонтьев, наш современник* / сост. Б. Адрианов, Н. Мальчевский. СПб. : Изд-во Чернышева, 1993. С. 227—318.
5. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. СПб. : Пушкинский фонд, 1993. 660 с.
6. *Леонтьев К. Н.* Отец Климент (Зедергольм) — иеромонах Оптиной Пустыни. URL: <http://knlleontiev.narod.ru/texts/zederholm.htm> (дата обращения: 19.02.2013).
7. *Леонтьев К. Н.* Письма из Оптиной пустыни // *Лит. учеба*. 1996. Кн. 3. Май — июнь. С. 141—173.
8. *Леонтьев К. Н.* Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // *Леонтьев К. Н. Избранное*. М. : Рарог : Московский рабочий, 1993. С. 375—412.
9. *Леонтьев К. Н.* Письма о восточных делах // *Леонтьев К. Н. Записки отшельника* / сост., вступ. ст., примеч. В. Кочеткова. М. : Русская книга, 1992. С. 231—304.
10. «Медведевы», «путины» и «юргенсы» против русской цивилизации. URL: <http://kuzbass-kprf.ru/?p=777> (дата обращения: 12.03.2012).
11. *Панарин А. С.* Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // *Цивилизации и культуры* : науч. альманах. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1996. Вып. 3 : Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. С. 29—55.
12. *Россия в многообразии цивилизаций* / под ред. А. П. Шмелева. М. : Весь мир, 2011. 896 с.
13. *Фурсов А.* Десталинизация: тайные коды // *Завтра*. 2011. № 22. С. 8.

П. Д. УСПЕНСКИЙ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЭЗОТЕРИЧЕСКОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

Рассматривается эзотерическое учение П. Д. Успенского, который стремился интегрировать весьма разнородные течения классической и постклассической философии: соединить объективный идеализм с субъективным, механицизм — с принципами эволюции, рационализм подчинить иррационализму. Однако это соединение осуществляется конструктивистским, т. е. недialeктическим путем. Это во многом поставило под вопрос позитивную цель учения мыслителя, его стремление к достижению непротиворечивого мировоззренческого синтеза.

Ключевые слова: философский конструктивизм, теософия, эзотерика, эклектика, иррационализм, агностицизм, неогилозоизм.

The article deals with the esoteric doctrine of P. D. Ouspensky, who sought to integrate highly dissimilar flows of classical and post-classical philosophy: to connect the objective and subjective idealism, mechanicism and the principles of evolution, to subordinate rationalism to irrationalism. However, this connection is realized by constructivist, i. e. non-dialectical way. This has largely called into question the positive goal of the Thinker's doctrine, his desire to achieve consistent philosophical synthesis.

Key words: philosophical constructivism, theosophy, esoterics, eclectics, irrationalism, agnosticism, neogilozoizm.

Русский мыслитель Петр Демьянович Успенский (1878—1947) является последователем *теософского* учения Е. П. Блаватской и Г. А. Гурджиева. Важнейшую цель современного мировоззрения Успенский усматривал в его интегративной направленности, способности осуществить духовный синтез. «Слово *синтез*, — писал философ, — поставлено на знамени современного “теософического” учения Блаватской» [2, с. 238]. Реальность, в которой мы существуем, едина, следовательно, и человеческое мировоззрение должно быть единым, или синтетическим.

Задачу осуществления интегрального синтеза современной культуры выдвигали многие известные современники П. Д. Успенского, придерживавшиеся самых разных идейных и философских позиций (в их числе Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Ф. Ницше, Г. В. Плеханов, В. С. Соловьёв, А. Тойнби, О. Шпенглер и другие). Как известно, единство мира и его духовного постижения легко декларировать, но весьма непросто доказать теоретически. Мало тех, кому на этом пути сопутствовала удача. Наиболее сложным вопросом здесь выступает проблема оснований, на которых возможна реализация по-

добного замысла. Такой основой у русского мыслителя стала эзотерическая философия и методология конструктивистского типа.

В термин **«философский конструктивизм»** автор вкладывает как позитивный (конструктивный), так и негативный (деконструктивный) смысл. Иными словами, учение представителей данного мировоззренческого кластера обладает как положительными, так и отрицательными чертами в деле объяснения и прогнозирования природных и социальных явлений (см. об этом подробнее: [1, с. 260—272]). На мой взгляд, теософия — весьма характерная школа подобного типа. Ведущим методом, которым осуществляется здесь мировоззренческий синтез, выступает *эклехтика*.

В основе философом П. Д. Успенского, как и других представителей синтеза данного вида конструктивизма, лежала эзотерическая «уверенность». «Во всех моих экспериментах и переживаниях, — писал мыслитель, — есть привкус реальности, который невозможно подделать; здесь ошибиться нельзя. Я знаю, что все это есть, я в этом убедился. Единство существует. Я знаю, что оно упорядочено, бесконечно, обладает одушевленностью и сознанием» [3, с. 17].

Гносеология П. Д. Успенского базируется по преимуществу на принципах *эзотерики*. Основным методом постижения тайного знания является иррациональная мистика: «Мистика целиком эмоциональна; она состоит из тончайших, непередаваемых ощущений, доступных словесному выражению и логическому определению еще в меньшей степени, чем такие явления, как звук, цвет, линия. С точки зрения скрытого знания мистика — это проникновение скрытого знания в наше сознание» [3, с. 31]. Интеллектуальное же изучение мистических состояний — лишь приближение к пониманию, намек на него. Науке в эзотерических учениях традиционно отказывается в доверии ввиду ее полностью немистического характера [3, с. 23]. Современная наука, по словам П. Д. Успенского, «резко отсекала себя от религии и от “мистики”»; тем самым она установила определенное “табу” и потому сделалась случайным и ненадежным инструментом мышления. Наличие этого “табу” заставляет ее закрывать глаза на целую серию необъяснимых и непонятных феноменов, лишает ее целостности и единства...» [3, с. 48].

Подлинное (мистическое) знание, да и то не в полном объеме, доступно лишь немногим избранным (сверхлюдям), тогда как человек массы совершенно беспомощен в океане жизни, полагает философ. Человек фактически обманывает себя, когда думает, что его знания растут и увеличиваются, что он знает и понимает больше, чем знал и понимал прежде. Между тем по отношению к фундаментальным проблемам существования он так же беспомощен, как дикарь или ребенок, несмотря на изобретение множества умных машин и инструментов. Они лишь усложнили его жизнь, но не сделали ее понятнее.

Концепция П. Д. Успенского является откровенно идеалистической. Правда, в отличие от Е. П. Блаватской или А. И. Клизовского, объективный идеализм в учении Успенского теснее переплетается с субъективным идеализмом. По его словам, «существует *только одно сознание, и больше ничего*» [2, с. 143]. Что касается материи, то она всего лишь «логическое понятие, т. е. *форма сознания...*» и ничего сверх того: «Материя состоит не из атомов, а из наших ощущений ее. Если нет ощущений... то нет материи». Соответст-

венно, вещество, дерево и тому подобное суть лишь «комплекс ощущений, проектированный в пространство» [2, с. 143, 179, 144].

Мало того, что сознание первично, оно еще и выше субстанции как движущейся материи. «...Явления движения, как низшие, зависят от явлений жизни и сознания, как высших», — пишет П. Д. Успенский. Сама жизнь — «функция сознания (желания)». «Истинное движение, лежащее в основе всего, есть движение мысли». Согласно теософу, нет прямой связи между мозгом и сознанием, ибо это совершенно разноуровневые реалии. Дело в том, что «явления сознания не могут быть функцией мозга... или явлений низшего порядка»; ибо «высшее не может быть функцией низшего» [2, с. 137, 136, 253].

П. Д. Успенского не устраивает позиция не только материалистов, но и дуалистов. Он пытается провести линию последовательного идеалистического монизма: «...деятельность мозга — это только движение, нечто объективное, а деятельность сознания — нечто объективно неопределимое, субъективное и в то же время более сильное, чем все объективное». Мозг есть не более чем «зеркало, отражающее сознание в нашем трехмерном разрезе мира. Последнее значит, что в нашем трехмерном разрезе мира действует не всё сознание (истинных размеров которого мы не знаем), а только его отражение от мозга. Ясно, что если разбивается зеркало, то должно разбиться отражение. Но нет никакого основания думать, что, когда разбивается зеркало, разбивается сам отражающий предмет, т. е. в данном случае сознание. Сознание не может пострадать от расстройства мозга, но проявление его может очень пострадать и даже совсем исчезнуть из поля нашего наблюдения». Это обусловлено тем, что «через мозг идет не вся деятельность сознания, а только ее часть». Мозг есть «трехмерное тело» и поэтому нечто «нереальное». Напротив, сознание не имеет измерений и представляет собой подлинную реальность [2, с. 137, 138].

Стремясь провести последовательно идеалистическую линию, П. Д. Успенский приходит к выводу о том, что «мир есть сознание, что все в нем сознательно и ничего несознательного вообще нет и быть не может». Основанием для подобных умозаключений служит давно и хорошо известный в истории философии метод упрощенного мышления: или — или. «Логически мы должны или признать жизнь и сознание во всем, во всей “мертвой природе”, или отрицать их совершенно даже в самих себе», — отмечает философ. Подобный супрмонизм логически приводит мыслителя к *неогилозоизму*. Это направление использует, по сравнению с хорошо известным нам гилозоизмом, новые логические и иные возможности, но принципиально не изменился в своей мировоззренческой сути (см.: [1, с. 283]). Так, согласно Успенскому, «если в мире существует сознание», то оно «должно быть во всем». Правда, «неодушевленные предметы и механические явления для нас безжизненны и бессознательны. Но это не может быть так». С точки зрения неогилозоизма «всякое явление, всякая вещь обладает сознанием. Гора, дерево, рыбка, капля воды, дождь, планета, огонь — каждое в отдельности должно обладать своим сознанием» [2, с. 144, 159, 150, 151].

Все эти постулаты, которые доказать каким-либо эмпирическим путем невозможно, следует брать на веру, с которой у П. Д. Успенского, разумеется, все в полном порядке. Его эзотерическая вера не нуждается в каких-либо логических, научных или эмпирических доказательствах: «Доказательств нет

и быть не может. Существование сознания *без мозга*... это для нас метафизический факт, который не может быть *доказан* как физический» [2, с. 138]. Впрочем, «безмозглая метафизика» отнюдь не новость, и не Успенский является ее изобретателем.

Весь окружающий нас мир, уверен философ, не более чем поток ощущений, который наше сознание с его теоретическим мышлением должно упорядочить. Такие фундаментальные категории, как материя, пространство или время не более чем наши субъективные представления. Скажем, материя — это всего лишь отвлеченное понятие типа истины, добра или зла. Наше сознание склонно выделять из хаоса впечатлений отдельные группы. Мы строим в пространстве и времени представления о предметах, соответствующих этим группам впечатлений. Однако следует помнить, что эти разделения существуют только в нас, в нашем познании вещей, а не в самих вещах. Настоящего отношения вещей друг к другу мы не знаем и настоящих вещей не знаем; мы знаем только «фантомы», «призраки вещей». При этом «расширение объективных знаний нисколько не приближает нас к познанию *вещей в себе* или *истинных причин*» [2, с. 29, 16, 17].

Мыслитель утверждает, что «*мы никогда ничего не видим*», несмотря на наличие у человека пяти чувств. Последние лишь несколько расширяют «наши шупальца», но принципиально в деле познания ничего не изменяют. Тем не менее человек все же способен видеть, но не с помощью чувств, а благодаря мыслям: «Только *мысль* может дать нам настоящее *зрение* вместо того грубого ощупывания, которое мы теперь называем зрением. Только мыслью мы можем *видеть*» [2, с. 36, 37]. Очевидно происходит это в силу того, что именно мысль, а вовсе не чувства связаны со всем мировым надчеловеческим сознанием. Чувства же ближе ко всему материальному, следовательно, низшему. Здесь проявляется прямое наследование традиций идеализма и агностицизма (Беркли, Канта, Авенариуса, Маха и других).

Впрочем, П. Д. Успенский в некоторых отношениях развивает эти традиции. Для него не только настоящее, но также прошлое и будущее совершенно одинаково реально-нереальны, т. е. имеют в плане их существования практически одинаковый статус. «Прошедшее и будущее не могут *не существовать*, потому что если они не существуют, то не существует и настоящее. Непременно они *где-то* существуют, только мы их не видим. Настоящее, если его противопоставлять прошедшему и будущему, — это самая нереальная из всех нереальностей» [2, с. 37].

Конструктивизм П. Д. Успенского является метафизикой постклассического, а именно релятивистского, типа. Мыслитель писал: «Все, что останавливает, — движение мысли ложно. Поэтому настоящий *реальный* прогресс мысли только в самом широком *идеализме*, не признающем возможности остановки на каких-либо *найденных* формах. Смысл жизни в вечном искании. И только в искании можем мы найти что-нибудь действительно новое» [3, с. 253].

Одно из важных понятий теософии — понятие эволюции П. Д. Успенский уточняет следующим образом: «Идея эволюции прежде всего исключает понятие некоего “плана” и руководящего разума. Эволюция — это независимый и механический процесс. Далее, эволюция исключает “случайность”, т. е. вмешательство в механические процессы новых факторов, ко-

торые непрерывно меняют свое направление этих процессов. Согласно идее эволюции, всё всегда движется в одном и том же направлении. Одна “случайность” точно соответствует другой. Кроме того, у слова “эволюция” нет антитезиса, хотя, например, распад и дегенерацию нельзя назвать эволюцией» [3, с. 34].

Эволюция цивилизаций и культур совершенно отличается в эзотерических учениях от научных представлений. Так, П. Д. Успенский писал: «Согласно идее эзотеризма в ее применении к истории человечества, ни одна цивилизация не начинается сама по себе. Не существует такой эволюции, которая возникает случайно и продолжается механически. Механически могут протекать только вырождение и распад. Цивилизация никогда не берет начало в естественном росте — она появляется благодаря искусственному возвращению» [3, с. 44].

Мыслитель продолжает развивать идею своих предшественников о появлении сверхчеловека, которая стара, как мир. Это значит, что сверхчеловек не принадлежит исключительно историческому будущему, поскольку он существовал в прошлом и существует в настоящем. Правда, обычный человек не в состоянии видеть сверхчеловека или знать о его существовании, подобно тому как гусеница не знает о существовании бабочки. «Высший тип ни в коем случае не может находиться под властью низшего типа или быть объектом его наблюдения, в то время как низший тип может находиться под властью и под наблюдением высшего типа. С этой точки зрения наша жизнь и история могут иметь определенную цель и смысл, которые мы не в силах понять». Этот смысл и цель — сверхчеловек, тогда как всё остальное существует для того, чтобы из массы человечества, ползающего по земле, время от времени возникал и вырастал сверхчеловек. Между тем обычный взгляд на жизнь, согласно П. Д. Успенскому, или не обнаруживает в эволюции никакой цели, или видит эту цель в «развитии масс». Подобный взгляд мыслитель квалифицирует как нелогичный и фантастический. О сверхчеловеке нельзя думать в обычном «материалистическом» плане. Сверхчеловек непременно должен быть связан с чем-то таинственным, магическим и волшебным [3, с. 128 и след.].

Таким образом, П. Д. Успенский стремился интегрировать весьма разнородные течения классической и постклассической философии: соединить объективный идеализм с субъективным, механицизм — с принципами эволюции, рационализм подчинить иррационализму. Однако это соединение осуществляется конструктивистским, т. е. недialeктическим путем. Это во многом поставило под вопрос позитивную цель учения мыслителя, его стремление к достижению непротиворечивого мировоззренческого синтеза.

Библиографический список

1. Булычев И. И. Алгоритмические основы классификации философских школ и направлений / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2004. 456 с.
2. Успенский П. Ключ к загадкам мира. М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 688 с.
3. Успенский П. Д. Новая модель вселенной. СПб. : Изд-во Чернышева, 1993. 557 с.

ОСВОЕНИЕ ФЕНОМЕНА ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Рассматривается история освоения категории «обыденное сознание» в античной философии. Исследуется становление основных концептов, в рамках которых древнегреческая и римская философия осваивают проблематику повседневности (мнение, здравомыслие, здравый смысл и др.).

Ключевые слова: обыденное сознание, повседневность, здравый смысл, мнение.

The history of consideration everyday conscience in the Greek and Roman classic philosophy is revealed by following the main concepts which had framed the problem of everyday thinking (opinion, reasoning, common sense etc.).

Key words: everyday conscience, everyday thinking, common sense, opinion.

Любое движение мысли так или иначе начинается с вопроса. Вопрос вопросит — ведет спрашивающего в своем направлении. Говоря о вопросе, М. Хайдеггер различал то, о чем спрашивается, то, что выспрашивается, и то, к кому или чему адресован вопрос [8]. Каков же вопрос об обыденном сознании в античности, кто, как и для чего его задает? Прежде чем это обсуждать, попробуем кратко определиться с тем, о чем спрашивается, наметить некоторые начальные условия вопрошания, которые, как нам представляется, могут разомкнуть герменевтический круг вопроса об обыденном сознании, поставив последний в просвет бытия.

Последовав путем вопроса об обыденном сознании, древний философ, ремесло которого начинается с удивления, должен изумиться обыденности, обнаружить загадку незагадочного, тайну нетаинственного, беспредельное предельного, подлинность неподлинного. Сделать это исходя из позиции философской сосредоточенной отстраненности крайне сложно, поэтому, смотря на мир со стороны начала, философ перестает замечать посюстороннюю мирскость мира, которая познается лишь любовью, а философский логос созревает первоначально как выход за пределы суетности, поэтому он по природе своей экстатичен.

При этом в западном и восточном мышлении можно обнаружить разные модусы представленной экстатичности. Если для Запада характерно научение различию через последовательное применение логических законов тождества и противоречия, то для Востока скорее характерно «разучение» через принцип недеяния, например. Но как для восточной философии, так и для античной начальной точкой выступает обыденное сознание — повседневный мир жизнедеятельности человека.

«Мнения людские — детские забавы», — сказал оплакивающий судьбы людей Гераклит [7, с. 195]. Экстатическое противопоставление мнения и истины в рамках античной философии связано с инсталляцией абстрактного мышления, противопоставляющего себя повседневному, с фундаментальной оппозицией эпистемы и доксы в истории западного мышления.

Философ сопричастен логосу, который, по Гераклиту, подобен молнии, логос ведет философа к поиску предельных оснований в бытии. «Природа любит прятаться», — говорил древний мудрец [7, с. 191]. Поэтому любитель мудрости чужд обыденности как пространству мирской суеты, опыту недосказанной, нечеткой, открытой, постоянно меняющейся мысли, находящейся вне бинарных представлений об истине. В этом кроется основная проблема философского вопрошания о повседневности, так как мышление есть различение, а повседневность есть постоянно возвращающееся в себя воплощение.

В то же время философ не может не принадлежать повседневности, так как он человек, и человеческое в нем неизменно возвращает его от логоса домой, в мир обыденности — в этом его трагедия и его сила.

Как пишет М. Эпштейн, «философия начинается с того, что ставит под вопрос тождественность какого-либо предмета самому себе» [12, с. 56]. Тождественность объекта самому себе — основной тезис естественной установки, поэтому с точки зрения обыденного человека философ не может просто высказываться о мире, так как его удивляет само-собой-разумеющееся, и он пытается выстроить мир, исходя из какого-то одного принципа, превращая тем самым само-понятное в проблематичное, простое — в сложное. Эта первичная интуиция философствования, думается, может быть применена и к повседневности, которую тоже можно поставить под вопрос.

Вопрос об обыденном сознании оказывается гораздо сложнее, нежели, например, вопрос о небытии, так как небытие следует из бытия, к нему как-то относится, а повседневность как таковая находится по ту сторону философствования, представляя собой его фон.

Таким образом, философ — культурный герой, который сначала противопоставляет себя миру повседневности, прекращает в себе все суетные возвращения (атараксия), связанные с обыденными страстями и заботами (вспомним миф о Пирроне и поросенке), причащается логосом, а потом пытается рассказать о своих приключениях обитателям мира-суеты, которым его рассказ лишь любопытен, но никак не может быть интересен. По этому поводу Гераклит плакал, а Демокрит смеялся.

«Маленький» же человек, высказываясь со стороны обыденного сознания о философии, обвинит ее в тавтологичности, оторванности от реальной жизни и сложности. В то же время при случае обыденный человек не преминет «блеснуть» воспринятыми им как расхожие штампы цитатами философа, если найдет их забавными или абсурдными.

Далее попробуем, принимая во внимание возможности философского метода, наметить контуры постановки вопроса о повседневности в античной философии. Предпринятый далее анализ не претендует на полноту, однако, как нам кажется, позволяет подойти к пониманию эволюции основных способов представления об обыденном сознании в античности. Проблематика обыденного сознания в античной философии задана целым рядом концептов, назовем лишь некоторые: общее чувство, здравый смысл, мнение (докса), здравомыслие (фронезис) и т. д. Реконструируя процесс конституирования этих концептов в истории философии, вероятно, можно подойти к идеированию процесса генезиса философии повседневности. Проблематика обыденного сознания занимала философию во все времена, но она всегда находилась на периферии магистрального движения мысли и никогда особо не выделялась.

Практики, схожие с повседневными бытовыми практиками человека (забота о потомстве, строительство жилища, стайная жизнь), есть и в живот-

ном мире. Соответственно, если оценивать повседневность с бихевиористических позиций, то корректно говорить об обыденной жизни муравейника или термитника, прайда львов, стаи дельфинов. При этом легко обнаружить как обыденные, рутинные (постоянно повторяющиеся), так и необычные практики у животных. У нас пока нет средств для проникновения в *qualia* животных, поэтому мы не можем ничего сказать о полноте их повседневности как единства формы и содержания, внешнего и внутреннего. Видимо, попытка выделить повседневность как некоторую совокупность повторяющихся рутин обречена, так как страдает односторонностью. По нашему мнению, здесь необходимо следовать принципу историзма и говорить о повседневности как о единстве некоторой идеи и ее внешних практик.

Предположим, что возможность повседневности появляется тогда, когда возникает идея не-повседневности, когда происходит осмысление гомогенности и параллельности различных временных пластов. Предпосылкой к этому служит появление логографов, т. е. переход от поэзии к прозе. В досократической философии в целом не существовало абсолютного противопоставления мудрого и профанного, понятого как обыденное. Мудрое рассматривалось как приближение к целостности, к абсолюту. При этом данное приближение воспринималось как всеобщий синтез, сведение всего многообразия мира к «шару бытия». Мудрость мыслилась как абсолютное приближение к единому, а чувственное созерцание — как приближение относительное.

Подобное понимание происходит через разрушение идеи архаического всеединства, когда в едином мире начинают возникать отдельные, замкнутые, бесконечно длящиеся времена — зоны, существующие параллельно друг с другом. Такая форма времени появляется в процессе сакрализации мифа, т. е. разделения синкретического бытия мира древности на пространства профанного и сакрального, доксы и мудрости. Однако это разделение лишь создает возможность осмысления повседневности. В классической древнегреческой философии последняя никогда не была в центре философской рефлексии. Древнегреческая мысль была сопричастна, по Плотину, «цветению бытия», поэтому тезаурус древнегреческой философии не содержит слова для обозначения сферы повседневности. Но рождающаяся философия так или иначе постоянно наталкивалась на повседневность на своем пути, эти «столкновения» породили целый ряд терминов: мнение (*δόξα*), здравый смысл (*koine aisthesis*), здравомыслие (фронеzis) и т. д.

Первые намеки на разрывание единого бытия на параллельные «временные» пласты содержатся в философии Гераклита. Разрывание мира единством и борьбой противоположностей в философии эфесского мудреца требует наличия пространства, охватывающего эту борьбу, ее фона. Таким фоном для логоса выступает фьюзис как манифестация идеи развертывающегося воплощения. В идее фьюзиса берет свое начало концепт естества как удвоенного бытия, считает Ю. М. Романенко [6]. Метафизический принцип естества заключен в знаменитой максиме Гераклита «Все течет». Течение, по мысли Романенко, «есть непрерывный ритм. Прерывом непрерывного является “аритмос” — число, изнутри структурирующее и оформляющее течение явлений единого целого» [6, с. 352].

Первое последовательное различение профанного, понятого как обыденное, и мудрого, понятого через знание отдельного как результат анализа, принадлежит Демокриту. Демокрит мыслит единое не как целостность, а как суперпозицию частей (атомов). Инструментом познания философа становится

ся не синтез, а анализ. Мышление со стороны части фактически приводит к разрыву единого на разнообразные сосуществующие временные пласты-зоны. Однако Демокрит лишь помыслил возможность «обыденности» так, как мы ее понимаем сейчас.

Завершается процесс упорядочивания мира философскими системами Платона и Аристотеля и последующей эпохой эллинизма, в которую происходит удвоение мира, т. е. окончательная замена со-бытия человека и мира представлением человека о мире. Идея представления фундаментальна в разрезе онтологических оснований повседневности, так как задает мысль о разрыве, о множественности мест и времен «Я», а если есть множественность, то есть и единство, на роль которого претендует обыденность.

Ориентация на представление позволяет ввести классическое различие чувственного и умопостигаемого знания, которое берет свое начало у Парменида и окончательно оформляется у Платона.

Классические философские системы Платона и Аристотеля осваивают проблематику обыденного сознания в гносеологическом аспекте. Она оформляется в диалогах Платона «Теэтет» и «Менон» [4, 5]. Платон дает классическое представление о соотношении мнения и эпистемы, полемизируя с софистами. По Платону, мнение (*δόξα*) — это результат чувственного познания. Платон формулирует в «Теэтете» классическое представление о знании: знание — это истинное обоснованное мнение. При этом интересно обратить внимание на соотношение знания и мнения. По Платону, мнение вполне пригодно и достаточно для ориентации в обыденной действительности и его отличие от знания состоит в отсутствии достаточного обоснования. В «Меноне» Сократ говорит: «Выходит, истинное мнение ведет нас к правильным действиям ничуть не хуже, чем разум» [4, с. 578].

В эпоху эллинизма складывается кластер понятий с предикатом *koine* — общий, в одном из значений — обыденный. Это *koine austhesis* — общее чувство, *koine ennoia* — общее понятие, *koinos nous* — общий ум. Данный кластер берет свое начало от аристотелевского *koine austhesis*. Аристотель вводит концепт *koine austhesis* в своем трактате «О душе», к которому принято возводить *sensus communis* эпохи Возрождения и *common sense* английской моральной философии; к этим же понятиям принадлежит классическая западноевропейская идея *рассудка* как синтеза чувственных восприятий. Согласно В. Гамильтону, греческая философема *koine*, с одной стороны, означает «заурядный», «вульгарный», «мужицкий», с другой — нечто противоположное, так как общее для всех не может быть чем-то приниженным, а, напротив, должно выражать нечто существенное и объективное.

В трактате «О душе» *koine austhesis* используется, во-первых, как способность воспринимать синтетические свойства предметов (форма, величина, движение...), во-вторых, как механизм синтеза данных пяти органов чувств, в-третьих, для различения данных пяти органов чувств, в-четвертых, для выявления полезного и вредного, того, к чему стремиться и чего избегать [2, с. 407—408; 437—438.]. Последнее свойство *koine austhesis* очень интересно и может быть востребовано, например, в политической философии. Говоря о функции здравого смысла в политике, Х. Арндт, в частности, отмечает, что здравый смысл «позволяет узнать и измерить реальность мира, который является общим для всех людей и объединяющим их. Именно поэтому здравый смысл занимает такое высокое место в иерархии политических качеств. Здра-

вый смысл, по-другому говоря, — это способность, благодаря которой человеку открывается общность реального мира и благодаря которой он “настраивается” на других участников этого мира» [1, с. 206]. В истории философии последний пункт был развит английским консерватизмом, но его потенциал, по нашему мнению, не был до конца раскрыт. Несмотря на определенные аксиологические и онтологические коннотации, *koine austhesis* у Аристотеля остается понятием прежде всего гносеологической направленности. Развитие его применительно к социальной реальности и этике происходит в эллинистической и римской философии.

Аристотель также предлагает свою концепцию «мнения», он вводит новую философему $\square\nu\delta\omicron\zeta\alpha$ (эндокса) при обсуждении диалектического силлогизма — эпихеремы. В отличие от $\delta\omicron\zeta\alpha$ в системе Платона аристотелевская «эндокса» означает не любое мнимое суждение, а некоторое умозаключение, которое принимается как само-собой-разумеющееся всеми, как мудрыми, так и обывателями. Но $\square\nu\delta\omicron\zeta\alpha$ — это еще и особый вид высказывания, обладающего признаком правдоподобия [14].

Другая философема Аристотеля, относящаяся к проблематике обыденного сознания, — это понятие $\phi\rho\nu\eta\sigma\iota\varsigma$ (фронезис), которое приблизительно можно перевести как «здравомыслие». При разьяснении сущности «фронезиса» Аристотель акцентировал внимание на практической мудрости, практическом разуме в их отличии от теоретического поиска универсального и внеконтекстуального («эпистеме») и ремесленного знания, направленного на производство, полезного («техне»). Сущностью фронезиса, таким образом, является способность принимать верные решения, совершать корректные поступки, умение отличать хорошее от плохого в конкретных жизненных ситуациях. Этот концепт Аристотеля сегодня по-новому переосмыляется в английской социологии, в частности в работах Б. Фливберга, который выдвигает проект фронетической социологии. В идее фронезиса Б. Фливберг ищет самоидентификацию социологии, пытаясь, с одной стороны, отделить ее от естественных наук, а с другой — от гуманитарных [13].

В классической латыни мы обнаруживаем категорию *sermo cotidianus*. Это особый язык, которым следовало говорить с друзьями, женой, рабами, домашними и прислугой. Чаще всего данное явление трактуют как разговорный язык; на наш взгляд, это односторонняя трактовка. *Sermo cotidianus* следовало бы отличать от *sermo rusticus*, *plebejus* или *urbanitas*. Отметим, что повседневный язык возникает именно как феномен городской культуры, в которой он противопоставлен языку изысканного светского общения — *sermo urbanitas*. Все это может свидетельствовать о постепенном разрывании и запараллеливании различных временных потоков, что создает возможность «повседневности» как фона разнообразных времен-эонов человеческого бытия.

Эпиктет вводит понятие *koinos nous* для обозначения общего ума, которым человек воспринимает мир. Введение этого концепта позволяет востребовать потенциал «общего чувства» применительно к социальной реальности: «А когда кто-то спросил, что такое обыкновенный ум, он сказал: “Подобно тому, как можно было назвать обыкновенным слухом тот, который способен различить только звуки речи, а тот, который способен различить тоны, — уже не обыкновенным, но слухом владеющего этим искусством, так существуют определенные вещи, которые люди, не совершенно свихнувшиеся, видят в соответствии с обыкновенными возможностями”» [11, с. 164].

При этом у Эпиктета присутствует два оттенка понимания общего ума: с одной стороны, общий ум как нечто простое и общепонятное, с другой стороны, общий ум как противоположность безумию, фактически речь идет о норме и девиации. Второго оттенка нет у Аристотеля.

О. В. Артемьева различает две линии тематизации понятия «здоровый смысл» в древнеримской философии, одна линия связана с пониманием общего чувства как чего-то само-собой-разумеющегося и автоматически присущего всем людям, другая — с представлением его как некоторой не-само-собой-разумеющейся добродетели [3].

У Горация *koinos nous* трансформируется в *sensus communis*, который он связывает с чувством такта, высоким культурным уровнем и воспитанностью. По мысли поэта, эти добродетели должны быть присущи каждому человеку для поддержания в обществе гармонии и порядка. Эта идея позже будет востребована в философии естественного права. Здесь проявляется иной оттенок *sensus communis*. Общее чувство у Горация и некоторых стоиков мыслится не как само-собой-разумеющееся, а как идеал, к которому необходимо стремиться. Именно стремление к этому идеалу задает общность, как явление, продолженное во времени, поддерживает порядок вещей таким, каков он есть.

Мотив стремления к общему благу находит свое выражение у Марка Аврелия в слове *κοινονομοσικία* — именовании добродетели, которую в русской традиции можно обозначить как *простота* в противоположность надутости, гордости и пафосности. При этом *пафосность* мыслится как противоположность естественному ходу вещей, враг жизненности, источник вражды и дисгармонии. Эти же мотивы заимствует Шефтсбери в своей книге «Sensus Communis: опыт о свободе остроумия и чувство юмора» (см.: [9]).

Итак, в древнегреческой философии формируется широкий кластер понятий с предикатом *koinos* — общий. При этом общность мыслится в нескольких значениях, во-первых, как свойственная всем людям или разделяемая всеми в силу единства человеческой природы или похожести образа жизни способность к синтезу общих понятий, во-вторых, как нечто простое, в значении общепонятного, то, что не требует обоснования и доказательства.

Античная культура не знает повседневности как таковой, в ней есть намеки на нее под именем противопоставления мнения и истины. Эпоха эллинизма создает лишь возможность «повседневности», окончательно эта идея раскрывается только в дискурсе авармических религий через понятие «мирская суета» как противопоставление профанного и сакрального времени. Вопрос о соотношении профанного и сакрального времени, поставленный М. Элиаде, в современных культурологических штудиях еще далек от разрешения [10]. Думается, профанное время до возникновения религий спасения не есть еще в полной мере время повседневное, а лишь протоповседневное; «повседневность» же появляется тогда, когда происходит отделение Бога от Мира; мифологическое пространство — сакральное место, где Бог и есть мир, а христианское пространство — это материя, лишь сопричастная Богу, сакрализованное место.

Библиографический список

1. Арентс Х. Vita Active, или О деятельности жизни. СПб. : Алетей, 2000. 437 с.
2. Аристотель. О душе // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 369—450.

3. *Артемьева О. В.* О здоровом смысле : материалы к докладу // Материалы теоретического семинара сектора «Этика», 10 апр., 2012 г. / Ин-т философии РАН. М., 2012. С. 47—59.
4. *Платон.* Менон // Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. С. 575—612.
5. *Платон.* Теэтет // Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1993. Т. 2. С. 192—274.
6. *Романенко Ю. М.* Бытие и естество: онтология и метафизика как типы философского знания. СПб. : Алетейя, 2003. 779 с.
7. Фрагменты ранних греческих философов : антол. / под ред. И. Д. Рожанского. М. : Наука, 1989. 575 с.
8. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // Вопр. философии. 1989. № 9. С. 116—157.
9. *Шефтсбери Э.* Эстетические опыты : (история эстетики в памятниках и документах). М. : Искусство, 1975. 543 с.
10. *Элиаде М.* Священное и мирское. М. : Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
11. *Эниктет.* Беседы / пер. с древнегр. Г. А. Тароняна. М. : Ладомир, 1997. 312 с.
12. *Эпштейн М. Н.* Философия возможного. СПб. : Алетейя, 2001. 334 с.
13. *Flyvbjerg B.* Making sociology matter: phronetic sociology as public sociology // Public Sociology / ed. by M. H. Jacobsen. Aalborg : Aalborg University Press, 2008. P. 1—20.
14. *Renon L. V.* Aristotle's endoxa and plausible argumentation // Argumentation. 1998. Vol. 12, iss. 1. P. 95—113.

ББК 87.252:22.1

*А. А. Толстопятов***ЧТО ТАКОЕ КАТЕЛОГИЯ**

*Светлой памяти П. Г. Кузнецова посвящается
(к 90-летию со дня рождения)*

Изложен метод представления научного знания с помощью категориальных пар. Проанализированы его достоинства и недостатки. Проведено сравнение этого метода с методом построения математических и компьютерных моделей. Рассмотрена возможность его применения к конструированию информационных и информационно-управляющих систем.

Ключевые слова: категориальная пара, логическая форма, логическая сетка, предметная область.

We will explain a method of presentation of scientific knowledge with the help of categorial pairs. Proceeded its advantages and disadvantages. A comparison of this method with the method of construction of mathematical and computer models. The possibility of applying this method to the design of information and information management systems.

Key words: categorial pair, logic form, logic net, subject domain.

Термин «кателогия» предложен С. Б. Пшеничниковым, по инициативе которого и был начат проект исследования возможностей применения

© Толстопятов А. А., 2013

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 13-07-00659).

философских категорий в прикладных областях. Это в первую очередь категориальный анализ таких информационных систем, как «Википедия», банк рецензий на видеофильмы и прочее, и категориальный анализ описания искусственных систем, функционирующих только при наличии управления, например электроэнергетики. Целью настоящей работы является изложение самого метода кателогии и обсуждение возможностей его применения в прикладных областях. Как С. Б. Пшеничников, так и автор этой работы являются учениками Побиска Георгиевича Кузнецова. В начале 80-х гг., когда П. Г. Кузнецов занимал должность генерального конструктора систем антикризисного управления в Третьем главном управлении Военно-промышленной комиссии при СМ СССР, во время многочисленных бесед между нами и начал складываться метод категориального анализа в конструктивной форме, который теперь предложено назвать кателогией. Этот метод восходит еще к Гегелю, к его первой книге «Феноменология духа» [7], где он был применен к анализу сознания, и далее к «Науке логики» [6] и первому тому «Энциклопедии философских наук» [8]. Но то, как Гегель изложил этот метод, делает его трудноприменимым к конкретным задачам. И дело не только в тяжеловесном языке философа, а в первую очередь в том, что при его жизни (он умер в 1831 г.) научное знание еще не было доведено до своей высшей формы — фундаментальной теории. Если говорить о самой первой как во времена Гегеля, так и сейчас науке — физике, то из шести существующих теперь фундаментальных физических теорий тогда была всего одна — механика. Но ведь предметом категориального анализа как раз и служат фундаментальные теории. Именно это и толкнуло Гегеля на путь спекуляции — заполнения переходов между категориями чисто умозрительными конструкциями, что сделало многие места его работ, особенно второй том «Энциклопедии философских наук» — «Философию природы» [9], нелепыми с точки зрения современной науки. Очищению гегелевского метода от этих нелепостей и превращению науки логики в категориальный анализ (предмет — фундаментальные научные теории) и далее в кателогию (предмет — прикладные науки, решающие задачу конструирования того, чего в природе нет) мы и обязаны П. Г. Кузнецову. О нем еще при жизни (он умер в 2000 г.) вышли две книги [16, 17]. С тем, как он применял метод философских категорий, можно ознакомиться в работах [1, 5, 11, 13—15]. Автор настоящей статьи использовал данный метод для анализа развития фундаментальных физических теорий [18—20]. В процессе этой работы как раз и выработалась та терминология и то понимание возможностей метода категориального анализа, которые позволяют рассмотреть вопрос о перенесении указанного метода в прикладные науки, т. е. вопрос о том, что есть кателогия.

Метод категориальных пар

Гегель разделял сферу логического на три части: абстрактную, или рассудочную, диалектическую, или отрицательно разумную, и спекулятивную, или положительно разумную [8, с. 131]. Именно отсюда метод Гегеля часто сводят к триаде: тезис — первая часть, антитезис — вторая часть, синтез — третья часть. Эта терминология не представляется удачной. Нам кажется, что более конструктивная терминология предложена Э. В. Ильенковым [10, с. 139—140], поскольку она применима не только к сфере духа, познающего свое инобытие — природу, т. е. к системе Гегеля, а к любой паре философ-

ских или логических категорий. Вот этот момент — то, что категории обязательно образуют пары, — является ключевым в понимании метода категориальных пар применительно к любой, в том числе и прикладной, предметной области. Категория — это понятие высшей степени абстракции. Поэтому для нее не существует родового понятия, т. е. понятия более широкого по объему, чем категория. Следовательно, категория не может быть определена методом формальной аристотелевской логики — путем выделения внутри родового понятия видового отличия. А это значит, что категория может быть определена только по отношению к другой категории — своей противоположности. Отношение двух противоположных категорий внутри пары называется логической формой. Э. В. Ильенков предлагает назвать эти формы, а их три, догматизмом, скептицизмом и спекуляцией [там же]. Пусть A и B — пара категорий, тогда логическая форма является:

— догматизмом, если A есть, B нет или B есть, A нет;

— скептицизмом, если A есть, B есть, A не есть B , B не есть A , A определяет B или B определяет A ;

— спекуляцией, если A есть B и B есть A .

П. Г. Кузнецов испытал большое влияние Э. В. Ильенкова, который был его личным другом. Он говорил мне: «Ты не думай, что я сам по себе такой хороший философ. Просто я долго общался с нашим самым выдающимся философом». Он имел в виду Эвальда Васильевича Ильенкова. И не случайно, что единственная печатная работа П. Г. Кузнецова [12], посвященная анализу логических форм и сравнению их с формами грамматическими, — это доклад на Ильенковских чтениях.

Категориальные пары — есть элементы системы, которая называется логической сеткой. Структура, связывающая категориальные пары в такую сетку, — это деление категории (не пары) парой категорий. Категория, которая делится парой, является более абстрактной, чем категория, входящая в делящую пару. Логическая сетка это и есть та форма, в которой должен быть представлен результат применения метода категориальных пар (МКП) к конкретной предметной области, а точнее к формам знания об этой предметной области. Таким образом, развитие знаний о конкретной предметной области идет по двум направлениям:

— увеличение числа категориальных пар в логической сетке;

— переход хотя бы одной пары категорий от менее развитой логической формы к более развитой — от догматизма к скептицизму, а от него к спекуляции.

Если знание о конкретной предметной области развивается достаточно долго, то МКП дает возможность проследить эволюцию теорий об этой предметной области. На примере фундаментальных физических теорий оба указанных выше направления прослеживаются совершенно отчетливо, что и позволило их обнаружить [21].

Изложенная выше абстрактная схема МКП обладает как достоинствами, так и недостатками, без понимания которых построить логическую сетку невозможно. Обсудим их.

Достоинства и недостатки МКП

Чтобы осознать место и возможности МКП внутри научного знания, необходимо понять структуру последнего. С точки зрения МКП научное

знание развивается как цепочка категориальных пар: Единственное — Особенное; Особенное — Всеобщее; Всеобщее — Особенное; Особенное — Единственное. Или короче:

$$E - O \rightarrow O - B \rightarrow B - O \rightarrow O - E.$$

В паре $E - O$ категории E соответствует эмпирический факт, а категории O — эмпирическая модель, т. е. самая простая и поэтому появляющаяся первой научная теория. Теория (та самая форма знания, которое только и заслуживает названия научного) есть система понятий. Структура этой системы, т. е. понятия в их взаимосвязи, — совокупность законов данной теории, внутри которых понятия и определяются. В эмпирической модели, появляющейся по схеме

слово \rightarrow термин \rightarrow понятие,

словом называется всё то, что относится к эмпирическому факту. Термин — это слово лишенное полисемии, т. е. слово с однозначным толкованием. Термин есть форма понятия, а понятие — содержание термина. Эмпирических моделей много. Столько, сколько есть эмпирических фактов. В паре $O - B$ категории B соответствует фундаментальная теория. Многие эмпирические модели (O) превращаются в единственную фундаментальную теорию (B). Это доказывается тем, что конкретные понятия в фундаментальной теории получаются, если данные понятия основные, из абстрактных категорий. В паре $O - B$ O соответствует теоретическая модель, т. е. теория, относящаяся к особенной части предметной области, понятия которой берутся в готовом виде из фундаментальной теории. Наконец, в паре $O - E$ E соответствует факт, предсказанный на основе теоретической модели.

Предметом МКП как раз и являются указанные выше три типа научных теорий. Не имея этого предмета, как было во времена Гегеля, невозможно построить логическую сетку, т. е. довести действие МКП до конечного результата.

Таким образом, главным недостатком МКП является то, что он применим только к такому знанию, которое доведено до уровня научной теории. Он ни в коей мере не является методом анализа и синтеза эмпирических фактов. Они должны быть сначала превращены в научные теории, к которым МКП уже применим.

Главное достоинство МКП заключается в том, что категории, логические сетки абстрактны. Это значит, что для различных предметных областей категории могут превращаться в совершенно разные конкретные понятия. Например, рассмотрим категории пары Дискретное — Непрерывное. В предметной области «мертвая природа» они превращаются в понятия «материальная точка» и «поле», а в области живой природы — в понятия «организм» и «жизнь». Абстрактность категорий приводит к тому, что их мало, и поэтому на абстрактном, логическом или философском уровне появляется возможность сравнивать теории, относящиеся к разным предметным областям. Как показано в [21], пять фундаментальных физических теорий требуют всего четырех категориальных пар (если не считать категорию Материальное, которая для предметной области «мертвая природа» всегда находится в самой неразвитой догматической форме). Дальнейший анализ этих теорий выявил,

что нужны еще две пары [19]. Логические сетки для этой предметной области содержат всего четыре уровня абстрактности. И это тоже — малое число уровней абстрактности — достоинство МКП. Для каталогии данное достоинство открывает путь архивирования научного знания, т. е. представления его в компактной форме, но содержащей всё существенное. Это позволяет развернуть указанную форму в форму любой степени конкретности. Отметим, что число категориальных пар, входящих в логическую сетку, зависит от числа уровней абстрактности по экспоненциальному закону $N = 2^{n+1}$, где n — число уровней абстрактности, а N — число категориальных пар. Это значит, что при $n = 10$, $N \approx 2000$.

Наконец, отметим, что еще в 30-х гг. XX в. Альберт Эйнштейн хорошо почувствовал, именно почувствовал, а не понял, так как он не использовал МКП, эту особенность развития научного знания. Он писал: «Эволюция проходит в направлении всё увеличивающейся простоты логических основ. Больше того, чтобы приблизиться к этой цели, мы должны решиться признать, что логические основы все больше и больше удаляются от данных опыта, и мысленный путь от основ к вытекающим из них теоремам, коррелирующим с чувственным опытом, становится всё более трудным и длительным» [22, с. 226].

Понятия и категории

При движении от Единичного через Особенное к Всеобщему, т. е. от экспериментального факта через эмпирическую модель к фундаментальной теории, мы идем от конкретного к абстрактному. При движении от Всеобщего через Особенное к Единичному, т. е. от фундаментальной теории через теоретическую модель к предсказанному факту, мы идем от абстрактного к конкретному. В первом случае каждое понятие превращается в абстрактную категорию, а конкретные теории в абстрактные логические сетки. Это происходит по следующему алгоритму: выделяем среди понятий данной теории основные, из которых остальные получаются указанием видовых различий; сопоставляем каждому основному понятию категорию; дополняем эту категорию до пары; зная, как понятия связаны в законы, ставим каждую такую пару в определенную логическую форму; располагаем эти логические пары в зависимости от степени абстрактности входящих в них категорий на разных уровнях абстрактности; получаем логическую сетку данной теории.

Чтобы превратить логическую сетку в конкретную теорию, нужно заполнить конкретным содержанием входящие в логические формы связки «есть», «нет», «не есть», «определяет». И тогда абстрактные категории превращаются в конкретные понятия, а логические формы в конкретные законы. Откуда брать это содержание? Только из конкретной предметной области, представленной конкретной научной теорией. Таким образом, становится понятной роль предметных областей и возникает вопрос об их классификации.

Классификация предметных областей

При построении любой классификации главным вопросом является вопрос о классифицирующих признаках, позволяющих разбить классифицируемые вещи на непересекающиеся и непустые классы. Когда речь идет о предметных областях, то всегда классифицируют вещи и (или) процессы, с этими вещами происходящие. Если вещи двигаются (в широком смысле слова), то возникают потоки. Этих потоков может быть только четыре:

- 1) поток вещества (ПВ),
- 2) поток энергии (ПЭ),
- 3) поток информации (ПИ),
- 4) поток социального времени (ПСВ).

Если есть поток энергии, то обязательно есть и поток вещества, причем в любой предметной области оба этих потока присутствуют обязательно. Следовательно, предметные области различаются наличием или отсутствием потоков с номерами 3 и 4. При этом, если есть поток социального времени, то обязательно будет и поток информации. Таким образом, мы получаем три предметные области на самом высоком уровне абстракции:

- 1) мертвая природа — ПВ + ПЭ,
- 2) живая природа — ПВ + ПЭ + ПИ,
- 3) разумная и социальная природа — ПВ + ПЭ + ПИ + ПСВ.

Отметим, что эти потоки взаимодействуют друг с другом и в каждой предметной области образуют иерархическую структуру, а именно: появление в живой природе потока информации кардинальным образом меняет характер ПВ и ПЭ. Если в мертвой природе ПВ и ПЭ подчиняются второму закону термодинамики и протекают в направлении выравнивания концентраций разных веществ для ПВ и уменьшения свободной энергии для ПЭ, то в живой природе, которая и является живой благодаря потоку генетической информации, ПВ идет в сторону увеличения градиента концентрации разных веществ, а свободная энергия в биосфере возрастает. Это было понято В. И. Вернадским (концепция биосферы), а также Э. Бауэром (концепция устойчивого неравновесия) [2, 3]. Наконец, в разумной и социальной природе целью жизни как отдельной личности, так и одной из семи социальных общностей, выделенных П. Г. Кузнецовым [14], является управление потоком социального времени. Описание этого процесса, подчиняющегося основному закону истории, сформулированному П. Г. Кузнецовым [11], требует отдельной работы. Здесь же отметим, что в разумной и социальной природе ПВ, ПЭ и ПИ — это только средства для управления потоком социального времени. И осуществляется это управление путем конструирования и создания каналов для ПВ, ПЭ, ПИ, причем эти каналы служат для транспортировки вещества, энергии и информации не только в пространстве, но и во времени [15]. Функционирование и создание этих каналов возможно постольку, поскольку в разумной и социальной природе существуют информационные системы, позволяющие оценивать состояние этих каналов, и информационно-управляющие системы, дающие возможность переводить действительные параметры трех каналов в желательные. П. Г. Кузнецов хорошо понимал эту природу процессов управления в социально-экономических системах. Поэтому он всё время предлагал разрабатывать физическую экономику, т. е. науку, где экономическое состояние общества описывается в физически измеряемых величинах. Без такого описания качественное управление в принципе невозможно. Детальное рассмотрение того, как действует МКП в предметной области «разумное и социальное», будет осуществлено в отдельной статье. Здесь же отметим, что в обществе управление стремится превратиться в регулирование, которое возможно только при построении адекватной математической модели того, что собираются регулировать, и оформлении этой модели в виде компьютерных программ. Поэтому возникает вопрос об отношении МКП, конкретных научных методов, математического метода и метода компьютерного моделирования при конструировании данных каналов.

Философия. Наука. Математика

Отметим, что философский МКП основан на обнаружении, фиксации, упорядочивании и разрешении противоречий. Действительно, любая категориальная пара при переходе от скептицизма к спекуляции есть разрешение противоречия, так как первоначальное утверждение, что A не есть B и B не есть A , преобразуется в свою противоположность — A есть B , и B есть A . В этом суть МКП, т. е. философского метода познания на самом абстрактном логическом уровне.

Математический метод прямо противоположен философскому. Действительно, математика возникла как искусственный язык тогда, когда потребовалось передавать знания как в пространстве, так и во времени безо всяких искажений. Произошло это с появлением гидравлических цивилизаций в Междуречье, Египте, Индии и Китае.

Именно там и тогда создается математика. Математика — это единственная форма духовной культуры, наряду с Искусством, Философией и Наукой, в которой полностью отсутствует время. Математические структуры с течением временем не меняются [4]. Они возникают одна рядом с другой. Сам этот процесс, если его рассматривать детально, требует отдельной статьи. Данное свойство математического языка обусловлено тем, что предмет математики, так же как и предмет философии, не материален, а идеален. В отличие от науки, изучающей конкретными методами материальный мир (это относится и к третьей предметной области), истинность понимания которого проверяется экспериментально, в математике эксперимент невозможен. И истинность математических теорем доказывается отсутствием в соответствующей аксиоматике противоречий и выводом этих теорем из непротиворечивых аксиом. Между противоположными по методу Философией и Математикой находится Наука. Как конкретные научные теории связаны с абстрактными логическими сетками Философии, уже обсуждалось выше. Но возникает вопрос о том, как, имея логическую сетку какой-то предметной области, получить ее описание на математическом языке, а если речь идет о процессах управления в обществе, то довести это описание до компьютерной модели, т. е. построить информационно-управляющую систему. Ответ на приведенный вопрос существует. И заключается он в следующем. В философии развитие познания какой-то предметной области идет в направлении отождествления категорий внутри пары, т. е. достижения логической формой высшей стадии — спекуляции. В математике же, где такое отождествление невозможно, ибо возникающее противоречие уничтожает математическую структуру, это отождествление заменяется отображением. В результате при обогащении сигнатуры математической структуры новыми отношениями, если рассматривать группу автоморфизмов исходной структуры и ее подгруппу, сохраняющую новые отношения, преобразования, не вошедшие в эту подгруппу, будут порождать новые структуры и их отображение друг в друга. Такая конструкция в математике называется категорией. Именно описанный взгляд на природу математики позволяет связать философское описание на языке логических сеток с математическим описанием на языке теории категорий. Используя гегелевский термин «ирония истории», можно сказать: в данном случае эта ирония проявляется в том, что введенный 2500 лет назад термин «категория» в философии совпал с введенным в 40-е гг. XX в. термином «категория» в математике. А логический анализ Математики, Науки, Философии показал, что это совпадение отнюдь не случайно.

Библиографический список

1. *Бартини Р., Кузнецов П. Г.* Множественность геометрий и множественность физик // Моделирование динамических систем. Брянск, 1974.
2. *Бауэр Э.* Теоретическая биология. СПб. : Росток, 2002. 352 с.
3. *Бауэр Э.* Физические основы в биологии. М. : Изд-во Мособлисполкома, 1930. 104 с.
4. *Бурбаки Н.* Архитектура математики // Бурбаки Н. Очерки по истории математики. М. : Иностр. лит., 1963. С. 245—260.
5. *Гвардейцев М. И., Кузнецов П. Г., Розенберг В. Я.* Математическое обеспечение управления. Меры развития общества. М. : Радио и связь, 1996. 176 с.
6. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. М. : Соцэкгиз, 1937. (Соч. : в 14 т. ; т. 5, 6).
7. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. М. : Соцэкгиз, 1959. 487 с. (Соч. : в 14 т. ; т. 4).
8. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. М. ; Л. : Госиздат, 1929. Ч. 1 : Логика. 437 с. (Соч. : в 14 т. ; т. 1).
9. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. М. ; Л. : Госиздат, 1934. Ч. 2 : Философия природы. 767 с. (Соч. : в 14 т. ; т. 2).
10. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика : очерки истории и теории. М. : Политиздат, 1974. 271 с.
11. *Кузнецов П. Г.* Законы истории и социальное конструирование XXI века // Россия XXI : обществ.-полит. и науч. журн. 1993. № 6. С. 76—84.
12. *Кузнецов П. Г.* Тожество и противоположность грамматических и логических форм // Ильенковские чтения : тез. выступлений. М. ; Зеленоград, 1999. С. 109—113.
13. *Кузнецов П. Г.* Физические величины, физические законы и геометрические объекты : (о значении кинематической системы единиц Р. Бартини) // Из истории авиации и космонавтики. М. : Ин-т истории, естествознания и техники АН СССР, 1976. Вып. 28. С. 30—40.
14. *Кузнецов О. Л., Кузнецов П. Г., Большаков Б. Е.* Система Природа — Общество — Человек. Устойчивое развитие. М. ; Дубна : Ноосфера, 2000. 392 с.
15. *Образцова Р. И., Кузнецов П. Г., Пиеничников С. Б.* Инженерно-экономический анализ транспортных систем : методология проектирования автоматизированной системы управления. 2-е изд. М. : Радио и связь, 1996. 215 с.
16. *Побиск Георгиевич Кузнецов : идеи и жизнь.* М. : Концепт, 1998. 120 с. Препринт.
17. *Побиск Георгиевич Кузнецов : идеи и жизнь.* М. : Концепт, 1999. 188 с.
18. *Толстомятов А. А.* О философском, физическом и материалистическом содержании специальной и общей теории относительности // Философия и будущее цивилизации. М. : Современные тетради, 2005. Т. 1. С. 480—481.
19. *Толстомятов А. А.* О числе категориальных пар в логических сетках фундаментальных физических теорий // Наука. Философия. Общество. Новосибирск, 2009. С. 118—119.
20. *Толстомятов А. А.* Структура научного знания и логика развития фундаментальной физики // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Ростов н/Д, 2002. Т. 1. С. 90—91.
21. *Толстомятов А. А.* Три столпа учения Побиска Кузнецова // Инженерия истории. М. : Всемирный фонд планеты Земля, 2002. Т. 2. С. 44—99.
22. *Эйнштейн А.* Физика и реальность // Эйнштейн А. Собр. науч. тр. : в 4 т. М. : Наука, 1967. Т. 4. С. 200—227.

РЕЦЕНЗИИ

А. А. Григорян

Рец. на кн.: Прошин А. В. **Словарь функциональных синонимов английского языка**. Челябинск : Центр интеллектуал. услуг «Энциклопедия», 2011. 692 с.

Рецензируемое издание представляет, насколько нам известно, первый в отечественном языкознании опыт лексикографического описания функциональных синонимов английского языка. Автор справочника сосредоточил свое внимание на описании стилистических синонимов английского языка, их системных характеристик. Это, конечно, ни в коей мере не означает недооценку прагматических и семантических параметров рассматриваемых единиц. Подобный подход позволяет судить о масштабах явления синонимии в языке и о роли стилистического значения в общей семантической структуре той или иной языковой единицы.

Словарь состоит из более чем 9 тыс. стилистически нейтральных единиц языка (справедливости ради укажем, что этот принцип — стилистической нейтральности — на наш взгляд, выдерживается не всегда) в качестве вокабул и их синонимов, относящихся к различным функциональным стилям. Кроме того, словарь снабжен русско-английским указателем, облегчающим читателю поиск информации. К сожалению, в справочнике отсутствует список использованных лексикографических и иных языковедческих источников, если не считать ссылок на несколько книг и статей, упоминаемых автором во введении.

Думается, что совершенно оправданным является принцип выделения автором структурно однословной вокабулы. Такие вокабулы составляют порядка 97 % от общего количества словарных статей. Еще одним принципиальным моментом при выделении вокабулы является, как уже указывалось, ее стилистическая нейтральность, понимаемая автором в качестве «универсального и единственного средства толкования как семантического, так и собственно стилистического (прагматического) содержания того или иного высказывания» (с. 12). Нейтральность в работе рассматривается как особый вид стилистического значения, направленного на максимально объективную интерпретацию обозначаемого. На первый план выходит номинативная, идентифицирующая функция наименования. При этом характеризующая функция редуцируется или даже в ряде случаев нейтрализуется. Следует отметить, что два упомянутых принципа — однословности и нейтральности — иногда вступают в противоречие друг с другом, поскольку возникают ситуации, в которых неизбежен поиск компромисса между нейтральностью вокабулы и ее неоднословностью. Заметим, что с этой нелегкой задачей автор справляется, предлагаемый им компромисс по преимуществу представляется разумным. Вместе с тем в некоторых случаях не возникает ощущения бесспорности предложенного варианта. Например, неоднословная вокабула *not at all* едва ли может быть отнесена к нейтральным. Более того, стилистиче-

© Григорян А. А., 2013

ские синонимы, предлагаемые в соответствующей статье с пометой *разг.*, едва ли можно считать таковыми. Представляется, что выражения *I'm a Dutchman if I do it, I'll be hanged if...*, *Not on your life, Not on your Nelly, Over my dead body* имеют несколько иное значение по сравнению с заглавной вокабулой.

К безусловным достоинствам словаря следует отнести учет различных способов номинации в книжной и разговорной речи. Прделана огромная работа по выделению стилистических синонимов, связанных с использованием библеизмов, мифологизмов, поэтизмов, латинизмов, грецизмов, жаргонизмов разного рода. В этой связи хотелось бы понять, насколько оправданной является помета «сленг» при описании той или иной вокабулы. Возможно, было бы более естественным рассматривать его как одну из разновидностей жаргона.

Представляется, что автору словаря удалось хорошо показать особенности стилистической парадигмы английского слова, отражающей общность/ близость идеографического содержания и противопоставленность по прагматическому признаку. Знакомство со словарем позволяет судить о правомерности и целесообразности выделения собственно стилистического значения, так как содержание языкового знака раскрывается в конкретной коммуникативной ситуации. При принятии решения говорящим субъектом учитывается целый комплекс параметров, включая стилистическую характеристику языковой единицы. В частности, выделяя стилистические синонимы нейтрального (?) английского слова *obstinate*, автор предлагает такие варианты, как *hard-head* и *recalcitrant*, первый из которых справедливо отнесен к девальвированному модусу речи, а второй — к сублимированному. Другое дело, насколько нейтральной, лишенной оценочности может считаться сама вокабула *obstinate*.

В предисловии к словарю автор совершенно справедливо отмечает неправомерность чрезмерно расширительного толкования понятия синонимии, при котором слова, обозначающие одно и то же лицо в конкретном контексте, относятся к синонимам. Например, отмечает А. В. Прошин, слова «сосед», «он», «благообразный господин» могут быть признаны синонимами, что выглядит довольно сомнительно. В подобных случаях речь идет «об анафорических отношениях, устанавливающих кореферентность имен (их отнесенность к одному и тому же объекту), и здесь нет синонимии, т. к. имена не обнаруживают никакой семантической близости» (с. 7). Вместе с тем, описывая синонимы вокабулы *car*, автор предлагает вариант *she* (с. 108). Возможно, здесь сказывается гендерный фактор персонификации мужчинами своих машин. Заметим, что женщины в аналогичной ситуации скорее обращаются к своему транспортному средству как к *he* (*Fill him up!* — просьба женщины-водителя к работнику заправки).

На наш взгляд, столь интересное издание только бы выиграло, если бы все предлагаемые стилистические синонимы и пометы к ним были напечатаны несколько более крупным шрифтом. Мы понимаем, что это неизбежно привело бы к увеличению объема справочника, однако удобство пользования словарем несомненно бы возросло.

В заключение отметим, что «Словарь функциональных синонимов английского языка» А. В. Прошина очень интересный и полезный для переводчиков, преподавателей, аспирантов и всех интересующихся английским языком «инструмент», который поможет ориентироваться в тонкостях стилистических синонимов языка.

И. В. Дмитриевская

Отзыв на: Смирнов Д. Г. Онтолого-гносеологические основания ноосферной истории: универсумно-семиологический и системно-синергетический подходы : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2012. 475 с.

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления и разрешения глобального противоречия, возникшего на всем современном цивилизационно-психологическом пространстве. Г. С. Смирнов удачно назвал его ноосферным конфликтом. Глубокий анализ этой проблемы дан в статье А. П. Назаретяна «Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд» (Вопр. философии. 2009. № 5). Мы считаем, что основное цивилизационное противоречие эпохи постмодерна заключается в возникновении «ножниц» между тремя составляющими ноосферы — техносферой, социосферой и сферой бытия личности. В век компьютеризации и тонких технологий социум техницизируется быстрыми темпами, а человек включается в технологическую систему как ее компонент. Разросшиеся функции мертвого бездушного автомата навязываются живому человеку как внутреннее состояние. Люди отвыкают от непосредственного восприятия мира, от живого созерцания, от искреннего выражения чувств. Святая святых, человеческое сознание теряет творческий потенциал, передавая функции мышления компьютеру. Укрепляется желание мыслить по стандарту, в определенной парадигме; говорить сухо, бесцветно, стереотипно. Личность нивелируется, обесмысливается. Существование человека в мире автоматов все более отдаляется от его «богочеловеческой» (по словам Вл. Соловьева) сущности. Налицо экзистенциальная ситуация, суть которой — антагонизм между техницизированным бытием в социуме и гуманитарной сущностью человека. Серое, бездушное, однообразное существование рождает психологический протест — в обществе усиливается агрессивность в отношениях между людьми, растут наркомания, алкоголизм, преступность, психические заболевания. Необходимо осмысление технико-гуманитарного конфликта современной эпохи и открытие новых смыслов для его решения. Нужны поиски форм техногуманитарного баланса, разработка компенсаторных механизмов для живых людей, включенных в сложные компьютерные технологии.

Такой анализ проводится в диссертации Д. Г. Смирнова. Речь идет о том аспекте ноосферной реальности, который выступает как **ноосферная история**. В этом плане вопрос не ставился и не решался ни в философии истории, ни в ноосферологии, ни в социологии, ни в онтолого-гносеологических работах.

Автор исследует основания, структуру, предмет ноосферной истории с целью выявить и раскрыть сущность всеобщего свойства ноосферности, существование которого в истории человечества и бытии каждого человека определяет степень его реальности, обуславливает его целостность, жизнеспособность, творческий потенциал, физическое и душевное здоровье, а в этическом отношении направленность жизни к добру, истине, красоте.

© Дмитриевская И. В., 2013

Остановимся на некоторых, на наш взгляд, наиболее интересных аспектах диссертации. В чем основная *«интрига»* текста диссертации? Мы думаем, что источник развития человечества автор видит не в экономических, политических и других противоречиях, разрешение которых приводит в движение большие *массы* людей, а в *информационной* составляющей человеческого бытия. Определяя ноосферу как *Универсум*, он принимает и системное определение, согласно которому ноосфера — системно организованное Всеобщее; уровень концепта (системообразующего свойства) занимает *информация*, структуры (системообразующего отношения) — *энергия*, субстрат — особого рода *«вещество»* (техника, социум и личность). До сих пор конфликты, разрешение которых двигало историю, касались только *субстрата, отчасти структуры* системы («Большая история», «малая история», «Универсальная история», «локальная история» и т. п. — с. 34—35 автореферата). Но суть *ноосферной истории* в том, что доминантные составляющие ноосферы являются *концептуально-структурными, информационно-энергетическими*. И «правильное» развитие системы — от концепта и структуры к субстрату, *от свойств и отношений к вещам*, от информации к энергии, а затем и веществу.

В постнеклассический период развития науки и техники акценты истории сместились: помимо конфликтов «субстратного уровня» (противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой, личностью и обществом и т. п.) возникают противоречия информационно-энергетические, информационно-социальные, информационно-личностные и тому подобные, т. е. концептуально-структурные (информационно-энергетические). Они-то и исследуются в работе. Прослеживается действие основного ноосферного закона в ноосферной истории человечества, а также действие обратного семиотического закона. Рассматривается возникновение и разрешение конфликтов между разными «пластами» ноосферы — техносферой, социосферой, сферой личностного бытия.

Задачи решаются с помощью современного методологического аппарата — семиотики, системного подхода, синергетики, который бурно развивается как в естествознании, так и в методологии науки.

Интрига сохраняется и развивается на структурном уровне организации текста. Исторический процесс рассматривается как развивающаяся *знаковая ситуация*. Содержательно — это движение истории от *неноосферного бытия* человечества к *доноосферному*, затем к *ноосферному*. Структурно предполагается усложнение знаковых ситуаций и знаковых систем — от знаков предметных к знакам-образам, знакам-понятиям, затем к знакам-символам.

Свойство ноосферности бытия проявляется с течением исторического времени все шире и глубже и придает историческому времени качество времени ноосферного. Понятие «историческое время» по содержанию и объему не совпадает с «ноосферным»: объемы этих понятий в отношении частичного совпадения — некоторые исторические времена являются ноосферными и наоборот. По содержанию суть исторического времени такова: это способ упорядочения событий социальной жизни (политических, экономических, культурных, религиозных и т. п.); из хронологической последовательности событий выводятся эмпирические закономерности социального бытия. Суть ноосферного времени — обнаружить в развитии социума действие ноосферного закона и, сверх того, определить *сущностное* отношение конечных земных событий к безусловному началу. Эмпирическое историческое время

аналогично линейному, профанному, а ноосферное — циклическому, мифологическому, сакральному. *Ноосфера* — область бытия, охватываемая, контролируемая, управляемая *разумом* человека. Работа разума, ее результаты фиксируются *в информации* (концептуальный уровень системы ноосферы). Информационные процессы протекают, а их результаты фиксируются в содержании *культуры* человечества. Поэтому закономерно исследовать развитие ноосферной истории как истории культуры, рассматривая системообразующую роль культуры в становлении ноосферы. Диссертант решает эту проблему в *семиотической парадигме*, заключая, что процессы развития ноосферы — *синэргийные*. Развитие знаковой ситуации как генерация *ноосферных смыслов* имеет определенный вектор — движение от предметных знаков через знаки-образы, знаки-понятия к *символам*. Символ — специфическая форма знака, фиксирующая ноосферное событие. Символ — многосмыслен, причем смыслы меняются во времени и пространстве. Символы — высокоинформативны, так как имеют высокий интерпретационный коэффициент. Поэтому они живут в разных исторических эпохах, в разных социумах. Символы — генераторы сакральных смыслов, в которых фиксируется отношение временного и вечности. Существование такого типа знаков — необходимый признак ноосферного события. Символ — носитель информации, генерирующей мощные «кванты» сакральной энергии. Социум, в культуре которого доминируют символы, обладает высокой степенью ноосферности.

Информационный концепт ноосферной истории порождает разные формы пассионарности (энергии), которая, в первую очередь, структурирует разные формы социального бытия. Таким образом, применение универсумно-семиотического подхода позволяет прогнозировать возможности разнообразных видов, типов и форм социализации, которые моделируются как возможные социальные миры. Нужно исследовать их целесообразность в определенных исторических условиях.

В диссертации Д. Г. Смирнова содержится дополнение основного ноосферного закона — «обратный семиотический закон»: вещество «распаковывается» в энергию, энергия производит информацию. Следование ему даст возможность конкретизировать взаимосвязь между материей и формами духа (социокультурной реальности) в онтогносеологическом и аксиопраксиологическом аспектах (с. 15 автореферата). Следует заметить, что автор стремится придать понятиям «ноосфера», «ноосферная история» *материалистическое* содержание, несмотря на то что *ноосфера* — концептуально-информационная система (у Тейяра де Шардена «ноосфера» — это Божественная среда). Тем самым ставится грань между религиозной объективно идеалистической трактовкой «ноосферной истории», с одной стороны, и материалистическим пониманием — с другой. Ноосферные смыслы — это отражение реальных и даже материальных исторических явлений. Скажем, развитие экономики может идти ноосферным (экологически целесообразным) или неноосферным путем. То же можно сказать о политике, о праве, о науке, о технике и т. п.

Частные и общие замечания учтены диссертантом. Одно замечание на будущее: надеюсь, что Д. Г. Смирнов продолжит заниматься этой перспективной темой. Концепция выстроена четко и последовательно. Работа завершена на данном этапе исследования. Она имеет аналитико-теоретический характер. Всякое теоретическое исследование должно быть в принципе *открытым* для практических применений. Нельзя вводить абсолютную определенность, концепт и субстрат должны быть «переменными», иметь

некоторую степень неопределенности. В практических разработках идет процесс превращения неопределенности в определенность разной степени точности.

Таким образом, количество семиотико-системных моделей исторической ноосферной реальности будет возрастать и ограничиваться только условиями места и времени.

Диссертация Д. Г. Смирнова представляет целостное, завершенное теоретическое исследование актуальной научной проблемы и содержит высокий уровень новизны.

Работа доказательна, логична, написана хорошим философским языком. Список литературы обширен. Содержание автореферата и опубликованных по теме работ отражает содержание диссертации. Исследование удовлетворяет требованиям ВАК, предъявляемым к докторским диссертациям по специальности 09.00.01 — Онтология и теория познания.

Считаю, что соискатель Д. Г. Смирнов заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук.

А. С. Рыкова

Рец. на кн.: Америка: литературные и культурные отображения : коллектив. моногр. / под ред. О. Ю. Анцыферовой. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. 504 с.

Одним из главных достоинств рецензируемой монографии является ее аналитическая насыщенность и поливекторность, многоуровневость, как нельзя лучше воплощающие принцип культурного плюрализма Америки, социокультурная и философская платформа которого отображена в ставшем национальной мифологемой цicerоновском изречении *E pluribus unum*. Благодаря яркой палитре имен, известных широкому кругу читателей и литературоведов, авторский коллектив, с нашей точки зрения, смог тонко и профессионально раскрыть то, что свойственно именно американскому характеру и качественно отличает культурную и литературную парадигму США от других. Американская специфика присутствует как в исследовательских подходах (разнообразных и полиаспектных), так и в самом названии книги. Выстраивая горизонт ожидания читателей и формируя запоминающийся и интригующий паратекст, оно четко отображает не только предмет, но и объект научных исканий, что в комплексе с самой книгой «выпячивает» наиболее характерную для США доминанту — ее национальное, культурное *многоголосие*. Именно упомянутому выше многоголосию подчинена и структура монографии.

Необходимо отметить, что наряду с маститыми американистами право голоса в ней получают и молодые талантливые исследователи, не говоря уже о научном «мультикультурализме», ведь авторами монографии являются

известные представители национальной американистики не только России, но и Белоруссии (Ю. В. Стулов), Украины (Н. А. Высоцкая), Великобритании (Е. А. Добренко).

Важный аспект выявления своеобразия и целостности «звучания» голоса Америки — определение ее национальных контуров путем акцентирования ключевых этапов, тенденций, понятий и идеологем национальной литературно-культурной эволюции, что и представлено в целом ряде обзорно-аналитических глав книги. Именно эти разделы работы формируют крепкий каркас-рамку для богатой своим разноцветьем литературной картины США. Так, абсолютно закономерно монографию открывает диахроническое исследование основополагающего для понимания американской культуры и литературы понятия «американская исключительность» (И. В. Кабанова), через призму которого автор статьи пытается объяснить трансформацию и современное состояние литературно-культурного комплекса американской нации. Процесс очерчивания аналитического контура упомянутого комплекса продолжается в главе 8 (О. Ю. Панова), где через «традицию благопристойности» и так называемую «благопристойную литературу» происходит переосмысление идеологических стереотипов культурной ситуации рубежа XIX—XX веков. Еще один неотъемлемый для формирования и понимания американской литературно-культурной парадигмы «пограничный» этап представлен в главе 26 (В. Г. Прозоров), объектом которой становится *постмодернистский роман* рубежа XX—XXI веков. Именно постмодернистский роман, как отмечает автор, фиксирует «реальное самоощущение человеческой личности» на стыке веков и, что самое главное, возвращает читателя к «вечным “личным” вопросам и экзистенциальным тревогам» касательно своего «безумно недостоверного “Я”» (с. 405). Явление *афроамериканской литературной традиции*, представленное в главе 29 (Ю. В. Стулов), отображает еще одну кардинальную линию развития американской литературы, без учета своеобразия которой невозможно понять целостность социокультурной картины США. Автор делает акцент на изменении места афроамериканской литературы и отношения к ней в последние десятилетия, справедливо отмечая, что «проблема статуса и прав меньшинств как части мультикультурного проекта стала ключевой для американского общества, тем более что так называемая “цветная линия” (“color line”), разделяющая американцев по расовому признаку, продолжает существовать в сознании, в имущественном положении, стиле жизни, месте проживания, продолжительности жизни и множестве других параметров, определяющих общественное самочувствие личности» (с. 436).

Кроме того, важной особенностью представленной монографии является строго выверенный *синтез классического и постклассического, литературоведения и других сфер научного дискурса*, в первую очередь это касается ракурсной интерпретации творчества того или иного автора. Речь идет об удачном совмещении классических интерпретационных моделей с современными, часто неожиданными, подходами к тексту и авторскому дискурсу. Так, например, автор главы 9 (О. Ю. Анцыферова) предлагает читателю новые перспективы рецепции творчества *Т. Драйзера* с помощью теорий Т. Веблена и Д. Рисмена. Исследователь раскрывает суть неугасающей популярности писателя, ставя в основу предвосхищение Т. Драйзером многих социальных и культурных изменений в США второй половины XX века, отображенных в его романах (особенно в жанре «производственного романа»). Нельзя

обойти вниманием и главу 13, объектом которой является творчество одного из столпов американской литературной традиции — *У. Фолкнера*. И. Г. Кондрахина (глава 13.1) предлагает междисциплинарный подход к творчеству писателя и рассматривает фолкнеровскую модель «южной общины» с точки зрения антропологии. А в главе 13.2 И. А. Делазари обращает внимание читателей и исследователей на возможные пути решения проблемы перемещения и путешествий в мире фолкнеровской Йокнапатофы. Следующая глава 14 (И. В. Морозова) обращается к творческому наследию *З. Н. Херстон*, продолжая исследование американского Юга и теперь уже афроамериканской идентичности с точки зрения культурной антропологии. Неординарностью подхода привлекает глава 19 (О. Ю. Анцыферова, В. Р. Седова), в которой хорошо известный роман «Полет над гнездом кукушки» *К. Кизи* обретает новое аналитическое звучание с помощью инструментария гештальт-психологии. Анализ игровой природы постмодернистской художественной практики театра предлагает автор главы 25 (Н. А. Высоцкая), прослеживающая (на материале пьес *Т. Кушнера*) трансформацию ренессансных и барочных тенденций на «разных ярусах» современной культуры и театрально-драматургической деятельности. Как справедливо отмечает автор, это позволяет драматургу «с особой свежестью сформулировать свою позицию в отношении ключевых общественных и духовных проблем современности» (с. 386).

Еще одним не менее важным преимуществом данной работы является ее так называемый *компаративный аспект*, в рамках которого представлено несколько исключительно интересных статей. Среди них стоит отметить главу 10 (А. А. Асвацатуров), посвященную исследованию параллелей между творчеством *А. Бергсона* и *Г. Миллера*. Интерес вызывает материал, изложенный в главе 21 (О. С. Андреевских), где анализируются яркие примеры переосмысления личной и творческой биографии *В. Вульф* в современной американской литературе на материалах пьесы *Э. Олби* «Не боюсь Вирджинии Вульф» и не так давно экранизированного романа *М. Каннинггема* «Часы». В главе 25 О. Б. Карасик исследует модификацию американской традиции изображения внутреннего мира подростка, сравнивая модель, представленную в культовом романе *Дж. Д. Сэлинджера* «Над пропастью во ржи», с ее современной интерпретацией уже хорошо известным писателем молодого поколения американских романистов *Дж. С. Фоером* в романе «Жутко громко и запредельно близко».

Компаративное измерение данной работы имеет также и стратегически важный *национальный акцент*, а именно на взаимодействии/взаимовлиянии и взаимоотображении в первую очередь *американской и российской культур и литератур*. Данный аналитический ракурс дает возможность еще раз подтвердить мысль о сопричастности всех литературных и культурных традиций, их взаимопроникновении и, таким образом, определенной общности, что немаловажно как для формирования/осознания собственной национальной идентичности, так и для понимания (и вписывания себя в контекст) общих тенденций мирового литературно-культурного процесса. Среди таких работ следует отметить исследование, представленное в главе 2 (О. Б. Кафанова), в котором автор анализирует российский вектор восприятия и интерпретации личности и идей *Б. Франклина* *Н. М. Карамзиным* с акцентом на этике зарождающегося в США прагматизма (с. 41), процессе формирования нового типа личности, нового американского Адама, порожденного философией эпохи

Просвещения. Авторы глав 3 (Н. В. Сироткина) и 30 (Е. М. Апенко) раскрывают специфику русско-американского (и отчасти украинско-американского) литературно-культурного диалога: в первом случае анализируется мотив тишины и образ земного рая в «Легенде о Сонной Лощине» В. Ирвинга и творческом наследии Н. В. Гоголя, во втором — объектом исследования является проблема детерминированности мышления «цветными барьерами» (с. 444), а именно возможности интерпретации чужой культуры в романе Э. Рэндалл «Пушкин и Пиковая дама», неотъемлемой частью которого становится образ афро-русского Пушкина. Интересное измерение рецепции американской культуры представлено в главе 28 (А. Н. Таганов), где речь идет о «французском» взгляде на американскую действительность, а также взаимодействии американской и французской культур последних десятилетий через призму романа «Окна в мир» известного эпатажного французского писателя Ф. Бегбедера. В данном случае имеет место так называемый «экстериорный» анализ (анализ «извне») образа Америки в современной европейской, в определенном смысле массовой, литературе, что придает такому прочтению свежесть взгляда.

Особый интерес вызывает *интермедиаальный аспект* монографии, созвучный нынешним тенденциям в современном литературоведении. Так, в главе 15 (И. С. Киселёва) звезда мирового кинематографа Ч. Чаплин предстает в нетипичном для себя образе писателя-новеллиста. Читательскому вниманию предлагается единственная новелла американского периода творчества Ч. Чаплина «Ритм», в которой известный кинематографист предрек события грядущего мирового потрясения — распространение идеологии Гитлера и Вторую мировую войну. Автор акцентирует наше внимание на том, что Ч. Чаплин разработал и ввел в литературный и кинодискурс актуальную для тех, да, впрочем, и наших дней тему «превращения человека в механизм, некий придаток машины» (с. 248), которая впоследствии легла в основу таких известных фильмов Ч. Чаплина, как «Великий диктатор» и «Новые времена». Заключительная, 31-я глава (Е. А. Добренко) также привлекает внимание к кинематографическому дискурсу и военной тематике, а именно к специфике рецепции образов американцев в советских фильмах времен холодной войны. Интересным и новаторским, кроме объекта исследования, является выбранный подход — анализ упомянутых выше образов с помощью своего рода «метауравнения», вернее его основного принципа «тавтологии», или «тотальной валентности» (с. 445), что придает исследованию изюминку, позволяя показать хорошо известные события в неожиданном ракурсе.

Таким образом, следует отметить, что рецензируемая монография имеет особую ценность в контексте развития современной американистики на постсоветском пространстве. Важно, что творчество знаковых фигур американской литературы рассматривается в сопряжении с культурной основой истории США, а масштабность затронутой проблематики имеет разновекторную направленность как с точки зрения аналитической «оптики», так и с точки зрения эстетических и поэтикальных доминант. Все это может найти отклик у абсолютно различно подготовленной аудитории: монография является прекрасным пособием для начинающих исследователей американской культуры и литературы, поскольку намечает ключевые характеристики литературно-культурного процесса США; а маститому исследователю позволяет держать руку на пульсе современных тенденций и направлений в изучении американской литературно-культурной мозаики.

ТУРИЗМ И ГОСТЕПРИИМСТВО БЕЗ ГРАНИЦ!

С 31 мая по 2 июня 2013 г. в Ивановской области проходила Первая Международная научно-практическая конференция «Туризм и гостеприимство без границ: тенденции и перспективы развития» (<http://www.tourismconference.ru>). Инициатором данного мероприятия выступил Ивановский государственный университет в лице ректора В. Н. Егорова, который убежден, что проведение Первой Международной конференции по туризму и гостеприимству является насущной необходимостью, во-первых, потому, что туризм превратился в неотъемлемую часть социальной жизни народов мира. Безусловно, туристическая деятельность вносит большой вклад в преодоление межнациональных и межкультурных барьеров, обогащает духовно. Во-вторых, с туризмом связаны серьезные инвестиции, которые может получить страна, регион, малый бизнес, если туризм и гостеприимство организованы умело, с учетом современных мировых тенденций и международного опыта. Именно поэтому данная инициатива получила сильную поддержку со стороны Правительства Ивановской области и администрации города Иванова. Давние партнеры ИвГУ Академия бизнеса и технологии «Дания» (Дания), Фонд Ромуальдо дель Бьянко (Италия) и Университет Yeditepe (Турция) вошли в состав международного организационного комитета конференции.

Конференция открылась в одном из живописнейших мест Ивановской области — городе Плесе и продолжила свою работу в Иванове.

Необходимо подчеркнуть, что этот значимый форум объединил людей, активно занимающихся развитием туристической индустрии. В работе конференции приняли участие около 150 человек: представители профильных региональных и муниципальных органов исполнительной власти, представители десяти регионов и городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иванова, Ярославля, Владимира, Костромы, Саратова, Белгорода, Сочи, Дербента), зарубежные эксперты из Дании, Италии, Турции, Польши, Вьетнама, представители органов местного самоуправления, представители научной, туристической общественности, представители смежных отраслей, научные и образовательные институты, представители средств массовой информации и коммуникаций. Вице-губернатор Ивановской области, руководитель аппарата Правительства Ивановской области В. В. Смирнов в приветственном обращении подчеркнул роль федеральных и местных органов власти в развитии туризма, их взаимодействия, объяснил позицию губернатора М. А. Меня по данному вопросу, описал основные направления стратегического развития области в сфере туризма, проекты и программы укрепления туристического кластера. Начальник Департамента спорта и туризма Ивановской области Д. Н. Ковалевский в пленарном докладе рассказал о федеральной целевой программе по развитию внутреннего туризма на территории РФ, представил региональные инструменты государственно-частного партнерства в сфере туризма, статистические данные, механизмы финансирования туристско-рекреационного кластера «Плесь» и привел примеры отдельных мероприятий по созданию инфраструктуры туристско-рекреационного центра «Милая гора».

Ректор Ивановского государственного университета В. Н. Егоров обратил особое внимание на роль образовательного учреждения не только как базы для подготовки специалистов в области экономики туризма, межкультурных коммуникаций и регионоведения, но также как базы научно-исследовательского центра, в котором осуществляются многочисленные проекты по знакомству с культурой и национальными традициями нашего края и всей России в целом. Проректор по связям с общественностью и воспитательной работе профессор О. М. Карпова продолжила данную тему и рассказала о проекте создания совместно с Фондом Ромуальдо дель Бьянко словаря, регистрирующего культурное наследие, как инструмента информационной поддержки для гидов и туристов. Президент Фонда г-н Паоло дель Бьянко (Paolo Del Bianco) описал новую философию путешествий, основанную на ценностях и выходящую за рамки потребительского общества. На конференции часто говорили о новом виде туризма — культурном туризме, когда путешествие осуществляется с целью получения новых знаний о месте, культуре посещаемой страны. Важно подчеркнуть, что данная концепция очень активно продвигается в ИвГУ (а далее во многих образовательных учреждениях РФ) благодаря содействию и поддержке ректората, личному вкладу О. М. Карповой, а также участию Фонда.

Презентация М. Б. Пилкьяр (Mai Britt Pilkjaer), руководителя программы DATE при Академии бизнеса и технологии «Дания», показала практическую сторону внедрения новых проектов в Дании на примере Тропических лесов Рендерс и Грейсленда (точной копии дома Элвиса Пресли) с целью привлечения туристов в небольшую страну и, в частности, в регионы (не в столицу). Далее в ходе обсуждения были рассмотрены варианты создания привлекательных моментов в Плесе или в других городах Ивановской области.

Очень интересным показался доклад М. Юселена (Murat Yucelen), профессора кафедры туризма и отельного менеджмента Университета Yeditepe. Он был посвящен исследованию взаимосвязи между эффективностью командной работы, обменом знаниями и инновационным мышлением в отелях Турции. Это позволило российским участникам конференции по-новому взглянуть на данную страну, Мекку туризма.

В целом конференция прошла на очень высоком уровне, много вопросов было рассмотрено на заседаниях секций «Экономика туризма и гостиничного хозяйства», «Формирование финансовой инфраструктуры региона, развивающего туристическую и сервисную деятельность», «Менеджмент и маркетинг в индустрии туризма и гостеприимства», «“Life beyond tourism”»: изучение культурных наследий городов и стран и составление словарей для иностранных туристов. Проблемы межкультурных коммуникаций в зарубежном туризме».

По результатам данного международного форума подписана резолюция, в которой перечислены необходимые мероприятия для дальнейшего успешного развития туризма и гостеприимства в регионах и на территориях муниципальных образований. Также планируется к изданию сборник научных статей, в котором будут представлены точки зрения ученых, хозяйственных руководителей и государственных служащих по вопросам совершенствования инструментов и механизмов развития индустрии туризма и гостеприимства.

С. А. Маник,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ СИМПОЗИУМЕ В РИГЕ

Кафедра английского языка гуманитарного факультета Университета Латвии уже во второй раз организовала и успешно провела Международный симпозиум по языкам для международного общения (23—24 мая 2013 г.) (<http://www.lu.lv/lincs2013/>). Это двухдневное научное мероприятие, цель которого установить связи между дисциплинами, занимающимися изучением инструментального использования языка в международном общении, а также способами его овладения на основе инновационных методологических подходов к эмпирическим исследованиям.

Как говорят организаторы симпозиума, они стремились объединить выдающихся ученых и начинающих исследователей, имеющих различный лингвистический опыт и разное образование, чтобы обсудить роль языков в международной коммуникации в современном мире. Действительно, в конференции приняли участие представители образовательных учреждений со всего мира: Латвии, Эстонии, Австралии, США, Великобритании, России, Испании, Турции, Франции, Германии, Польши, Сербии, Украины, Литвы, Греции, Малайзии, Туниса, Италии, Египта, Норвегии, Нидерландов, Болгарии, Армении и др. Участники симпозиума разговаривали на пяти официальных языках конференции: латвийском, английском, немецком, французском и испанском. Программа была довольно удачно составлена, поскольку в течение двух дней проходили работы секций на всех этих языках (*Languages and Concepts; Translation, Terminology and Lexicography; Les Langues pour la communication; Aspekte der Translatologie und Daf im globalisierten Europa; Lengua y comunicaci3n: aspectos lingv3did3cticos*). Во время официальной церемонии открытия международного симпозиума приветственные речи произнесли представители руководства Университета Латвии, посол Франции в Латвии, атташе по культуре посольства Германии в Латвии, а также консул испанского посольства.

В центре внимания данной международной конференции стоят различные направления общей и прикладной лингвистики, например семантика, прагматика, текстовая и корпусная лингвистика, дискурсный анализ, методология изучения языка, лексикология, лексикография, переводоведение и т. п. Большой интерес вызвал пленарный доклад Т. МакКарти (Teri MacCarthy, USA/Lithuania) о языке и человечестве, о языковом инстинкте; доклад немецкого психолингвиста В. Лоршера (Wolfgang L3rscher, Germany), который рассмотрел психолингвистику с исторической и систематической стороны; доклад А. Насиционе (Anita Naciscione, Latvia) о метафоричности в международной коммуникации и проблемах переноса значения из одной культуры в другую; презентация А. Виесберга (Andrejs Viesbergs, Latvia) о всепоглощающем переводе, затрагивающем все аспекты нашей жизни.

В настоящий момент вышел в свет сборник тезисов, готовится к публикации сборник научных статей *LInCS2013 Proceedings*.

Наш университет представляла доцент кафедры английской филологии факультета РГФ С. А. Маник. Она выступила с докладом на тему «Написание дефиниции в LSP словаре: на примере англо-русского словаря социально-политической лексики» (*Creating Definitions for LSP Dictionaries: the Case of English-Russian Socio-Political Dictionary*), а также руководила секцией

«Перевод, терминология и лексикография» (*Translation, Terminology and Lexicography*). Обсуждение презентации на секции стало отличной апробацией ее докторского исследования. Многие участники подчеркнули уникальность и практическую необходимость проекта переводного словаря общественно-политической лексики. Важно отметить, что работа в этой секции была очень плодотворной, поскольку все имели прекрасную возможность не только задать вопросы, но также обсудить представленные результаты, поделиться опытом в родной стране.

Со стендовым докладом участвовала доцент кафедры Е. А. Филатова. Профессор Г. М. Вишневская вошла в состав ученого и редакционного комитета.

Хочется надеяться, что в дальнейшем связи с Университетом Латвии будут развиваться. Это позволит расширять рамки сотрудничества, вовлекать студентов в совместные научно-исследовательские проекты.

С. А. Маник,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии

ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНОГО СЕМИНАРА «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКИ»

28 мая 2013 г. на базе научно-образовательного центра «Лаборатория коммуникативного поведения человека», который работает на факультете романо-германской филологии ИвГУ, был проведен семинар на тему «Актуальные проблемы современной германистики». Инициатором проведения данного научного мероприятия стала руководитель центра профессор кафедры английской филологии, доктор филологических наук Ф. И. Карташкова.

Открыл заседание проректор по научной работе ИвГУ доктор исторических наук Д. И. Польшвинный, который в своем выступлении подчеркнул необходимость и значимость изучения лингвистических проблем.

На пленарном заседании было представлено 3 доклада: «Актуальные проблемы миграционной лингвистики» профессор В. М. Бухарова (Нижегородский государственный лингвистический университет); «Элиминированные предложения в современном немецком языке» профессора Л. Г. Казаряна (Институт информационной технологии и управления, г. Серпухов, Московская обл.); «Лингвокультурологическая характеристика немецких пословиц и их русских эквивалентов» профессора В. Т. Малыгина (Владимирский государственный университет).

Далее работа была организована по следующим секциям:

— «Прагмалингвистика» (руководитель — профессор кафедры германской и романской филологии, доктор филологических наук Р. И. Бабаева);

— «Гендерная лингвистика» (руководитель — декан факультета РГФ, доктор филологических наук А. А. Григорян);

— «Невербальная коммуникация» (руководитель — профессор кафедры английской филологии, доктор филологических наук Ф. И. Карташкова);

— «Семантические исследования» (руководитель — заведующая кафедрой германской и романской филологии, доктор филологических наук Н. Д. Миловская);

— «Этнокультурные исследования» (руководитель — старший преподаватель кафедры германской и романской филологии, кандидат филологических наук С. И. Москалёва);

— «Коммуникативное поведение человека» (руководитель — доцент кафедры английского языка, доктор филологических наук М. А. Маякина).

В работе семинара приняло участие более 70 человек — бакалавров, специалистов, магистров и аспирантов кафедр факультета РГФ. Были заслушаны доклады и сообщения, которые вызвали живой интерес аудитории.

Организованный семинар был полезен всем тем, кто занимается различными аспектами современной германистики.

***Е. А. Вансяцкая,**
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой английского языка*

Философ путешествий

(К 50-летию профессора кафедры философии ИвГУ
М. Ю. Тимофеева)

В октябре этого года отметил свой юбилей один из самых «советских» преподавателей кафедры философии — Михаил Юрьевич Тимофеев, певец советского Иванова. Его научные интересы невозможно определить однозначно, они не укладываются в лоно «отраслей науки», «специальностей научных работников». Он как человек эпохи «нового Возрождения» осмысливает разные формы бытия. Многогранность тематики его исследований — этничность и

нация, урбанизм и региональность, советскость и посткоммунизм — не только раскрывается в философском, культурологическом, историческом аспектах, но и визуализируется через призму его увлечения профессиональной фотографией.

Вкупе со многими методологическими комплексами и приемами, в последнее время Михаил Юрьевич, говоря словами В. Каганского, прибегает в своих исследованиях к «профессионализированному путешествию». Этот эмпирический метод позволяет использовать маршрутные наблюдения, местные информационные потоки и активное экспертное общение, которое удастся осуществить на научных конференциях, семинарах, а также в рамках неформальных бесед.

Вообще, путешествие — это неотъемлемая часть жизни философа. Подобно тому как древнегреческие мыслители считали своим долгом объехать побережье Средиземного моря (иногда покидая территорию бассейна), чтобы увидеть мир своими глазами, так и Михаил Юрьевич путешествует, чтобы ощутить протяженность пространства, почувствовать культурный ландшафт, использовать себя в качестве инструмента познания «чужого».

Наверное, трудно поспорить с тем, что путешественник выступает семиотически необходимым фактором места (*genius loci*), благодаря которому создается смысловое поле того или иного пространства и становится возможным отличить один «топос» от другого. Так или иначе, но, отправляясь изучать «чужое» урбанистическое пространство, Михаил Юрьевич всегда пытается обнаружить явную и скрытую связь между родным городом и тем, в котором оказался. Этот методологический прием, связанный с дифференциацией «своего» и «чужого», позволяет в полной мере, максимально быстро «о-свои-ть» то или иное место, а затем уже заняться собственно выявлением специфики исследуемого «топоса».

Увлеченность городской и региональной проблематикой рано или поздно должна была перерасти в новое качество. И таким «системообразующим свойством» стал электронный журнал «Лабиринт», главным редактором которого является М. Ю. Тимофеев. Начало любого дела всегда сопряжено с определенными трудностями. Не удалось избежать сложностей и «Лабиринту». Однако сейчас можно смело заявить, что издание состоялось. Все это стало возможным благодаря усилиям Михаила Юрьевича и тем его добродетелям, что не позволяют оставить начатое дело на половине пути.

Мы искренне поздравляем Михаила Юрьевича с юбилеем и желаем ему неиссякаемой творческой энергии, обеспечивающей выход в новые географические и интеллектуальные пространства, идейных последователей и единомышленников и, конечно, новых странствий, впечатления от которых неизбежно получат отражение в оригинальных научных исследованиях.

Коллектив кафедры философии

Сведения об авторах

- БУЛЫЧЁВ Игорь Ильич** доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет.
igor_algorithm@mail.ru
- ГРИГОРЯН Ашот Арамович** доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет.
yerkat@yandex.ru
- ДМИТРЕВСКАЯ Ирина Владимировна** доктор философских наук, профессор-консультант кафедры философии, Ивановский государственный университет.
philosivgu@yandex.ru
- КОРНИКОВ Аркадий Андрианович** доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет.
istfak@ivanovo.ac.ru
- КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет.
elkos-ty-le-va@mail.ru
- КРОМЕР Эрна Владимировна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания, Ивановский государственный университет.
ernakromer@yandex.ru
- КУЛИКОВ Дмитрий Валерьевич** кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет.
dichmail@mail.ru
- МАЯКИНА Марина Александровна** кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Ивановский государственный университет.
marina_mayakina@mail.ru
- НИКОЛАЕВА Полина Владимировна** кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы, Ивановский государственный университет.
polina_19803@mail.ru
- ПАВЛОВСКАЯ Ольга Алексеевна** кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры русской словесности и культурологии, Ивановский государственный университет.
Pavlovskaya32@yandex.ru

- ПОЛЯКОВА Елена Александровна** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. kargova_elena@mail.ru
- РЫКОВА Анна Сергеевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы, Киевский национальный лингвистический университет (Украина). svitlit1@gmail.com
- СТЕПАНОВ Максим Юрьевич** соискатель при кафедре истории Украины Учебно-научного института истории и философии Черкасского национального университета им. Богдана Хмельницкого (Украина). mus2007@ukr.net
- ТОЛСТОПЯТОВ Андрей Аркадьевич** доцент кафедры общей и теоретической физики, Ивановский государственный университет. (4932) 42-13-85
- ТЮЛЕНЕВ Владимир Михайлович** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. 8-920-6717250
- УСМАНОВ Сергей Михайлович** доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. ilapsi@yandex.ru
- УТКИН Александр Витальевич** сотрудник археологического музея, Ивановский государственный университет. (4932) 32-61-88
- ХУСНУТДИНОВ Арсен Александрович** доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Ивановский государственный университет. arsen1418@mail.ru
- ХУСНУТДИНОВА Александра Арсеньевна** студентка 5 курса филологического факультета, Ивановский государственный университет. arsen1418@mail.ru
- ШИЛОВА Екатерина Анатольевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. kshaposhnikova@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2013. Вып. 3 (6). Филология. История. Философия

Подписано в печать 18.11.2013 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 9,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru